

А

Антология завтрашнего дня

И

84(2=411.2)6

02P

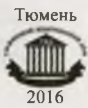
A72

164665/2

Антология
завтрашнего дня

Сборник
рассказов и стихов
учеников Школы
литературного мастерства
имени Владислава Крапивина
при Тюменском
государственном
университете

Тюмень

2016

УДК 821.161.1

ББК 84(2=411.2)6-4я43

18+

А 72 **Антология завтрашнего дня** / сост. М. Булатов. Тюмень:
ОАО «Тюменский издательский дом», 2016. 252 с.
ISBN 978-5-9288-0324-7

Сборник «Антология завтрашнего дня» включает в себя лучшие произведения, рассказы и стихи, написанные за учебный год. Школа литературного мастерства им. Крапивина при Тюменском государственном университете существует уже девять лет, и это шестая книга, выпущенная силами молодых авторов.

Большинство произведений публикуется впервые. Сборник предназначен для читателей и издателей, заинтересованных в поиске новых писательских имен и перспективах развития тюменской книги.

*Студия Михаила Булатова находится под руководством
профессора ТюмГУ, писателя Сергея Сергеевича Козлова,
благодаря которому эта книга вышла в свет*

Книга издана при финансовой поддержке Правительства Тюменской области

Ответственный редактор и составитель:
Булатов Михаил, Сергей Козлов
Иллюстрации: Надежда Зайцева
Верстка: Булатов Михаил, Булатова Елена
Корректор: Татьяна Назырова

ISBN 978-5-9288-0324-7

9 785928 803247

Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6. Тел. (3452) 75-2000.

Подписано в печать 06.10.2016.

Формат 60x90/32. Усл. п. л. 7,875. Бумага ВХИ.
Заказ № 2795. Тираж 500.

- © Коллектив авторов, 2016
- © Надежда Зайцева, иллюстрации, 2016
- © ОАО «Тюменский издательский дом», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

Елена Булатова	6
Маргарита Чекунова	11
Евгения Зонтикова	17
Алина Зарипова	23
Михаил Булатов	26
Алексей Боровиков	28
Владимир Ордовский	32
Алена Герасимова	38
Дарья Крапивина	39
Юлия Евстигнеева	43
Екатерина Хозяинова	44
Юлия Некрасова	51
Татьяна Ольховик	55
Павел Бойко	58
Анна Космовская	63
Ксения Журавлёва	69

третий не дано
 о запрете
 на цепи
 "он", "да"
 дышать весь год
 а не только летом
 и «опять в дураках»
 маска «опять на коне»
 Как без фундамента стать крепостью?
 ты решишь: «пора»
 тропкою позыбитой
 утолим печали
 нашей песней
 Ваша тайна, господа
 принимать как есть, а не бесконечно мерить
 я – слог
 письма пишущая,
 дышится легче
 она вроде бы любила гладиолусы
 это не правда.
 сладость сплет
 не вида не подавайте
 тревожьтесь, если она поправляет волосы

СТИХИ

Лучшая книжка ещё не пролистана

чёрной тушью
 тетрадных полей
 я удерживаемая слабой ладонью пружина
 он хороший, *не главный герой*
 хоть и немного псих *а его друг*
 не паяц, не фигляр –
 девочка второго сорта
 Будем слушать
 муз ночного леса
 и звенит лёт снегопада
 как монета мне надо
 сердце *я додо*
 жить
 слаще
 спутав
 ре
 я
 фа
 мне надо
 принимать препараты
 я не меря
 сойдет и граф
 эгграфисту стану

Елена Булатова

Жди грозы

Жди грозы – и она явится.

Жди грозы.

Наливаясь спелым соком, хрустит трава.

Тянет силы из земли и пока жива

Мнется под копытом моей козы.

Жди грозы.

Дым сгоревшей хаты мешает зной,

Киснет в солнцепеке густой надой.

Еще вчера щеколда вошла в пазы.

Жди грозы.

Заливают слезы раны облаков,

Заливает дождь следы от каблуков,

Заливает пот бусинки угля,

Наливается спелая земля.

Возлежит одна под свинцовым пологом,

Зажигает свечи небесным сполохом.

Накрывает плечи дождь из органзы –

Много дела нынче для грозы.

...слишком много дела.

Жди грозы.

Лики

Твой крик терялся среди игры
Лесного гула.

Я срезал кожу из коры,
И ты вздохнула.

Я вытащил тебя из сна,
Объятий плена.
Тобою плакала весна,
Она горела.

И корни цепкие лесов
Тобою были.
Ты песня дня и крики сов,
Частица пыли.

В тебе и жизнь, в тебе и смерть,
Раскаты грома,
Солнцеворот и круговерть
Родного дома.

...но вот...пришли. И повалили
Наши лики.
Горит огонь, раскрыты рты
В беззвучном крике.

Горели боги. А в глазах
Стояли слезы.

Пылает мир. Чернеет белый
Лик березы:

«Скажи, под взглядом палачей
Ты верил в дело?
Ты в муках умер за людей,
И я сгорела».

Волшебное утро субботы

Тихое утро чуть сонной субботы:
Подернулась пеплом чернильная тьма,
Ветер гудит, фальшивя все ноты,
С печальной усталостью светит луна.

Обездвиженный город, озябший и хрупкий,
В предрассветном тумане, как сказочный мир,
Так и ждешь, чтобы ангел в радиорубке
Передал пару сказок в молчащий эфир.

Все вместе во мне: хлопья белого снега,
Одинокий фонарь в фиолетовой мгле.
Не найти горизонт: где земля и где небо?
Растворились друг в друге, как мед в молоке.

Вдруг улицы вздрогнули. Время вернулось
Вместе с автобусной шумной толпой.
Надо спешить – мостовая проснулась,
Но я волшебство забираю с собой.

Городское

Лепестки, как локаторы, солнце лакали,

Яблочным ветром

Полоскали волосы.

Солнце закуталось в рваные шали –

В городе нет ни тепла,

Ни голоса.

В городе нет ни тоски, ни печали нет –

Голая матрица

Материнского плато,

Немного бетона, стекла и окалины.

Деньги на карте и чек на оплату.

Но я лгу себе.

В твоих глазах – море,

В моих стынут болотца.

Я топлю свою грусть во дворах-колодцах,

На подземных парковках,

Где пьет водку охрана,

Где просят старушки на строительство храма.

Я люблю тебя, город,

До одури. Вглубь.

Я люблю тебя яростно,

Ни унять, ни вздохнуть.

Но я лгу себе.

Я лгу себе, город,
Уже много лет.
Где твои улицы?
Меня
На них
Нет.

* * *

Давай полетаем? Нашей маленькой стаей.
Сплетемся сознанием, рука в руке,
С душой налегке
И с пустыми карманами.
Без обмана.

Давай посмеемся? Друг у друга найдемся,
Станем прекрасными и родными,
Безумно-босыми.
Пусть завидуют чайки
Полету отчаянному.

Давай помолчим? Потеряем ключи,
Посидим у подъезда, греясь плечами.
Я скучала ночами.
Подставь мне крыло –
С тобой так тепло.

Маргарита Чекунова

Разговор с подписчиком

– Вы когда-нибудь встречали,

Как глядит из снежной шали

Вьюга в бархатном пальто?

– Ну и что?

– Как в распахнутых ладонях,

Лунный свет в озерах тонет,

Дремлет лист в уснувшей ржи?

– Не скажи.

– А на месте двух высоток

Раздается стук пролетов,

Серебрится маскарад...

– Ретроград.

– ...как под дымкой многоцветий

Люди, судьбы, сны, столетья

Станут вами, станут мной!

– Вы больной?

– ...их надежды, счастье, горе

Станут ветром в стылом поле,

Серебром дрожащих рос.

– В чем вопрос?

– В том, что все, что было гласным,

Может быть и неподвластным,

Недостаточным уму.

– Не пойму.

– Все прекрасное – бессмертно,
Неотложно и безмерно.
Дремлют ивы на пруду...
– Я пойду.
– Вьются листья, вечер розов,
Прикоснитесь к ста вопросам,
Как к пылающей свече!
– А зачем?

Вечерами

Мчатся машины, машины бездушные.
Мы – никому в этом мире не нужные,
Тонкие, резкие, снежно-воздушные,
Ждем свой автобус. Одни.
Светятся окна, кафе и кальянные.
Мимо – холодные, синие, пьяные,
Желто-софитные, бело-сафьянные
В ритме сияний – огни.

Нет, в этот час не смеется, не мыслится:
Вспомнятся лыжи – скрипящая «Быстрица»,
Роща и дом на краю.
Лет снегопада, и шуба расхристана,
Лучшая книжка еще не пролиста,на,
Синее детство с улыбкой немислимой
Спряталось в тайну свою.

Тайна

Это не было случайным...
Отчего опять не спится,
А в движениях есть горечь
И намеренный излом?
Мир не прав, но я есть тайна.
Мысли, строгие гребницы,
Все плывут. Одна кренился
С перевернутым веслом.
Кто внушил мне эту странность,
Появись! Я не нарушу
Нашей маленькой, надменной,
Дерзкой песни. В этот век,
Скоростной и плоскогранный,
Перевернутый наружу,
Всем кричу, что я есть тайна,
В сонмы лиц бросая снег.
Это был ничтожный повод.
Руки сжал тревожный холод.
Отрезвляюще и метко
Кто-то бросил глыбу льда.
Беспощадно защищаться!
Я не буду превращаться
В сонмы лиц. Ведь я есть тайна,
Ваша тайна, господа.

Декабристский вечер в Ялutorовске

Михаилу Кукулевичу

Вот дом музейный, маленькая лесенка,
Скрипящий пол и фортепиано в комнате.
Вы начали – про Шиллера и Лессинга,
А я вам – про Вольтера... долго... помните?

Вы дали знать: из истинных мыслителей,
Как правило, не встретишь атеистов.
А с ветхих стен, печально-ослепительны,
Смотрели в зал портреты декабристов.

Прошло два века. Разве это разница?
Два века – два мгновения для вечности.
А за стеной музейная охранница
Встревоженно шептала: «Сколько свеч нести?»

Кричала на пришедших: «Тише, глупые,
Там человек приехал... из столицы!»
Мелькали звезды, блеск ночного купола,
Сибирский тракт, столетия и лица.

Зажглась свеча – чужих времен посланница.
Я не забуду вашу речь о Пушкине!
И замер зал. Музейная охранница,
И та пришла послушать вас и слушала.

А эти песни... что сравнится с песнями?
Вам хлопают восторженно и гулко,
Я рвусь всей отрешенностью, что есть во мне,
К величественным залам Петербурга...

Потом прошло два дня, и вы уехали.
И стало грустно в опустевшей комнате.
Висят портреты Шиллера и Гегеля.
(Их, может, из приезжих еще вспомнит кто).

И ждет меня Тюмень – Москвы племянница.
«Ялуторовск!» – доносится в эфире.
И «в строгом свете звезд» поет охранница
В заброшенной якушкинской квартире.

* * *

Пусть это будет сад
Для всех цветных дождей.
Пусть это будет град
Для всех иных вождей.
Пусть там стоит гора,
Гора, где сто лучей.
И ты решишь: «пора»,
И ты поймешь, зачем.
И ты придешь на спуск,
И будет спуск полог,

И превратишься в звук,
И превратишься в слог.
Так, на глазах у всех,
Себя до недр раскрыв.
И замолчат – успех!
И разнесут – прорыв!
И засвистят – провал!
Со всех других сторон.
И скажут: «Ты не шквал,
Ты – холостой патрон,
Ты – как забытый луг,
Ты – как дремучий лог».
А ты в ответ: «я – звук»
А ты в ответ: «я – слог».
И пусть кричит народ,
Не разберет финал,
Тебя узнает тот,
Кто до сих пор не знал.
И спутав ре и фа,
Забыв, что хмур и горд,
Продолжит: «я – строфа»
Продолжит: «я – аккорд».

Евгения Зонтикова

Додо*

Я доверчива. Я додо.
Подойди ко мне – не спугнешь.
Можешь смело достать свой нож –
Не спасу от тебя гнездо.

Я не видела в жизни зла.
Я не знала ни пуль, ни стрел.
Мир кормил меня и жалел,
Чтобы ела, жила, росла.

Если кто-то кричал: «Спаси!»,
Я бежала ему помочь.
Ты бы, верно, унесся прочь?
Ну а я – из последних сил...

Неуклюжа и не хитра.
Я такая, как создал Бог.
Не забудь мой последний вздох
Перед грубостью топора.

Расскажи, мол, когда-то жил
Род ленивых и толстых птиц,
Да к тому же таких тупиц,
Что и жизнью не дорожил.

* додо (маврикийский дронг) – вид нелетающих птиц, вымерших по вине человека

Маски

Тысячи масок!

Найдешь для любой ситуации:

Маски нахалов и маски небесных божеств.

В этой – покорность,

а в той – и надменность, и грация.

Есть для конфликтов

и есть для семейных торжеств.

Для руководства,

для бывших коллег и для новых,

Для подчиненных,

для нужного дяди в верхах,

Маска для старых друзей,

для случайных знакомых,

Маска «опять на коне»

и «опять в дураках».

В маске ты можешь бояться,

геройствовать, каяться,

Боль свою прятать,

за ширмой веселой скорбя...

Но не забудь, что с лицом

постепенно сливается

Маска «для зеркала» –

чтобы не видеть себя.

Обморок

Она падает, как подрубленное дерево.
Медленно. В темноту. С эффектом стерео:
В одном ухе шум, в другом – голоса.
Бледная, в холодном поту,
закрывает глаза.

Бьют по щекам, и она оживает заново.
«Опять поскользнулась
на коже банановой?» –
Шутит уже, смеется своей нелепости...
Как бы ей, без фундамента,
стать крепостью?

Помнит свои ощущения за мгновение:
То, как пыталась предотвратить падение,
То, как старалась взять себя в руки.
Надо ли?
Лучше бы предупредить:
«Осторожно, падаю!»

Дальше – черный туннель и шум лопастей,
Стремительный, точный полет
ко дну пропасти.

Шум, как волна, уходит. Свет. Головы:
«Ну, все в порядке?»
Затылок, как пуд олова.

Приходит в себя, сопротивляясь слабости:
«К черту. Смогу и с этим
дожить до старости».

Время

Я последний туманный сон
перед ясностью дня.
Я первая на виске твоём седина.
Я морщинка под тенью ресниц.
Я взросление сына.
Я удерживаемая слабой ладонью пружина.
Я с поспевшей малиной забытый,
запущенный сад.
Я – время, которое не повернуть назад.

За столиком

Я рада Вас видеть.
Мне видеть Вас вновь – легко.
Добавить Вас в день –
как в кофе долить молоко:
Не горько, и не обожжешься, и мягче вкус.
Я рада Вас видеть.
Мне чай и вишневый мусс.

Очень легко влюбиться

Вы знаете и, я уверена, помните лица
Женщин, в которых
Очень легко влюбиться.

Вот же одна из них! С улыбкой детской
Спрашивает у вас озорно, чуть дерзко:
«Мы раньше встречались?
Лицо ваше будто знакомо».
И все. Вы уже с аритмией
И в горле с комом.

Она так забавно щурится свету,
Так мило радуется солнцу и лету!
Промочила туфли – не заметила лужу.
Она вся в себе и чуть-чуть наружу.

Позволит взять за руку, но зайти...
К чему все это!?
В одиночестве съест
подаренные вами конфеты.
Не забывайтесь: нравитесь ей не вы,
А ощущения, возникшие у нее внутри.

Она не обманщица.
Однажды она откровенно
И искренне скажет:
«Больше не надо, наверное».

И спрячет руку в карман.
Из вашей ладони
Рыбкой скользнет в океан.

Если она вас обидела –
Знайте, она не со зла.
Видели? С ее губ тоже улыбка сползла.

Они мимолетны.
Но трудно забыть их лица –
Женщин, в которых можно легко
И бесполезно влюбиться.

Воскресенье

Кошачье утро. Нежимся в постели.
Прикосновенье кожи. Полусон.
Плевать на все, что мы успеть хотели.
В сто раз важней, что дышим в унисон.

Воскресный полдень. На ногах весь город!
Кто в магазин, кто к теще, кто в кино.
Их день созрел, а наш еще так молод!
Мы завтракаем и глядим в окно.

Торопят нас, но все безрезультатно:
«Скорее, срочно, караул, беда!!!»
Час суеты – проходит безвозвратно.
Минута счастья – с нами навсегда.

Алина Зарипова

Лишняя строка

я даже не футляр –
веревочка с торта,
не паяц, не фигляр –
девочка второго сорта.

вроде оконной ваты,
вроде скетч-шоу,
как будто кривоватый,
наспех прошитый шов,

техническая вода,
брошюрка от скуки
мною занимают, когда
нечем занять, руки.

не главный герой, а его
друг, быть может, из детства.
короче, в этом кино
не цель, а всего
лишь средство.

Мне надо

Мне надо принимать препараты,

А не меры.

Мне надо принимать, как есть,

А не бесконечно мерить.

Мне надо чаще закрывать двери,

А не окна.

Мне надо чаще о том, что есть,

А не о том, что смог бы.

Мне надо больше спать дома,

А не где-то,

Мне надо дышать весь год,

А не только летом.

Мне надо чаще ходить в чащи,

Или в рощи,

Мне надо жить слаще,

Или хотя бы проще.

Устав

от такой жизни в конец устав,

я переписала свой личный устав.

выбросила несколько глав:

о невозможности отсечения глав,

о запрете на цепи «да, но»,

о том, что третьего не дано:

ты всегда виноват или прав.

И добавила себе новых прав:

на необязательное заполнение граф
и на принца (сойдет и граф).

Завещание

Приносите моей вдове цветы иногда,
Она вроде бы любила гладиолусы.
Не говорите с ней обо мне никогда,
Тревайтесь, если она поправляет волосы.

Не позволяйте курить, она себя тем погубит.
Пытайтесь хоть как-то ее рассмешить,
Фокусы с картами – не предлагайте,
И клоунов тоже она не любит.

Можете купить ей цветные карандаши,
Но только подточенные остро.
Вряд ли станет она рисовать, но для души –
Ей будет приятно. Купите, это ведь просто.

Можете выпить с ней сладкий ром,
Только спать ее потом отведите.
С ней пьяной держите ухо востро –
Помните: пьяная баба – плохой водитель.

Если скажет, что я ее не любил – не верьте.
Это неправда. Но вида не подавайте.
Я и сейчас стою перед дверью,
Я и сейчас стерегу под кроватью.

Михаил Булатов

Все в порядке

Все в порядке, в груди не болит.
Письма пишутся, дышится легче.
В полдень часто смотрю в зенит,
Летний ветер меня пьянит,
И звенит, как монета, сердце.

Я кидаю его, и оно летит
Упадет мне к ногам орлом или решкой.
Потому в груди ничего не болит,
А мой ангел глядит с усмешкой.

Он приходит под вечер, угрюм и тих,
Наливает и пьет, и вновь наливает.
Он хороший, хоть и немного псих.
Так с хранителями часто бывает.

Просто выдохни

Просто выдохни, все уже позади
Загустела кровь, на пороге осень,
А стрела, что торчит из твоей груди, –
Это блажь, так сегодня носят.

Я снимаю время

Я снимаю время, кладу его в деревянный ящик
Становлюсь вновь бессмертным,
И легким, как тополиный пух –
Будто я на качелях. И захватывает дух.

С добрым утром

Чтобы душа была с надрывом,
такая, кроваво-красная по краям,
и чтобы пелось всегда легко и немного хрипло,
и просыпалось чтоб по утрам без боли и немоты.
Чтобы сладко тянулись руки к солнцу,
как будто достать его можно, погладить,
словно котенка,
и нежно прижать к груди.
Короче, чтобы вот так – ты в седле,
и в лицо хлещет ветер,
и вся жизнь твоя – впереди.

Есть такие люди

Есть такие люди, очень хрупкие,
зыбкие, акварельные,
Будто змей бумажный в небе над мегаполисом.
У них волной идут волосы, у них кости птичьи,
А сердце – уголь горящий.
Я их видел, они настоящие.

Алексей Боровиков

Ведьма

Пышно вьется коса золотая,
Пляшут искры в зеленых глазах.
Дивный голос, как музыка рая,
Часто слышится он в моих снах.

Она стройная, словно береза,
А душа чистым светом полна –
Порожденье седого мороза
И горячего солнца она.

Лед и пламень, огонь и веселье
Сочетаются чудно так в ней.
Пил любви я хмелящее зелье,
Оставлял позади сумрак дней.

Изнутри горю пламенем буйным –
Не потушит вода всех озер,
Помню пляску той ночью безлунной,
Не забуду я страсти костер.

Как в тумане, я в вечном забвенье,
Меркнет разум в объятьях твоих.
И в ночных безрассудных виденьях
Кружит ангелов сонм нас двоих.

Образ твой перед гаснущим взглядом,
Лишь любовь еще теплится в нем.
Моя ведьма, побудь со мной рядом,
Отогрей поцелуя огнем.

День рождения смерти

А за окном мерцают фонари,
Ликут бесы, оборотни, черти.
Густится ночь. Есть время до зари,
Ведь нынче празднуем мы именины смерти.

Земля разверзлась, и возник огонь
Кроваво-красный, как заката пламя.
Мерцанье звезд, и возникший трон
Явились к нам, как воцаренья знамя.

Накрыла тьма вокруг все полотном,
Застыла будней немая круговерть.
Сквозь пыль вселенной шагает в новый дом
Родившаяся дева смерть.

И черный плащ качнулся на ветру.
Вдруг выпал снег в самом разгаре лета.
Кто с нею был, вскорости умрут,
Так не увидев пелены рассвета.

Густится ночь. В развалинах домов
Резвятся бесы, оборотни, черти,

Их дикий ор до самых облаков
Нас известил о дне рожденья смерти.

Я стану твоим сенбернаром
Я стану твоим сенбернаром
Послушным, спокойным, пушистым.
Пусть лето весь день дышит жаром,
Останусь приятным и чистым.

Я в сад побегу за тобою,
Хвостом дружелюбно виляя.
Косточку в землю зарюю,
К тебе у пруда приласкаюсь.

И счастьем глаза зажгутся,
Когда ты коснешься рукой.
Нальешь молока много в блюдце,
Вернувшись с прогулки домой.

Хочу я к тебе на колени,
Мечтаю свернуться в клубочек.
Любимое угощение –
Копченой колбаски кусочек.

А ночью, твой сон охраняя,
Я буду сидеть под диваном.
Порой я всерьез представляю,
Как стану твоим сенбернаром.

Дождь

Друг с другом мы гуляли под дождем,
Стучали капли по асфальту и по крышам.
Давай еще немного подождем,
Пока вокруг нас станет чуть потише?

Читала ты стихи про вредный дождь,
Что за тобою следовал повсюду.
И снова вечер. Ты кого-то ждешь,
Но не дождя, не солнечного чуда.

Пальто промокло, ветер растрепал
Тугие косы, по ним вода стекала.
На туфлях грязь, вдали автовокзал,
Где как-то раз меня ты повстречала.

Я помню, как насквозь тогда промок,
Дрожа, как лист, шагал я за тобою.
Я, словно дождь, был хмур и одинок,
Пока не встретился под зонтом с судьбою.

Темнело в комнате, ведь за окном гроза,
Сверкали молнии, раскат был за раскатом.
А помнишь, дождь, ночной автовокзал,
И этот зонт, что нас укрыл когда-то?

О, как же грозен первый вешний гром!
Капли дождя опять в окно стучатся.
А мы с тобой, как и тогда, вдвоем...
После дождя позволь с тобой остаться.

Владимир Ордовский

Весна!

Где-то там – в нескончаемых чашах,
На листве и сосновых шишках,
Под весенним светилом палящим
Косолапый пригрелся мишка.

Друг мой, северным солнцем согретый,
Что ты видел в своей берлоге?
Как прекрасна твоя планета
Знают лишь космонавты... и боги!

Пьяным дервишем в бешеном танце
Нарезает круги планета,
В окруженье космических станций,
В ожидании вечного лета...

Тают шапки арктических будней,
Веселятся таёжные реки!
Всё быстрее и безрассудней
Мчится, в двадцать каком-то там веке,

На бегу подводящий итоги,
Сотворённый из стали и плоти,
В нервной спешке ломающий ноги –
Мир, бурлящий в круговороте.

Бренных судеб, дешёвых строчек,
Душ, проигранных в чьём-то азарте...
И горячих – бунтующих точек
На тиранами сотканной карте.

Нам былого обычно так мало
В вечном поиске жизненных смыслов –
Города, поезда, вокзалы,
Бесконечные буквы и числа,

Всё сплетается в бешеном ритме!
И мелькают года, пространства...
Никогда не привыкнуть, видно,
К постоянному непостоянству.

Всё изменится в том хороводе,
Что нас кружит... Пускай! Не страшно!
Жизнь приходит... и жизнь уходит –
Всё, что было, – не так уж важно...

Лишь мишутка зимой в берлоге
Видит сны о прекрасном лете...
Лишь весна на моей планете!
А над ней космонавты и...
боги.

Премьера

Небесный режиссёр окончил съёмки –
И вот на долгожданную премьеру
И дамочки, одетые с иголки,
И с ними их ручные кавалеры –

Пришли... Весь зал затих и внемлет:
Вначале на экране было Слово...
И это Слово обращалось в землю
И прорастало в ней обличьем новым...

Шли миллионы лет, Земля взрослела;
Садилось солнце и опять вставало;
Всё веселилось, зеленело, пело;
Всё размножалось, жрало, умирало...

И не было романтики в помине...
Но жизнь стремилась превзойти себя же –
Гарцуя к генетической вершине!..
И вот уже в лохмотьях, вальяжно,

Не зная, не скорбя и не кручинясь
О всём, что было до, на задних лапах
Из чащи вышел смуглокожий витязь,
И, бросив взгляд в экран, сказал он: «Папа!

Построю храм и буду жить Тобою!» –
И время шло, выросли его внуки,

И правнуки седели головою,
Над миром взявши власть в лихие руки.

Вот тут уже пошло поинтересней...
И на экране разгорались страсти:
Под дружные напевы бодрых песен
Святые небеса мешались с грязью!

Народы шли волнами друг на друга!
Вожди свергались новыми вождями!
Следы Пророков заметала вьюга,
Сменяясь бронебойными дождями!

И миллиарды раз была распята
Любовь толпой безжалостной и дерзкой!
И в газовые камеры солдаты
Сгоняли узников концлагерей по-зверски!..

.....
И автор сам рыдал в те жуткие моменты...
А с ним рыдали все, кто были возле...
...Кино вселенское кончалось «хэппи-эндом»...
Но что потом? Но что же было после?!

А после были титры... свет включили...
Букеты, поздравленья, мненья, споры...
Все разошлись... и вскоре всё забыли...
Немало ведь подобных
режиссёров...

Стезя поэтава

Чтобы ум не утоп в стакане,
Чтоб душа не покрылась плесенью –
Среди сотен земных пристанищ
Я всегда выбирал
Поэзию!

В душный век, где ничто не свято,
Лишь она мне была
оазисом! –

Где гомеровы Илиады
Освежали волной катарсиса,

Где в предметы сгущались звуки!
Те, что Лоркой векам подарены...
...И в сознании, словно в рюмке,
Башлачёва мешая с Байроном,

Я писал о том, как опасна,
Камениста стезя поэтава!..
Коль идти – то всерьёз и сразу! –
По заветам

Егора Летова.

Я писал о хмельной Свободе!
О ветрах, что вздымались смерчами!
О степях и о вольных ордах!..
И, направив ладони к вечному,

Я скандировал терпкие строки,
Зарифмованные

отчаяньем!

Про низвергнутых Солнц осколки,
Про Вселенной глаза печальные,

И про то, что Жизнь – не игрушка!
Не банкнота, чтоб быть разменянной!..

...Мой сосед по палате – Пушкин –
Аплодировал мне – Есенину...

Система

Каков всеобщий идеал?
Деньжата, дом, семья, работа!
Чтоб свой сварганить капитал –
Работай до седьмого пота!

Ведь, чтобы завести семью,
Построить дом – нужны деньжата.
Отдай Системе жизнь свою!
Как все... под роспись, за зарплату.

И, чтоб не зря старался ты,
Роди таких же идиотов!
Чьи приземлённые мечты:
Деньжата, дом, семья, работа...

Алена Герасимова

* * *

Бросить все и просто уехать
На три сорок до Петербурга,
Неплохая бы вышла потеха...
Да, пожалуй бы, вышло чудно.

Потеряться бы на неделю,
Позабыв телефон мобильный,
Да я знаю, что никого не заденет,
Кроме самых родных и близких.

Голова как в бреду, и чувства
Вдруг наружу слезами вышли.
Объясните же мне, откуда
Эти страшные думы-мысли?

Я не выпалась, я устала,
И, наверное, даже простыла...
Взгляд опять чересчур унылый,
Не скажу никому – забила.

Ты решаешь диллемы проще
И любовь ставишь выше дружбы,
Разговоры стали короче,
А обиды все глубже и глубже...

Бросить все и просто уехать...
На три сорок до Петербурга...
Неплохая бы вышла потеха...
Потерять последнего друга...

Дарья Крапивина

* * *

Мы сидим на волшебном вокзале,
Рыжий месяц мне вылизал нос.
У старушки с больными глазами
Паутинка из пролитых слез.

Не понять ни минуты, ни часа:
Бьют часы возле буковки «Ха».
Папа где-то добыл кружку кваса
И не видит за этим греха.

Мне не нужно стальных побрякушек,
Ярких тряпок и длинных ногтей,
У меня есть браслет из ракушек
И узор из цветных якорей

На коротком смешном сарафане.
Мне не страшно от длинных гудков.

Я дарю своей маленькой маме
На листе поле синих цветов.

Вопреки папиросному чаду,
Мама пахнет дождем и весной.
Улыбайся! Печалиться рано:
Папа будет три года с тобой.

Пронзенной осенью навзрыд
Холодным кофе в старой турке,
Вдруг что-то остро заболит
Внутри обласканной фигурки.

* * *

Неровный тихий перезвон
Пониже живота налево.
И будет зябко. А потом
В его глазах родится небо,

Почище всех других небес.
Но есть одно. Оно похоже
На проведенный Южный Крест,
На след от прадедов на коже;

То песни в обмороке солнц
В саду, казавшемся нам лесом;

То прядь состриженных волос,
Тобою отданная бесам.

Я вслед тебя перекрещу,
Как тех, кого не окликают.
И позабуду. И прощу,
Как только матери прощают.

* * *

Сеть наловила твоих сыновей
В ярких футболках на фото.
Помню, гоняли с тобой голубей
В пятницу или субботу.

Нам так хотелось влюбиться во все –
Пусть бы друг в друга, не важно.
Ты говорил, что японец Басе,
Ты говорил, что однажды

Мы заберемся на гору и там
Чай будем пить из пиалок.
И, воздвигая из камушков храм,
Дал мне букетик фиалок.

Мы его бросили там, на скамье, –
Но не специально, а просто...
Ведь не нужны нам цветы на войне
Или в спасенье от монстра...

Для изучения подводных глубин,
Даже в полете воздушном.
Для экспедиции на Татуин
Тоже фиалок не нужно.

Нужно лишь фото каких-то цветов
И поздравление кратко:
«Рада вдвойне за твоих пацанов».
Я не расту. Все в порядке.

* * *

Потолок упал и стоит в углу.
Ты устал быть первым в самом себе.
Посмотри на нас, я еще могу
Сохранить тебя в неудобном сне,
Разделить своих дочерей на всех,
Чтобы каждому было, кого учить.
Они помнят свой первородных грех.
Они завтра хором хотят родить
И пустить по миру своих сестер.
В закопченных мыслях гнилых небес
Мы разделим ночью сырой костер,
Но сгорит быстрее не он, а лес,
Чей картонный мир замыкаем всем,
Где бездонным нам не родить слова,
Где нам кажется, вот мы проснулись в семь,
А проснулись в два.

Юлия Евстигнеева

* * *

Ива, склонившись, ручью прошептала:
«Помнишь, когда-то была молодой?
Годы прошли. Я не раз прикрывала
Воды твои золотистой листвой.

Знаешь, за что называют плакучей?
Плачу над нашей судьбою давно.
Если б ты не был ручьем полнозвучным,
Я бы не деревом – слились бы в одно.

Вечно нагнувшись над светлой водою,
Бога я вижу в твоей глубине,
Только к тебе я стремлюсь всей душою,
Но бесконечна дорога к тебе!»

Другу детства

А помнишь, играли в индейцев с тобой?
Топор отрывали, ходили войной,
И вдруг, бледнолицых людей увидав,
Бросали мы в них из кустов томагавк.
И с кличем призывным военной поры
За ними бежали, как только могли.
Когда же ловили не мы их, а нас,
Бывало, пытали: «Скажи, Зоркий Глаз,

Скажи свою тайну и выдай сполна,
Иначе спалим на костре вас дотла!»
Но вождь чингачгуков с пером у виска
Молчал, как Мальчиш, и смотрел на врага.
Потом Трубку мира курили кружком,
Ее заменяя древесным сучком.
До ночи сидели гурьбой у костра,
Не в силах уйти просто так со двора.
Ты помнишь, играли в индейцев с тобой?
Ремнями нас всех загоняли домой.

Екатерина Хозяинова

Старик

Коричневые пятна под глазами,
Глубокие морщины на щеках
В воображенье возникают сами,
Едва подумаешь о стариках.

По улице шагает еле-еле
Голодный, одинокий и больной,
И кажется: качался в колыбели
Уже он убеленным сединой.

А был он парнем статным да красивым,
Любовью тайной озорных девчат.

О девушке со станом – гибкой ивой
Полынь-воспоминания горчат,

Но нищенскую пенсию-подачку,
Которую дают-то не всегда,
Просить у государства, как собачка,
Больнее в сотни раз! В его года

Жизнь поздно начинать уже сначала.
Она прошла, «как с белых яблонь дым».
Чем до такого доплывать «причала»,
Не лучше ли погибнуть молодым?!

Фальшивым друзьям

Не «беспокойтесь» обо мне, друзья,
Не шелестите за спиной тревожно:
«Не надо делать это, то – нельзя,
А се любить и вовсе невозможно,

Поскольку то – банально, это – вздор,
А се – старо и лишено престижа.
Как ты не понимаешь до сих пор?!»
Я эти разговоры ненавижу!

Я вам кажусь нелепой и смешной,
И вы меня пытаетесь исправить?

Насильно изменить мой путь земной
И за меня моею жизнью править,

Чтоб я любила то же, что и вы,
И обо всем советовалась с вами –
Болванчик без души и головы,
Руководимый вашими словами?!

Не беспокойтесь обо мне, «друзья»,
Не шелестите за спиной тревожно...
Уж если жить своим умом нельзя –
Быть вам подругой вовсе невозможно!

Верный раб?

Когда вам шепчет на ухо мужчина:
«Люблю я, изнаываю от тоски,
Ваш верный раб до гробовой доски...» –
Он искренен. Но прав – наполовину.

Страдает? Изнывает? Да – сейчас!
И верен вам – конкретно в этот час.
Способен «раб» на жизненном пути
Другую госпожу себе найти...

Меж двух огней

Папа воет в деревне с тоски, маме в городе душно,
Ну, а дочка их, с виду, к тому и к сему равнодушна:

Не привязана сердцем ни к «видику»,
ни к русской печке,
Ни к панельным «гробам» новостроек,
ни к лесу, ни к речке,
Мотыляется девка протухшею в проруби рыбой
Меж простором деревни и города каменной
глыбой.

И не видит никто, до чего ей мучительно дорог
Огоньками рекламы и смогом окутанный город,

Как деревня ее привлекает, особенно летом,
Как с рожденья душою она полюбила все это:
Развалюхи деревни глухой, городские коробки,
Телевизор, ночные костры и дорожные пробки,

И на морде коровы знакомой забавные пятна...
Вот и возят ее поезда то туда, то обратно.
В ней смешались две крови – таежная и городская.
Оттого-то у вас беспокойная дочка такая...

История цивилизации

Когда-то давно, в незапамятный век,
Был сильный да злобный дикарь-человек
Похож на гориллу с изъяном,
И предки хихикали из-за куста:
«Хорош экземплярчик, но что ж без хвоста?
Где хвост потерял, обезьяна?»

Шло время, и люди узнали огонь,
Потом появились мотыга и конь,
Затем – колесо и дорога.
Руду добывая и плавя металл,
В гордыне себя человек посчитал
Подобьем бессмертного Бога.

Задумал, как Бог, сотворить существа
И технику создал, что, слепо-мертва,
Планету его разрушала.
Зверье он отстреливал, рыбу глушил
И совесть «мохнатую лапой» душил,
Чтоб дальше «царить» не мешала.

История может закончиться так:
Однажды придет человек в зоопарк
К последней живой обезьяне.
И крикнет из клетки седой гамадрил:
«Ты сам-то хоть понял, чего натворил,
Убийца, горилла с изъяном?!»

Елочка

«Хотим живую елочку! – Потребовали дети. –
Причем купи нам самую красивую на свете!»
Ответил детям папа: «Хорошо»,
Взял деньги и за елочкой пошел.

Пушистая, зеленая, нарядная в квартире
Действительно казалась им прекраснейшею в мире.
Вокруг нее детишки в Новый год
Водили развеселый хоровод.

Через неделю мама заявила, что от елки
По всей квартире – мишура да мелкие иголки.
Она уже здесь больше не нужна
И в мусорке покоиться должна...

Красавица развенчана. У мусорного бака
Валяется, облезлая, как блудная собака.
Остатки мишуры на ней — как нищенки тряпье...
Я подошла и ласково погладила ее.

Стою в тоске и не могу уйти.
Красавица зеленая, прости...

Влюбленная кошка

Жила в деревне серенькая кошка,
Сидела вечерами у окошка,
Мышей ловила ночью, днем спала.
Однообразно жизнь ее текла,

Как у любой другой...
Но как-то раз,
Направив в небо взгляд зеленых глаз,

Увидела, что там летит звезда.
Что с этой кошкой сделалось тогда!

Она влюбилась сразу в ту звезду,
Да так, что даже слов я не найду!
Она сгорала от любви, а это
И вовсе не звезда была – комета,

Которая сверкнула и пропала...
Казалось, кошка и не горевала,
Вот только каждый вечер у окна
Искала взглядом ту звезду она...

Домашний очаг

Домашний уют – это запах горелой еды.
Оплавленный круг на клеенке от сковороды.

Домашний покой – рэп соседский орет на весь дом.
Подушка диванная порвана в клочья котом.

Домашний комфорт – сел за комп –
отключается свет.

На дверь налетаешь впотьмах по пути в туалет.

Домашний очаг – там, где нижнее сохнет белье.
Где твой холодильник и кружка.
...И сердце твое.

Юлия Некрасова

В тишине

Строчки, звуки, движенья, эмоции –
Хоровод пестрых дней ускоряется.
Небо, ночью наполнившись звездами,
В тишине в твою душу вливается.

Для себя вдруг поймешь нечто важное,
То, что истиной стало нетленной,
И отпустишь все мысли бумажные,
В тишине открывая вселенную.

Тебе

Я просто устала. Мне просто немножечко грустно.
Садись со мной рядом. Коснусь я рукою тебя
невзначай.

Мне хочется, чтобы всегда согревали нас
нежные чувства,
Чтоб, как и сейчас, по утрам для меня ты
заваривал чай.

Ты будь в моих мыслях всегда: когда я на работе,
Когда с сорняками воюю, готовлю обеды.
Когда в свою школу иду, как на автопилоте,
Качаю ребенка, смотрю с тобой фильмы под
пледом.

Я знаю: с годами любовь никуда от людей не уходит.
Она в теплом шарфе, в любимых рецептах,
в заваренном чае.
Она по ночам, когда спят все, тихонько
по комнатам бродит,
Укрыв одеялом нас, краски рассвета встречает...

* * *

Прошлое
то выстраивается детскими кубиками,
то напоминает о себе мечтами обугленными,
то летит по небу беспечным воздушным змеем.
Прошлое –
это строчки дневника, где мысли, чувства собраны,
дорога еще не пройдена, башмаки пока не стоптаны.
Глубокий вдох. Гляди вперед, ни о чем не жалея.

* * *

Повязав тонкой пеленой лжи глаза,
Пытаешься ухватить то, что влечет неустанно.
Не гони жизнь. Нажав тормоза,
Начни вдыхать этот мир заново.
И, открыв этот путь, иной, неведанный,
Обними свое счастье, как желанного гостя.
Благодари жизнь и эту вселенную,
Что расстелена над тобой небом звездным.

* * *

Вот бы сегодня увидеть тебя.
Разулыбаться по совершенно понятной причине.
Я напрочь забуду суету и рутину,
Если при встрече крепко
Обнимешь меня.

Вот бы неожиданно встретить тебя
И раскраснеться, внутри вспыхнуть искрой.
Поделиться б с тобой важной мыслью
О том, что сегодня наконец-то
Обрела себя.

Вот бы целую вечность не знать тебя!
Не цепляться за обломки воспоминаний,
Не лезть через терновник к глубинным желаньям.
Не вкладывать никакого смысла
В слово «твоя»...

Вот бы прямо сейчас увидеть тебя!
И поверить, что все-таки встреча была неизбежна.
Вдохнуть этот воздух осенне-вешний,
Почувствовать, как звенит от радости
Душа моя.

Вот бы сейчас, в эту минуту увидеть тебя...

* * *

Я смотрю на тебя,
Кажется, в этой комнате нам
немного тесно.

Я смотрю на тебя. Окно души моей
открыто.

Моя вселенная пока
на своем месте.

Но ты уже нарушил движение
планет по орбите.

Совсем неважно, кто поймет,
а кто только осудит.

Не держи мою руку, и давай опять
поменяем тему.

Я смотрю на тебя и не верю, что «нас»
не было и не будет.

Ты как Плутон, не входящий в мою
Солнечную систему.

Татьяна Ольховик

Рыжий гном

Спрятался от дождика под грибком
В желтеньком кафтанчике рыжий гном.
Промочил сандалики он слегка:
Виноваты серые облака.

Выглянуло солнышко, сдался дождь,
Только море-лужица – не пройдешь.
Из листка опавшего вышел плот.
На плоту диковинном гном плывет.

Маячок-окошечко впереди,
Вот и море-лужица позади.
Вскоре кушал плюшечки за столом
В желтеньком кафтанчике рыжий гном.

Маме он рассказывал о морях,
Быстроходных парусных кораблях.
Мокрые сандалики – не беда,
Виноваты серые облака.

Стрекоза

Кружилась в небе стрекоза,
Ее зеленые глаза
Смотрели на цветущий луг,
Но мелкий дождь закапал вдруг.

И улетела впопыхах,
Забыла синий цвет в глазах,
В прозрачном зеркале воды
Уж не увидишь стрекозы.

Летит, стрекочет далеко
Оттенка кофе с молоком,
Большие карие глаза
От солнца прячет стрекоза.

Деревянные лошадки
Ветер мягкий, ветер сладкий,
За спиною только пыль.
Деревянные лошадки
Нас уносят в сказку-быль.

По полям, полям бескрайним,
По дорогам без конца
Мы в серебряном тумане
Мчимся, веря в чудеса.

И звенят цветные шляпки
Колокольчиков в траве.
Деревянные лошадки
Всех быстрее на Земле.

Слоненок

Я вчера подружилась
С разноцветным слоном
И весь день прокружилась,
Прокаталась на нем.

Я ему подарила
Накрахмаленный бант.
Мне так весело было,
И слоненок был рад.

Он большими ушами
Отгонял комаров,
За цветными шарами
Он бежать был готов.

Но сегодня, так вышло,
У него выходной,
И стоит неподвижно
Карусель предо мной.

Вышло солнце на прогулку
Вышло солнце на прогулку
Босиком по переулку,
Босиком по теплым лужам,
Правый лучик чуть простужен.

Он закутан серым пледом,
Он грустит дождливым летом,
Только солнце не сдаётся,
Из-за туч оно смеётся.

В небе радуга цветная,
В лужах зайчики, играя,
Возвещают: дождь окончен!
На сегодня это точно.

Значит, можно на прогулку
Босиком по переулку,
Босиком по теплым лужам,
Не беда, что чуть простужен.

Павел Бойко

* * *

Я хмелем завяжу глаза
И спиртом уши закупорю.
Меня обманывай, страна,
Я революций не устрою!

На водку цены понижай,
На хлеб, напротив, – поднимите!

Но ты смотри там, не плошай,
Чиновники чтоб были сыты.

Про медицину ты забудь –
Мы – нация людей здоровых.
Это в Германии все мрут
И технологий жаждут новых.

С коррупцией бороться брось!
Чиновникам доверие нужно!
Слышь, ты, херню там не морозь!
Им воровство с рожденья чуждо!

Про «АвтоВАЗ» отдельный спор,
Машины делают умело.
Как дикий лев ревет мотор,
Заводы знают свое дело.

Ты с интернета и газет
Давай вранье нам любой масти.
И помни главный ты завет:
Конец приходит каждой власти.

* * *

Когда потухнут свечи в доме,
Камин останется во тьме,
На старых окнах запотевших
Мороз рисует на стекле.

Немые перья и чернила
Вот-вот в блокноте закричат,
А песни «Битлз» на виниле
На струнах сердца зазвучат.

Меня накрыло вдохновение...
Я исписал листков уж пять.
Мне врач напишет заключение:
Что я влюбился вновь, опять.

Пропишет мне бутылку Джека,
А может, водки литра два,
Но мне совсем не нужно это –
Ведь счастлив я, как никогда.

Ты подойдёшь ко мне тихонько,
Чтоб за столом спать не пришлось,
Разбудишь поцелуем робко,
И снова сердце вдруг зажглось!

* * *

Нелепое чувство свыше,
откуда, не знаю, пришло,
я ночь просижу на крыше,
чтоб к звёздам меня унесло.

Тебе пожелаю спокойных,
волшебных и добрых снов,

я верю – мы встретимся позже
без бранных и глупых оков.

Я знаю – мы встретимся позже!
Посмотрим друг другу в глаза,
я что-то скажу монотонно,
слегка приоткрыв уста.

Ты тоже ответишь спонтанно,
на речи из недр души,
тебя обниму... как-то странно,
как будто сбылись все мечты.

Зачем я пишу эти строки –
ответ потаенный в глазах,
из недр души ведь потоки,
забытые в сладких мирах.

Сказать словами смогу меньше,
Чем своим взглядом рассказать.
В любовь не верил, но поверил...
И не хочу её терять.

* * *

Закрой глаза, доверься мне,
Я поведу тебя кругами,
Туда, где деньги не в цене,
Где платят люди лишь словами.

О недоверии вопрос
Там априори отпадает.
На чувства добрые там спрос,
Где музыка в сердцах играет.

Мы пробежимся по росе,
Рука в руке, чтоб не теряться.
Пусть думают, что мы, как все,
Нам с ними всё равно прощаться.

С тобой не встретимся мы вновь,
Ведь мы не будем расставаться.
Пусть в небо нас несет любовь,
Нам нужно посильней обняться.

Позволь мне руку твою взять
И убежать с тобой подальше.
Навек счастливыми нам стать,
Без скромности и глупой фальши.

И поселить в сердцах у нас,
Подвластны лишь счастливым чувства.
Не бойся ты закрытых глаз,
В душе у нас не будет пусто.

Анна Космовская

* * *

Холодна вода.
Но тверда рука строителя маяка.
Каменный Оскал – убийца кораблей.
Скалы вокруг – острей бритвы, ночи черней,
Тысячи жизней на их острие.
Мели коварны в прилив и во тьме,
Нужен надежды луч этой адской земле.
Крошечный остров средь моря и острых скал
Скалит клыки.
Жатва бурь и штормов – сотни душ моряков.
Для великой воды – желанный улов
Где-то рыдает немало детей, матерей, сестёр, вдов...

Но вот
Тот, чей отважен дух,
В руки берёт инструмент,
Артель за собой зовёт:
«Это – сложнейшая будет
Из наших работ,
Кто-то здесь головы сложит,
Но каждый из вас поймёт:
Должен стоять в этих скалах
Мира надёжный оплот»
Вторят ему голоса:

Гулкое эхо разнёс от зуба до зуба Оскал
Так проходили дни. Рос на скале маяк,
Домики под скалой давали тихий приют.
Край был суров к людям, неласково привечал,
Но люди сильней стихий – силу ответить найдут.
Так они думали, верили в новый день,
Уж второй год возводили святыню морей,
Ждали с большой земли часовой механизм маяка.

Остров притих,
И напрягся,
Как увидевший
Цель свою
Зверь...

* * *

Сполз на Оскал туман, скрыл его зубья,
Выгладил острия, молоком будто...
Алые кудри вдали, песня заворожила всех...
Чудится ль людям? И парни спешат на смех.
На нежный, девичий смех.

Жены подруги там, на большой земле
Истосковались руки по нежным, девичьим плечам...

в очень старых маяках вращение линз осуществлялось часовым механизмом с пружиной или грузом, приводимым в рабочее состояние мускульной силой смотрителя маяка

Слушайте песни рабочие, слушайте все!
Много ль ещё на земле уготовано вам?

Утро настало. Пустынный остров молчит.
Гомон людской утих.
Слышно лишь море и птиц.
Мастер растерянно входит в пустые дома:
Утренний свет пустые столы золотит,
Хлеб недоеденный, миска с лапшой, старый стул.
Печка. Остывшей золой побелевший очаг...
Ни единой души.

Мастер пошел на звук, услышав вдали голоса.
Обмер, увидев белый, как мрамор, стан
Точно хрустальное сердце сверкает в груди.
Песня, как море спокойное – ласкова и нежна.
Выдохнул тихо... И ей он взглянул в глаза.
Он деве взглянул в глаза.

Каменный череп с годами рассыпался в прах,
Святыней морскою так и не став,
Стал лишь приютом для птиц и ветров морских,
Безглазый, пустынный, заброшенный остов-маяк.

* * *

Меня, зачарованную твоим запахом и вкусом,
Меня, потратившую жизнь на пустые обещания,

Меня, несущую в руках тонкие свечи,
На руках – пальцы и брызги,

Меня прими.

Что есть сон,
Как не безрассудство рассудка?
Бред избранных,
Боль лиан, впивающих
Наших врагов и друзей
В наши сердца?

Я ждала.

Вы ли, пришедшие под сень этих сосен,
Вошедшие позже, вопившие о пощаде,
Валившие на безволие и боль,
Вы ли те, кого я ждала?

К кому стремилась и пыталась нести:
Себя, свет, дыхание, покой...
Вы ли, наотмашь бьющие мечты и губы...
Зачем стоите вы здесь, обнаженные,
Рассыпая взгляды, слова и страхи,
Как дешевый, тусклый бисер?

Ждущие пощады,
Терпения, милости и шанса ударить вновь?

Вы всегда правы. Вы всегда знаете, что работает.
А мне вновь останется растирать кровь по лицу
Кривясь в усмешке порванных губ.

* * *

Хроно вива!
Справедливость живёт в часах.
Справедливость.
Жищно скалит свои шестерёнки
И ухмылку прячет в стрелок усах.

Ничего нет. Изначально.
Нет ни смысла, ни света, ни нас.
Только время. Оно нас уже закопало.
Затеряло в поправших летах,
Схоронило в своих тихих па
И прошло, шелестя песком.
Далеко.

Не угнаться. Не схватишь
За полы невесомый кафтан.
Справедливо лишь так.
Хроно вива.
Мори вита.
Всё так.
Только так.

Ксения Журавлева

Таёт за окнами март, и весь город плывёт:
Плещутся в лужах деревья, дома, магазины.
Дворник лопатой торопит с утра ледоход.
Люди бегут по воде, словно пёстрые льдины.

На тротуарах, куда ни взгляни, сапоги.
Скачут мячами, вздымая блестящие брызги.
Пару достань с антресолей и тоже беги
В сквер, где оравой коты на заборе повисли.

Нагло, у всех на виду, будто местная знать
(Через квартал расположена главная площадь).
Мало того, дабы шёрстку в грязи не марать,
Эти коты как один надевают галоши!

Только представь: золотятся на солнце бока,
Скалятся хитрые морды, и выгнуты спины.
Каждый в галошах. Ну, чем не Коты в сапогах?
Стынут прохожие, рты удивлённо разинув.

Ты подкрадёшься и – цап! – зверь попался в мешок.
Ох, и тяжёлый, недаром отлит из металла!
С ношей чугунной по лужам бежишь наутёк,
Чтобы хвостатое племя назад не отняло.

Двери запири, и ты сразу Маркиз Карабас.
Хочешь, желай себе замок, а в жёны – принцессу.
Только мешок воет, словно внутри контрабас.
Жалко кота. И ушей. Видно, быть политесу!

Гостя за стол, на столе самый лучший фарфор.
Корма пакет выкинь прочь, кто же так привечает?
И неспеша потечёт, замурчит разговор
Белыми сливками в чашку индийского чая.

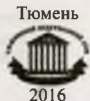
А на бульварах весна и до ночи капель.
Чинно идут, изумляя тюменских прохожих,
Взявшись под ручку и дружно встречая апрель,
Кот в сапогах и маркиз – при параде. В галошах.

Антология завтрашнего дня

Сборник
рассказов и стихов
учеников Школы
литературного мастерства
имени Владислава Крапивина
при Тюменском
государственном
университете

164665/2

УДК 821.161.1

ББК 84(2=411.2)6-4я43

18+

А 72 **Антология завтрашнего дня / сост. М. Булатов. Тюмень:**
ОАО «Тюменский издательский дом», 2016. 252 с.
ISBN 978-5-9288-0324-7

Сборник «Антология завтрашнего дня» включает в себя лучшие произведения, рассказы и стихи, написанные за учебный год. Школа литературного мастерства им. Крапивина при Тюменском государственном университете существует уже девять лет, и это шестая книга, выпущенная силами молодых авторов.

Большинство произведений публикуется впервые. Сборник предназначен для читателей и издателей, заинтересованных в поиске новых писательских имен и перспективах развития тюменской книги.

*Студия Михаила Булатова находится под руководством
профессора ТюмГУ, писателя Сергея Сергеевича Козлова,
благодаря которому эта книга вышла в свет*

Книга издана при финансовой поддержке Правительства Тюменской области

Ответственный редактор и составитель:
Булатов Михаил, Сергей Козлов
Иллюстрации: Надежда Зайцева
Верстка: Булатов Михаил, Булатова Елена
Корректор: Татьяна Назырова

ISBN 978-5-9288-0324-7

Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6. Тел. (3452) 75-2000.
Подписано в печать 06.10.2016.
Формат 60х90/32. Усл.п.л. 7,875. Бумага ВХИ.
Заказ № 2795. Тираж 500.

© Коллектив авторов, 2016
© Надежда Зайцева, иллюстрации, 2016
© ОАО «Тюменский издательский дом», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие руководителя и составителя	4
Рассказы и повести	
Евгений Бочарников	
Корпорация	10
Михаил Булатов	
Час призраков	36
Молния в бутылке	40
Алина Зарипова	
Личные границы	76
Сергей Потёмкин	
Исчадие добра	80
Всеволод Дребнев	
Биоэнергетик	116
Алексей Крутов	
Ли	122
Ученик	126
Владимир Филиппов	
Волшебница со дна	142
Юлия Евстигнеева	
Лунатикам снятся папы	146
Екатерина Хозяинова	
Вечерняя сказка	160
Юлия Некрасова	
Дракон и бегемот	168
Рената Рай	
Игра	172
Марина Косполова	
Три молнии, один дождь	178

Предисловие руководителя и составителя

«Антология завтрашнего дня» – очередной сборник молодых литераторов Тюмени. В основном тех, кто посещает Школу литературного мастерства при Тюменском государственном университете. Многие из них уже имеют собственные публикации не только на территории региона, но и в федеральных литературных изданиях, включая, например, «Литературную газету» и журнал «Наш современник», а некоторые уже получили свои первые литературные премии и награды. Напомню, что один из предыдущих сборников «Письма из Зурбагана» даже получил премию в номинации «Человек Слова» на конкурсе «Книга года».

Этот сборник молодые авторы делают сами. От текстов, к которым мэтры почти не прикасаются по вопросам редактирования, до дизайна книги.

Проект поддерживают правительство Тюменской области и Тюменская областная Дума, а также Совет по книгоизданию при Департаменте информационной политики.

Будущее в антологии представлено, собственно, не только текстами, за которыми, возможно, литературное будущее Тюмени, но и фантастикой и фантазией, в которую облакают

нынешнюю реальность наши авторы. Впрочем, кто из нас не «болел» фантастикой, особенно если она при этом оставалась хорошей литературой.

Да и название «Антология завтрашнего дня» – своеобразная дань тем книгам, на которыхросло старшее поколение тюменских писателей и которые не устарели и актуальны до сих пор. Замечу, что на большинство авторов так или иначе (текстами или живую) повлиял первый руководитель Школы, замечательный детский писатель Владислав Крапивин, мой старший товарищ и друг, творчество которого охватило и моё пионерское советское детство, и детство моей старшей дочери, что прочитала все его книги.

И теперь на каждой из них в нашей библиотеке стоит его автограф. Так и на творчестве авторов «Антологии», можно сказать, стоит автограф почетного гражданина города Тюмени, великого гуманиста и писателя Владислава Крапивина. А начинается всё где-то в эпохе русской романтической прозы и мистики, длится в Александре Грине, Иване Ефремове и тянется к золотой русской классике. Итак, в этой книге представлено и в прямом, и в переносном смысле – будущее и, конечно, любовь, без которой ни жизнь, ни сюжет невозможны... Тем более – будущее...

Сергей Козлов

Время – удивительная штука. Кажется, еще вчера мы сидели перед Владиславом Крапивиним, а он спокойным и немного усталым голосом рассказывал нам, чем Гайдар отличается от Гайдая, говорил про творчество Константина Паустовского, про собственные школьные годы и старую, заросшую тополями Тюмень. Порой я переслушиваю его аудиолекции и с радостью узнаю голоса ребят, с которыми мы посещали Школу литературного мастерства девять лет назад. Девять лет! Голова идет кругом от этих цифр, и кажется, что за такой срок Школа имени Крапивина должна была стать солидной областной организацией, а ее «ветераны» обрести внешний вид умудренных годами аксакалов. Но этого не произошло – мы все те же мальчишки и девчонки, которые с азартом глядят в завтрашний день. Среди учеников Школы есть старшекласники, студенты первого курса. Есть и ребята, которые только-только перешагнули тридцатилетний рубеж. Мы очень разные, и разной получилась наша антология.

Составление сборника было похоже на мозаику, где каждый элемент должен находиться в гармонии с остальными. Я выбирал тексты очень долго и не раз переделывал содержание. На мой взгляд, книга

получилась более «взрослой», чем предыдущие, – авторы рассуждают, чем любовь отличается от привязанности, на что можно пойти ради долга, какую роль в жизни ребенка играет отец... Стало меньше сказок и меньше мистики, зато был сделан акцент на психологии взаимодействия персонажей и сюжетном конфликте. Мне хотелось, чтобы после прочтения каждой повести становилось понятным, что хотел сказать автор.

«Антология завтрашнего дня» – это путешествие, которое можно пройти разными дорогами. Именно поэтому у книги две обложки: одна – чувственная и теплая, а другая – строгая и прохладная. Как вы уже догадались, под одной обложкой вы найдете прозу, а под другой – стихи.

Иллюстрации стали ближе к стилистике комикса благодаря творчеству талантливой художницы Надежды Зайцевой. Кроме того, концепция книги-«перевертыша» прослеживается в каждой картинке, которые стилизованы под игральные карты.

Книга как бы говорит нам, что на любую ситуацию в этой жизни можно взглянуть с другой стороны. Мы вложили много сил в оформление, и я уверен, что «Антология завтрашнего дня» займет достойное место на книжных полках библиотек, литературных

кафе, магазинов. И, конечно, оттуда попадет в ваши руки.

Я бы хотел, чтобы этот сборник брали с собой почитать (именно для этого мы сделали его в удобном карманном формате), чтобы его дарили лучшим друзьям, чтобы открывали наугад страницу и гадали, выбирая первую строчку.

«Антология завтрашнего дня» – это открытая дверь, за которой каждый из авторов построил свой собственный город. А предисловие – просто официальная и немного занудная речь туристического гида, которая предшествует настоящему приключению.

Михаил Булатов

наука и человек

политика будущего

ручка, которая не пишет потому что это — детонатор

несвежие объятия

еще вечный спорщик

диван — это не горы

несчастный гений

Слушай сюда, мистер Бонд

потерянный для вечной жизни

это не химия это барменство

Испугался, барашек?

наедине с Космосом

по возможности — долго и счастливо

Сейчас будет бум

ослепленный

солнцем

Евгений

дьявольский порошок

пусть будет бегемот

Рассказы

Давайте поставим на красное!

не «наверное» а точно

конец

ход черным

ферзём

экстрасенс?

слов

не

помню

Вы мне должны рассказать нам сны

бабулька-святая простота со стаканчиком

«Мордевушка»

ее пальцы танцуют

не умирай, Барсик

долговязая леди-бож

Приезжай.

амурский тигр E2-E4

Твоя. 0.

Рэмбо,

фас!

пусть долго

олимпиада

Metallica значит

Бочарников
Евгений

Упорядочив

«Спасибо за пользование транспортной системой «Синерео Лупус»! – сообщил мне благодарный женский голосок из динамика Т-кара. Для меня сейчас не лучший способ использовать такси, тем более Т-кар. За неимением водителя этот автоматический транспорт оснащен всевозможными датчиками и сканирующими сенсорами. А самое печальное, четыремя камерами – две снаружи, две в салоне. В придачу к этому, все маршруты регистрируются на серверах транспортной компании. Но у меня не было другого выбора, чтобы в кратчайшие сроки добраться до центра «Терминус».

Марк, сутулый системный оператор, получивший от меня недавно кругленькую сумму на свой счет, позвонил мне в семь утра и сообщил, что есть только одно окно, сегодня, с девяти до половины одиннадцатого, и другого такого шанса не будет. Свою машину использовать нельзя, слишком явная будет зацепка. А договориться с надежным водителем, которому деньги дороже совести, я не успел. Мой промах. В итоге пришлось действовать по обстоятельствам. Благо, мне еще на той неделе доставили новый кейс, я уже не раз пользовался такими. Никакой сканер не берет. Изготавливается частной компанией для перевозки радиоактивных элементов. А по моему заказу выполнен в форме ящика для инструментов, естественно, за дополнительную плату.

И вот я стою перед входом в Музей истории корпорации «Терминус». Корпорации, покорившей мир. Корпорации, которая поставила человечество на колени да вдобавок накинула ошейник.

«Добро пожаловать в будущее!» – снова женский голос, в этот раз не записанный, как в такси, а механический. «Терминус» ведет политику будущего. Имитация голоса – их визитная карточка. В стенах огромного округлого здания музея отражаются парк и соседний квартал. Конструкция носит очертания человеческого мозга. Нет-нет! Не так, как вы представили. Никаких извилин, все выполнено эстетично, только форма. Дизайнеры и архитектор потрудились на славу. Два титанических полушария зеркальной чистоты. Этакая божья слеза, рухнувшая с неба на зеленое полотно земли. Сам музей, как и все его навороченные экспозиции, инсталляции и аттракционы, находится в правом полушарии. Но это оставим глупым детишкам и их одурманенным родителям. Меня же интересует левое полушарие, символично отвечающее за техническое обеспечение. Рабочий персонал, офисы, поддерживающее оборудование, и прочее. Так принято считать. Но у меня об этом другое мнение.

Наконец, я преодолеваю семнадцать гигантских ступеней, ведущих к «мозгу». Как иронично. Что это? Шутка архитектора? Насмешка корпорации? Или просто случайность?

Зеркальный человеческий мозг из стекла и металла должен был символизировать высшую

степень человеческого развития. Неразделимое слияние жизни и техники. Человек и наука. Так было раньше. Наука и Человек. Так стало теперь. Человеческий разум распяли сами же люди, жаждущие покорности и порядка.

Я прошел в главный холл. На полу отражались дети, суесящиеся группами на верхних этажах, настолько он был чистым. Сколько раз в день они его моют? И моют ли? Возможно, это высокотехнологичный пол, и он самоочищающийся. Мне стало смешно от таких мыслей, и я решил следовать к турникету. Пришлось оглянуться и присмотреться, я не сразу обнаружил вход в рабочую половину. Ага, вот он, дальний правый угол главного холла, небольшой коридорчик без каких-либо обозначений, уходящий в сторону. Мне показал его на карте все тот же Марк. Конечно, есть и отдельный вход с улицы, но я считал его более рискованным.

Больше охраны, больше датчиков. «Терминусу» есть что охранять от сотрудников в той части. А тут лишь музей, датчики, конечно, есть, а вот охраны намного меньше. Да и задача у них попроще: следить за общим порядком, детишками и безбилетниками. Несколько шагов, и я у турникета. Не успел я заметить, как во мне поднялось волнение, дыхание ненадолго перехватило.

Как-никак, а это самое серьезное дело в моей карьере, если можно так выразиться о терроризме. Да-да. Таких людей, как я, принято называть террористами.

И, как вы уже догадались, в моем кейсе находится нехилая такая бомбочка. Самое время проверить смарт-карту Марка, над которой я усердно поработал за последнюю неделю.

«Удачной работы, – динамик турникета на секунду замолк, а у меня замолкло сердце, – мистер Уоллес! Напоминаем, что рабочему персоналу убедительная просьба пользоваться служебным входом». Ух! Все путем, карта в порядке. Если бы карта была ниже третьего уровня допуска, через этот вход я бы не прошел. Но у Марка уровень «четыре». Так что я внутри. И я не Марк. И у меня бомба. Многие задумаются: а как же внешность? Разве камеры не запечатлеют моего лица? Не определяют личность, чтобы начать поиск по всему миру? На дворе 64-й год, 2064-й. Будущее, ставшее настоящим. Вот только как бы не развивались технологии, в любой защите всегда можно найти брешь. Да, некоторое время назад были попытки внедрить технологию чипов на предприятиях. Некоторые компании даже успели прочиповать своих сотрудников. Но это не мешало хакерам взламывать базы данных, менять информацию. А если ты обладаешь средствами, то не составляло труда нанять людей, которые изготовят копию необходимого чипа и внесут нужную кодировку.

Зато люди, которым вшивали эти чипы, были очень недовольны и взволнованы. Все это было слишком явным контролем. Плюс большие расходы на производство и вживление. В итоге люди решили

отказаться от чипов. Я же использую самый древний и проверенный метод конспирации. Ношу усы. Звучит нелепо, но это факт. Конечно, не только усы, накладные брови парик и прочие древности. В век высоких технологий, когда тебя могут отследить где угодно, по звонку, по счету в банке, по любым действиям в мировой сети, изменение внешности оказалось самым лучшим способом скрыть свою личность. Главное – внести новую внешность в необходимую базу компании, банка или транспортной сети. Потому что, если тебя нет ни в каких базах, любая охранная система бьет тревогу.

Вообще, в охранной системе «Терминуса» есть большой минус – она едина на всю планету. Как и мировая операционная система «Терминус». Собственно, это и есть главная причина, почему я здесь и у меня кейс с бомбой. Все началось в 27-м году. Три мощнейших производителя высоких технологий и операционных систем объединяются под идеей создать единую мировую операционную систему. Для всего, куда можно ее впихнуть. Компьютеры, телефоны, планшеты, автомобили; производственная, научная, медицинская техники. Все должно было стать связано. И стало.

Всего несколько лет понадобилось, чтобы мир пал под соблазном предлагаемых удобств. И вот она, абсолютная власть над человечеством, в руках одной корпорации. Правительства большинства стран не смогли противостоять массовому

внедрению системы в предприятия, компании и социальные сети. Позже и вся военная база перешла на «Терминус». Лучшие умы планеты трудились над тем, чтобы удовлетворять желания пользователей. А если желаний не было, то лучшие маркетологи в мире старались, чтобы их навязать. Так человечество попало в невидимую клетку. Через десять лет успешного внедрения началась секретная разработка влияния. Разрабатывались схемы и программы, оказывающие воздействие на органы чувств, сознание и подсознание.

Массовый гипноз. Медленное превращение человечества в массу послушных овец, живущих не своей жизнью. Технологии стали главным наркотиком. Были, конечно, государства, которые боролись или отстранялись, старались спасти свой народ от всемогущей воли «Терминуса». Например, Россия или Корея. Но судьбе таких стран, закрывших границы и живущих в экономическом ограничении, не позавидуешь. Тем более что они до сих пор остаются бельмом в глазу корпорации, и все движется к серьезному военному конфликту. Есть и локальные группы сопротивления. Они взламывают сервера корпорации, что не могут взломать – подрывают бомбами.

Иногда даже используют смертников. Никогда не понимал такого самопожертвования. Этих ребят вычисляют, ловят, организовывают облавы на их подполья, в общем, борются с ними всеми возможными способами. Поэтому я предпочитаю работать один,

сделать все чисто и уйти здоровым. Корпорация периодически обновляет охранные системы и коды, но все равно «Терминус» на весь мир един. И часто талантливые хакеры из разных регионов, которые против системы, находят слабые места и делятся ими между собой. Это использует сопротивление. А у сопротивления позаимствовал наработки и я.

Ну что, двадцать метров в сторону, и я в нужном коридоре. Стараясь не вызывать подозрений, с небрежно хмурым видом, отражающим всю нелегкую жизнь рабочего персонала, я двинулся в конец холла. Неторопливо шагая и поскрипывая резиновой подошвой о кристально чистый пол, я спокойно кивнул сидящему за стойкой справа охраннику, при этом напряжение внутри меня продолжало расти.

– Дядя Сэм! Дядя! – детский пронзительный крик я оставил без внимания, несмотря на то, что ребенок заорал на весь музей.

– Мама! Смотри, это же дядя Сэм! – теперь крик был куда более радостный, и, что печально, почти за моей спиной. Я хотел было прибавить ходу, но за мой рукав уже крепко ухватилась детская ручка.

Сердце мое остановилось, превратившись в тяжелый кусок гранита, на лбу выступил пот.

– Здравствуй, дядя Сэм! – я обернулся...

* * *

Однажды я спросил у своего деда, почему я должен ухаживать за бабушкой, почему именно я должен

помогать с цветами маме, почему я должен учиться. Почему я вообще так много всего должен? Дед ответил мне, конечно же, в присущей ему манере, долго, не совсем понятно и не совсем по теме, как мне тогда казалось. Он сказал, что вся наша жизнь опирается на три столпа. Издревле они стоят непоколебимы, заложенные самим Господом из бессмертных материалов. Вера – из сияющего хрусталя, искренняя и чистая, дарующая ориентир для человека в нашем тленном мире. Честь – из благородного золота. Для того, чтобы с достоинством пройти жизненный путь. И, наконец, долг – выточенный из самого крепкого камня. Являющийся платой за возможность правильно и полезно прожить отпущенное нам время. Долг – это камень, который нам приходится нести всю жизнь, чтобы в итоге заложить его в стену великого дома нравственного существования.

Так сказал мне дед. Он нередко говорил подобные вещи, всего этого старик набрался в секте, которую посещал последние двенадцать лет своей жизни. «Руки спасения», вроде так они себя называли.

Пока не умерли. Все. Разом. И мой дед с ними. Когда эта кучка фанатиков пришла к выводу, что мир идет явно не той дорогой, они решили спасти свои души пораньше. В итоге семнадцать человек добровольно сгорели заживо, вместе со зданием церкви и двумя несчастными кошками. В их поступке можно найти и положительную сторону. Они не увидели, что стало с миром теперь.

Хрусталь веры давно заменили на пластик, золото чести растащили и распродали по кусочкам. Лишь долг еще цел, хоть покосился и был истерт ветром. В глубине души одурманенные люди все еще чувствуют, что должны этому миру.

* * *

– Здравствуй, дядя Сэм! – Вот теперь, когда я так близок к своей долгожданной цели, во мне должна проснуться ответственность. Могу ли я рисковать жизнью племянника ради осуществления задуманного? Да, я рассчитал радиус и характер повреждений, в основном пострадает техника, но риск все равно остается. Должен ли я предупредить мать этого мальчишки, что нужно уносить отсюда ноги? И при этом подвергнуть риску мою операцию? Мы всегда, всю жизнь кому-то должны, и никуда от этого не деться, это навязано нам родством, дружбой, работой. И сейчас я должен спасти моего племянника. Вот только...

– Донни, ты перепутал, отпусти дядю, ему надо работать!

– Нет! Это же дядя Сэм!

– Никакой это не дядя Сэм. Простите, мистер. Вы просто очень похожи на Сэмуэля, моего брата, он погиб год назад, Донни пока не может этого понять.

Вот только... Это не мой племянник. Да. Нет у меня никаких племянников. И родственников нет. И друзей близких нет, поэтому я никому ничего не должен.

– Все в порядке, мэм. Если позволите, я пойду на работу, – я улыбнулся самой добродушной улыбкой, которую смог натянуть, – всего хорошего!

– Удачи! Еще раз извините! Пойдем, Донни, оставим дядю в покое.

Вот именно, оставьте дядю в покое. Многим в нашем мире не хватает покоя. Слишком много ты должен сделать в этой жизни. А если ты не хочешь – тебя объявляют плохим. Ты просто хочешь освободиться от всех, а тебе говорят: «Ты эгоист, у тебя нет совести». Ведь так? Быть свободным – значит, быть плохим. Хочешь заняться самопознанием, найти свой жизненный путь, открыть себя? А как же семья? Как же друзья, как работа? Как же голодные дети в Африке? А бездомные собаки и кошки? Да мало ли в мире тех, кому ты ДОЛЖЕН помочь?

Только я никому не должен. Я один. Последний близкий мне человек умер 16 лет назад. Моя мама...

* * *

Первые системы, влияющие на сознание, были еще не так отлажены. Часто были инциденты с повреждением психики. Мама в то время работала на дому, висела на телефоне, в интернете, и очень часто смотрела телевизор. Сначала начались мелкие расстройства, легкие провалы в памяти, перепады настроения. Врачи не могли толком выяснить, в чем дело, говорили, что так иногда бывает с людьми, выписывали какие-то таблетки. В это было трудно

поверить, трудно принять. Отец сильно переживал по этому поводу, стал понурым. День для него проходил за месяц, месяц – за год. Дерево его души вяло на глазах, выступила седина.

На работе он не справлялся с должностью, его даже хотели уволить, но потом решили просто перевести в другой отдел. Из ведущего инженера крупной компании он стал штатным работником IT-отдела. Там то он и познакомился с сопротивлением, если можно было так назвать кучку энтузиастов, которые были в курсе программы влияния. Отец сдружился с одним из программистов и однажды поведал о своем семейном горе. Тот в свою очередь и рассказал, что есть некая Система, и она влияет на людей через ТВ, радио и интернет. Когда мой папа узнал это, он первым делом стал ограничивать маму и меня от пагубного влияния техники. Никаких передач, никакого радио. Интернет только для работы.

Вот только маме от этого стало еще хуже, истерики участились. Это была настоящая ломка. Иногда она металась по дому, будто опаздывает на самолет, но забыла что-то очень важное, выкидывала вещи из шкафов, переворачивала мебель. А иногда просто сидела в углу своей комнаты и тихонько стонала. Крики, слезы, смех, все это вперемешку я слышал почти каждый день. Мне приходилось следить за ней, пока отец был на работе или встречался с членами сопротивления. Мама могла в любой момент кинуться на улицу или начать биться лбом о стену

или зеркало. Постепенно, спустя примерно четыре месяца, ей стало легче. Она редко улыбалась, но хотя бы стала спокойней. И в один из без того хмурых вечеров отец не вернулся. Не вернулся и на второй, и на третий день. Последнюю неделю он говорил об очень важном деле, говорил, что мир узнает правду. Видимо, что-то не вышло. Лишь через несколько лет я раскопал кое-что об этом деле. Это был один из первых актов против Системы, тогда убили почти всех участников нападения на серверный центр «Терминуса» в Бостоне. Тех, кто выжил, допрашивали, а потом упекли в безымянные дали. Про папу я ничего не смог выяснить. Так мы стали жить без отца. Первые недели было очень тяжело. Через некоторое время я стал работать в интернете, постоянно помня о пагубном влиянии. Так прошел год, за это время жизнь немного наладилась, мама вроде совсем оправилась. Даже стала заниматься зеленью за домом. Тогда я решил, что могу оставлять ее дома одну, и устроился в компанию, где работал отец, там знали о нашем положении, и меня приняли без проблем. И вот однажды, в один уже более-менее приемлемый вечер, я вернулся домой с работы и увидел у дома мигалки скорой помощи и полиции. Потом я узнал, что их вызвали соседи. Это они обнаружили маму. Она висела в неестественной позе на нашем металлическом кованом заборе, которым так гордился отец. Шея ее была проткнута насквозь острым шпилем. Окно на втором этаже дома было открыто. Как

сказал полиции сынишка соседей, он играл во дворе с собакой, когда увидел, как миссис Дженсен вышла погулять, через окно. «Она, наверное, думала, что там дорожка, но там ее не было», – сказал он. Вот так. Так я остался один. Так Система забрала у меня все дорогое, что было. А мне пришлось вырвать из себя душу, бросить в яму и залить цементом, чтобы не слышать ее крика. Теперь я тот, кто я есть. И я поклялся отомстить, поклялся, что найду виновных в этом. Тогда я еще не понимал всех масштабов влияния...

* * *

Ладно, пора вернуться к делам. Встреча с этим мальчишкой показала мне вечность. Теперь, когда я шел по коридору в служебные помещения, мне казалось, что весь музей провожает меня взглядом. Конечно, это не так. Никому нет дела до простого рабочего, мирно идущего на очередную смену. Или задание. Или теракт...

Зачем мне понадобилось взрывать музей? Чтобы лишить несчастных деток развлечений? Отнять у родителей возможность порадовать свое чадо? Может быть, я делаю это, как акт оскорбления чувств корпорации? Этакий плевков в лицо, бестолковый, но кричащий на всю страну о моем критическом несогласии с политикой «Терминуса». Нет и нет. Всю эту авантюрную операцию я организовал, чтобы, впервые за десять лет почти бессмысленной борьбы, нанести существенный урон деятельности Системы.

Я начал планировать это дело больше года назад, как раз в то время у меня был период отчаяния. Я хотел закончить всю эту глупую борьбу.

Жалкие атаки на корпорацию, взломы незначительных транслирующих систем, попытки изменения кода влияния. Десять лет своей жизни я потратил на то, чтобы в нашем мире почти ничего не изменилось. Стоило ли это «почти» моих усилий? Может быть, с людьми все в порядке? Может, не так плохо, что люди реже проводят время на природе? Отец не едет с сыном на рыбалку, а мама совсем не водит дочку на детские спектакли. На дворе будущее, и, видимо, это нормально, когда друзья существуют только в интернете. Нормально, когда ты выбираешь президента, которого тебе выбрали. Выбираешь продукты, которые тебе выбрали. Покупаешь вещи, которые тебе не нужны. Разве это проблема? За последние пятнадцать лет уровень преступности упал на восемьдесят процентов. Преступлением для людей стало пропустить новую модель смарт-браслета или не проголосовать за приготовленного для них мэра. Плохо ли это? В то время в моей голове начали селиться скверные мысли. Нужна ли людям свобода, или лучше им ходить на поводке? Эти не лучшие денечки я посвящал самокопанию и стандартному мониторингу каналов сопротивления. В это время я обнаружил интересные изменения среди сети виртуальных повстанцев. Даже для «своих» выудить какую-то лишнюю информацию стало практически

невозможно, защита и проверки усилились до максимума. От верхушки сопротивления никаких вестей. Это помогло мне немного встряхнуться. Назревало что-то серьезное и интересное.

Тогда я связался со своим приятелем, он должен был быть в курсе дел. «Привет, все каналы скоро закроют, они очень осторожны. Есть слух, что нашли след главного центра хранения. Не такой, как в основных офисах. В этом самое ценное, и все сразу. Следи за потоками», вот и весь его ответ. Ищейки сопротивления узнали о главном серверном центре. Разве он не в Маунтин-Вью? Или не в АзияКорп в Токио? Это интересно.

Основные два офиса «Терминуса» – это неприступные крепости, как в жизни, так и в сети. Об операции на их территории оставалось только мечтать. Сопротивление не до всего может дотянуться, но знает многое. Все основные тайные и явные стратегические объекты Системы известны верхушке. А тут открылось что-то новенькое. Осталось только найти. «Следи за потоками», так сказал мой приятель. Я сразу понял, что он имел в виду. Мысли о том, чтобы «завязать», улетучились мгновенно. Почему-то я был уверен, что чертовы повстанцы заперют дело своими излюбленными методами. Поэтому я начал искать. Мне, конечно, приходила мысль, что слух может оказаться липой, но интуиция подсказывала другое. Пять месяцев я потратил на поиски центра хранения. Я тщательно следил

за потоками кодированной информации, циркулирующими по всей стране. При таких масштабах поступления, хранения и обработки информации трудно оставаться в тени. Каждый раз, когда я находил что-то интересное, я сверялся с базами повстанцев. Чикаго? Там СкайСити Центр, авиатехнологии. Сиэтл? Разработка охранных систем, тоже не то. Спрингфилд? Ред лайн, периферия. Помимо поиска, чтобы не пасть голодной смертью, мне приходилось проводить мелкие финансовые махинации. Это, кстати, забирало немало времени. Конечно, я мог проверить дело и посерьезнее, чтобы не нуждаться в деньгах полгода. Но привлекать тогда лишнее внимание мне было совсем ни к чему. Вашингтон? Центр исследования космоса. Проверяли не раз. Бостон? «Точно нет», – подумал тогда я. Там погиб мой отец, после этого «Терминус» расформировал центр и построил на том месте музей своей истории. Но позже меня осенило. Отличное прикрытие! Все кусочки мозаики начали складываться, я стал обнаруживать повсюду ниточки, тянущиеся в Бостон. Еще несколько месяцев я потратил на поиск человека, кто мне поможет, им оказался Марк. Итак, вспоминаем разговор с сутулым Марком:

– Слушай сюда, мистер Бонд. В девять тридцать ты должен быть в коридоре, пойдешь раньше, есть вероятность встретить проблемы в виде начальника охраны. Второй проход налево, там сразу справа синяя дверь, смарт-карта в помощь – и ныряй внутрь.

– Это серверная?

– Нет, дружок, это сортир. Там чисто и спокойно. Заходишь в кабинку, ждешь до десяти. Вот тогда и начинается вечеринка. – Марк судорожно потер руки.

Вся вечеринка, по словам Марка, заключалась в том, что ровно в десять запланировано обновление идентификационных и охранных программ. Насчет времени обновления постарался именно он, за это и взял основную часть денег. И вот чудное совпадение: охранник у входа в отдел хранения информации должен отойти именно в десять, так как больше некому будет принять в это время важное оборудование.

– Видишь «десять» на часах, выходишь из кабинки и мигом направо по коридору, там в конце лестница, спускаешься вниз, проходишь небольшой холл. От холла идут два коридора. Тебе нужен красный. Только сразу туда не иди, пройдишь по холлу, проверь инструменты или водички попей из кулера, это уже по твоей части. Твоя задача – посмотреть, ушел ли охранник из коридора. Как только он оставит вход, пулей туда. Снова используешь карту. И заходишь.

– Ну это точно серверная?

– Нет, дружок, и это не серверная. То есть серверная, черт тебя, побрал, но не та. Это музейное хранилище, пыль в глаза. Тебе нужна дверь «Складское помещение». Снова смарт-карта, если мы над ней правильно поработали, то должна сработать. Проходишь в коридор и... И в общем-то все, оставляешь бомбу.

– Постой, ты говорил я попаду в хранилище?

– Забудь! Туда не попасть, там карта не работает, а потом еще контроль сетчатки.

– Но как я тогда взорву серверную? – я начал впадать в отчаяние.

– Послушай, Адам, я не очень разбираюсь во взрывчатке, зато хорошо шарю в постройках. Если ты мне все правильно объяснил о своем подарочке, то мощности должно хватить. Прямо под коридором основное оборудование. По краям хранилища стены экранированы, внутрь не попасть. Это единственное верное место.

– Черт! Ладно, буду надеяться.

– Теперь самое главное. Там, внизу, начиная с холла, территория особого контроля. Почти все сотрудники, будь то техник, оператор, даже уборщик, – все они подготовленные агенты С.О.Т., в курсе, кто такие?

– Да, Специальный отдел «Терминуса». Встречался с ними пару раз.

– Профессиональные бойцы, Адам. Да еще и с промытыми мозгами. И все они ввиду строгой секретности и прикрытия занимаются повседневной работой сотрудников музея. Им только повод дай, с большим удовольствием поломают тебе кости.

– Да знаю я, кто они. Не нагнетай, Марк. Давай дальше, – я старался не поддаваться эмоциям, но в голове все равно возник образ толпы С.О.Т.-овцов, которые ломают мне конечности, тыкают шокерами и колотят дубинками. Я слегка вздрогнул.

– Это еще не все, – пояснил Марк, – больше всего опасности представляют именно охранники, это бывалые офицеры. Одно неверное слово или интонация – и они заподозрят неладное. У каждого из них есть браслет, увидел, что тянет руку, значит, бьет тревогу. И еще, дружище, – Марк ссутулился еще больше, – там, внизу, под коридором и в соседних офисах, пострадают люди. Возможно, не все из них головорезы «Терминуса». Ты уверен в том, что делаешь? Готов взять на себя такой груз?

– Твою мать, Марк! Спасибо за поддержку! Считаешь, меня это не тревожит? Об этом надо было думать полгода назад. Сейчас мне ни к чему сомнения.

– В общем, – он немного замялся, – удачи, Адам!

И вот на часах уже «десять». Я вышел из кабинки, выглянул из уборной, никого. Двинулся быстрым, но естественным шагом по коридору. Горло сжималось все больше, ладони начали потеть. Черт, еще бы мне было не страшно, да Марк страху нагнал. Я спустился в холл, на часах восемь минут. Ага, кулер с водой находился как раз в конце холла, так что можно пройти за водичкой и глянуть, на месте ли охранник. Спокойной походкой я двинулся через помещение. Боковым зрением заметил охранника в коридоре справа, он стоял на своем месте. Почему он не уходит? Нотка паники пронеслась в моей голове, но я быстро успокоился. Марк предупредил, что, возможно, придется подождать. Я налил стакан воды и начал медленно пить

по глоточку. Прошло еще двенадцать минут, я тянул уже второй стакан, как мог. Охранник все не шел. Внезапно я уловил звук открывающейся двери, кто-то вышел из второго коридора, шаги приближались. Нужно было что-то предпринять, стаканчиком воды тут не обойдешься, я присел, быстро повернул кулер и начал снимать заднюю крышку.

– Эй, Гаррет! Тебя к погрузочным воротам! – не поворачиваясь, лишь немного дернув глазами, я заметил, как со стороны офисов в холл вышел высокий жилистый мужчина в штатском.

Из коридора в хранилище послышались шаги и сиплое ворчание.

– Какого хрена?

– Нужно принять, подписать бумаги, серьезное оборудование, – сухо ответил первый.

Я же в это время усердно ковырял кулер и молил всех богов, чтобы на меня не обратили внимание.

– Так пусть Ратковски примет! – недовольно вылетело из уст охранника серверной.

– Его нет, вызвали в рубку, смена обеспечения. А после него главный ты.

Главный – значит, офицер, про которых предупреждал Марк. И может быстро распознать меня.

– Чтоб тебя! – Охранник шумно кашлянул. – Глотну воды и пойдем. Эй, трудяга, а ты чего там делаешь?

Это он обратился ко мне. Дыхание резко перехватило, волнение не давало вымолвить слово.

– Ты оглох там, что ли? – Длинный в штатском сделал шаг ко мне.

– Да... тут... тут кулер что-то барахлит, сейчас уже исправлю, сэр, – по-прежнему не оборачиваясь, будто колючую проволоку, я вытянул из себя эти слова.

– А, хрен с ним, – здоровяк еще раз кашлянул и сплюнул прямо на пол, – пойдём так.

Звук шагов начал удаляться, я дождался звука дверей и только тогда шумно выдохнул и кинулся в красный коридор. Нервы были на пределе. Судорожно вытащив смарт-карту я приложил ее к терминалу. Дверь открылась. Серверная музея оказалась намного больше, чем я предполагал.

Около двадцати метров вперед и тридцать-сорок метров в стороны. Меня обдало прохладным воздухом, интуитивно я пошел вперед по основному проходу мимо рядов блоков хранения. Горящие и помигивающие разными цветами, чуть выше человеческого роста, блоки напоминали высотки мегаполиса. А я чувствовал себя гигантом, титаническим монстром, прогуливающимся по этому синтетическому городу будущего. Задумавшись, я дошел до конца помещения и не сразу понял, что двери там нет. И должна ли быть? Марк говорил, что она справа, или вообще не уточнял, где она?

Я посмотрел на часы: «десять двадцать три». Адреналин снова ударил в голову, еще семь минут, и охранная система обновится, тогда будет ни войти ни выйти. Я побежал вдоль помещения по периметру.

Мне снова не повезло, я сделал почти полный круг, когда увидел дверь, она оказалась в правой стороне зала, почти в углу. Карта была уже у меня в руке, я приложил ее к терминалу.

Никакого эффекта. Еще раз. То же самое. Я готов был провалиться под землю! Что за шутки!

Но через мгновение прозвучал сигнал, и дверь открылась. Видимо, система плохо сработала из-за обновления обеспечения. Я быстро пробежал в коридор, на секунду мой взгляд задержался на двери спереди. Туда мне не попасть. Но и не нужно, если верить Марку. Приложив палец к сенсору, я быстрыми движениями открыл чемодан.

Взрывную волну надо направить вниз. Я включил уже знакомое мне устройство, только в этот раз намного большей мощности, и перевернул ящик, расположив его в правом углу дном вверх. Так советовал Марк, сказал: самое слабое место в конструкции. После этого я встал, вздохнул и двинулся обратно быстрыми шагами, попутно доставая пишущую ручку из кармана. Ручку, которая не пишет. Потому что это детонатор. И скоро я им воспользуюсь. Главное – только выйти отсюда.

Пройдя через двери из серверной, я на секунду обернулся: «Надеюсь, это все не зря», – проговорил я и зашагал через холл, где меня ждал сюрприз.

– Эй, приятель! Как там дела с кулером? – сиплый верзила вышел из служебного коридора и уставился на меня.

Я вздрогнул, наши взгляды встретились.

– Все в порядке, сэр! Можно пользоваться, – не продолжая разговора, я опустил голову и двинулся к лестнице.

Но не успел сделать нескольких шагов, как он снова остановил меня:

– погоди, приятель! А там-то ты что делал? – охранник мотнул головой в сторону серверной, вид у него был спокойный, но в голосе прорезалась сталь.

По спине у меня пробежал холодок.

– В серверной? Семнадцатый блок отпал, сэр, – от страха отчеканил я, – меня попросили исправить. А кулер, это так, попутно. Решил попить воды, а он не работает. Дай, думаю, посмотрю, в чем дело.

Пока говорил, попытался сделать еще пару шагов в сторону спасения.

– Еще секунду, приятель!

Твою мать! Какой же я тебе приятель, скотина! Во мне нарастала паника.

– Твоя форма. – Он кивнул в мою сторону.

– Что? – Я не сразу понял, о чем это он.

– Твоя форма. Зеленая. Это третий уровень. А чтобы попасть в серверную, нужен четвертый.

Теперь я понял, да! Мы с Марком смогли достать только зеленую форму и карту третьего уровня, над ней мы потрудились, а вот с одеждой ничего не решили. Сейчас я почувствовал себя кроликом в объятиях гигантского питона.

Кольца стягиваются все сильнее, а дышать все сложнее.

Понимая, что это может быть конец, я предпринимаю еще попытку освободиться.

– Да, сэр. Так и есть, мне выписали временный допуск для этой работы. На выходе мне надо будет его сдать.

Охранник промолчал, лишь невнятно кивнул головой. После небольшой молчаливой паузы я посчитал, что у меня есть шанс, и решил уходить. Отвернулся от верзилы и пошел быстрым шагом.

– Стой, работяга! – проревел он. Несмотря на то, что голос был хриплым, он разнесся на весь холл.

Я замер, но повернул лишь голову. Наши глаза снова встретились. Моя правая рука крепко сжимала ручку-детонатор.

– А чемоданчик твой где?

Мой взгляд скользнул ниже, кобура была откинута, правая рука охранника лежала на пистолете...

Наверное, это конец. Да не наверное, а точно конец. Может быть, так и должно было случиться? Может, мне суждено отдать жизнь во благо будущего общества? Я всегда осуждал фанатиков, которые умирают за свою идею. А теперь вот и мне выпала честь спасти мир, ну пускай не мир, да и не совсем спасти. Но сделать вклад в борьбу против Системы, ценой собственной жизни. В новостях меня назовут смертником, террористом и, возможно, даже психом. Но разве это важно?

Иисус, между прочим, тоже был террористом, да простят меня сейчас все верующие. Он явился во вполне себе состоявшееся общество и начал сеять в людей сомнение, называя это истиной и словом божьим. И в итоге практически убил себя. Ну ладно, привел себя к смерти. Был ли от этого результат? Скорее всего был...

Я завел большой палец правой руки над ручкой и улыбнулся. Слишком внимательный охранник смотрел на меня в недоумении, а я лишь произнес:

– Сейчас будет бум...

Булатов
Михаил

Час
призраков

Было полшестого утра. Тот самый поганый час, который Тони обычно называл «часом призраков». В это время на улицах осеннего Детройта появлялся туман, похожий на прокисшие сливки. Тони клевал носом над недопитым стаканом виски. Лед в нем уже давно растаял. Рядышком на барной стойке приютилась пепельница, утыканная, как еж, окурками.

Полшестого утра, проклятое время, когда виски уже не льется в горло, а каждая новая сигарета ощущается, как гвоздь в крышку гроба. Тони насквозь пропитался потом, запахом куриных ножек, сигаретным дымом – он как будто бы стал частью этого дрянного бара, его неизменной деталью интерьера. Ночью здесь было весело, о да, еще как – выпивка текла рекой, вокруг было полно друзей, на сцене у шеста танцевала симпатичная девица. Сейчас других посетителей, кроме Тони, не было, а Стив, бармен, часа три назад ушел в подсобку. Через минут сорок он должен проснуться и сдать ночную смену. Сорок минут полного одиночества. Тони затянулся на всю глубину изрядно попорченных легких и выпустил облако зловонного дыма. Задрожали бокалы, висящие над барной стойкой, – недалеко проходила наземная ветка метро. Тони посмотрел на них и подумал – значит, город уже начал жить. По его венам снова потекла эта серая ноябрьская жизнь. Толпы людей в переходах и на станциях. Ничего не выражающие взгляды.

Постоянное желание спать. Тони покачал головой, с отвращением затушил сигарету и потянулся за стаканом.

– Эй, оставишь мне глоточек? – спросил хрипловатый голос у него над ухом. Тони не повернул головы, только сторбился еще сильнее.

– Рут? Какого черта ты здесь делаешь, Рут? Как ты снова меня нашла? – спросил он с обидой.

– Я всегда знала, где искать. Стоит наугад ткнуть пальцем в самую грязную дыру в Детройте, и не промахнешься. Ты или еще там, или тебя недавно вышвырнули оттуда, – ответила девушка. К виски она, впрочем, не прикоснулась.

Тони посмотрел на нее. Да, она была все такой же. Бледное лицо, челка лезет в глаза, пухленькие губы кривятся в чуть заметной усмешке, пальцы теребят пуговицу на бирюзовой блузке. Нет, такое место совсем не для нее.

– Рут, проваливай. Если ты пришла за мной, то еще рано. Видишь, я не допил виски.

Рут поудобнее устроилась за стойкой, закинула ногу на ногу, и Тони снова подумал, какие у нее слабые коленки.

– Расскажи, как у тебя дела. Я ведь почти о тебе ничего не знаю. Столько времени прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз. У тебя появился... кто-нибудь?

– Ага, прыщ на жопе у меня появился, – огрызнулся Тони, подвигал стакан туда-сюда и взглянул

в глаза Рут. – Почему бы тебе не взять, да и не оставить меня в покое? Как видишь, я не в лучшей форме.

Рут поджала губы и помолчала. Тони терпеть не мог, когда она вот так поджимала губы, потому что тут же сдавался. Его сердце не выдерживало этих поджатых губ.

– Прости. Я в последнее время мало с кем общаюсь. Не хотел обидеть тебя. Но тебе и в самом деле не стоило приходить. Плохое место, плохая компания.

Рут придвинулась чуть ближе, так, что Тони смог заглянуть краем глаза в вырез ее блузки.

– Сыграй для меня, Тони. У тебя не пальцы, а черт знает что, уж я-то помню! – сказала она с улыбкой. Тони сглотнул.

– Рут, я не могу. Я пропил свои руки, и голову, и сердце. Ничего не осталось, я пустой пыльный мешок. Пожалуйста, оставь меня. Иди домой.

Рут встала со стула, подошла и обняла Тони за плечи:

– Тони, прошу тебя. Сыграй снова, нашу любимую песню. И я пойду домой. Обещаю, я больше тебя не побеспокою.

...Стив проснулся от звуков пианино, что стояло в зале. Эта штукавина осталась здесь от прежних владельцев, и к ней давно никто не прикасался. Он зевнул, вышел из подсобки и не мог поверить собственным глазам – известный пианист Тони Сингер играл впервые с тех пор, как умерла его жена Рут.

*«...А у любви есть тот, кто попал под поезд, и тот,
Кто забрызган грязью из-под колес»
(Аля Кудряшова)*

*«И, значит, темная вина, лежащая на мне
Лишь тень, мелькнувшая на миг
в счастливом детском сне...»
(Сергей Калугин, Das Boot)*

От автора:

Вы стоите на пороге комнаты, пол которой усеян ракушками, полевыми цветами и осколками стекла, все вперемешку. Пока вы еще стоите здесь, не поздно развернуться и навестить другие комнаты в этом доме. Я не обещаю вам приятной прогулки.

* * *

– Знаешь, как это бывает – два человека вместе. А потом случается что-то, похожее на беззвучный выстрел, и они больше не любят друг друга. Просыпаются однажды в постели и смотрят друг на друга с удивлением, – говорит мне Ольга, заплетая косу.

Я улыбаюсь, чувствуя ее тонкие длинные пальцы в своих волосах.

– Я верю тебе, – отвечаю я ей, – но мне не хочется узнать это на собственной шкуре.

Мы некоторое время молчим. За окном наступают сумерки, такие густые и терпкие, что у меня невольно начинает щемить сердце, будто я заглянул в пустой колодец. Пахнет приближающейся грозой.

– Мне тоже, – отвечает Ольга, – совсем этого не хочется. Она улыбается той усталой улыбкой, за которую я люблю ее больше всего, и мне хочется сорвать этот бутон с ее губ, но она отстраняется.

– Вымоешь меня? – спрашивает она, и я расслабляюсь. Мгновенно, как-то сразу, будто и не чувствовал только что в груди натянутой пружины.

– Конечно, – говорю я. Мы наполняем ванну, добавляем в воду масло грейпфрута, льем под струю шампунь, чтобы получились душистые облака пены. Когда Ольга раздевается, я всегда отворачиваюсь. Так уж между нами заведено.

Я приношу из гостиной кресло с подлокотниками в виде львиных голов. Ольга нежится в горячей воде, щеки ее покраснелись, и из белой пены, как заблудшие овечки из тумана, время от времени показываются груди. Я достаю длинную буковую трубку и не спеша набиваю ее душистым вишневым табаком. Ольга вытягивает из пены то одну ножку, то другую. По ее тугим икрам стекает пена. Когда я раскуриваю трубку, Ольга просит:

– И мне, и мне тоже! – и курит ее из моих рук, жадно припадая к мундштуку горячими губами. Я слышу, как на улице хлещет дождь.

Аккуратно вытряхиваю пепел в раковину и кладу трубку на ее край.

– Давай-ка сюда свою спину, – говорю я Ольге и беру жесткую мочалку. Она садится в ванной и целомудренно прикрывает ладонями крупные коричневые соски. Впрочем, делает это она едва-едва, и я вижу, как взволнованно ходят ее ребра под белой кожей.

Одной рукой я перехватываю у затылка длинные тяжелые волосы кроваво-медного цвета, а другой принимаюсь тереть спину мочалкой – неспешно и сильно, оставляя на коже широкие красные полосы. Ольга стонет, выгибает шею, закрывает от удовольствия глаза.

– Вставай, – говорю я ей, – я хочу вымыть тебя целиком. Ольга смеется.

– Конечно! – говорит она и поднимается из воды, бесстыдная и нагая, прекрасная и невесомая, как облако сахарной ваты. В этот миг над нами со звоном лопается лампочка, и во всем доме гаснет электричество.

– Ой! – кричит Ольга и, улучив момент, оборачивается, чтобы поцеловать меня. Она едва касается своими губами моих. Ее дыхание обжигает, как мартеновская печь.

Мы некоторое время стоим, потрясенные и немного испуганные, а потом начинаем неистово хохотать, и я продолжаю мыть Ольгу на ощупь, прижимая ее разогретое тело к прохладному кафелю.

– Я... я...я уеду. Завтра, – прерывисто дыша, говорит мне Ольга. – Быть может, навсегда. Пообещай, что не будешь искать меня. Пожалуйста, это очень важно. Мы зашли далеко, нам нужно прекратить. Ты знаешь, и я знаю.

Я не понимаю, о чем она говорит. Смысл ее слов доходит до меня не сразу. Хочу сказать ей: «почему ты не предупредила меня?». Сказать ей: «ты хоть понимаешь, что делаешь?». Сказать еще: «За что, за что ты так со мной, за что?». Кто-то другой говорит моим языком:

– Будет гроза. Могу я остаться у тебя? – Ольга гладит меня по щеке. Мне нравятся ее руки – когда она поправляет челку, когда лепит в мастерской, когда расстегивает верхнюю пуговицу платья, ее пальцы танцуют. Я ни у кого не видел таких красивых рук.

– Да, отвечает она коротко, будто прыгает в воду с высокой скалы, – но тебе придется рано уйти. До рассвета. Хорошо?

Слышны раскаты грома. Далекие и глухие, будто резиновой колотушкой бьют о дно железной бочки.

– Хорошо, – отвечаю я эхом. Я едва сдерживаюсь, чтобы не схватить ее за шею. Ольга смотрит на меня. Она все понимает. Она всегда все знает обо мне.

– Расстели постель и приоткрой окно. Дождь должен рассказать нам сны.

В спальне пахнет озоном, и тюлевая штора колыхается, как призрак. Я зажигаю индийские благовония и чувствую внутри какую-то обреченную усталость. Но когда Ольга ложится рядом, я забываю обо всем – она прижимается ко мне, и я чувствую, как ее сердце стучит повсюду. Стучит, как часы, которые отмеряют наше последнее с ней время.

– Спокойной ночи, – говорю я ей, и она что-то сонно бормочет, утыкаясь влажными губами мне в шею. Я чувствую, как пахнет от ее кожи яблоками, и засыпаю.

...И просыпаюсь перед рассветом, застигнутый страхом, будто скорым поездом. Я лежу раздавленный, переломанный и смятый в объятиях Ольги и понимаю, что должен подняться и уйти.

«Знаешь, как это бывает, два человека вместе. А потом случается что-то, похожее на беззвучный выстрел, и они больше не любят друг друга. Просыпаются однажды в постели, и смотрят друг на друга с удивлением», – вспоминаю я ее слова.

Словно вор, я одеваюсь и выскакиваю в холодный предрассветный сумрак. Озноб прошибает меня сразу, по всему телу, и я быстро шагаю прочь, засунув руки глубоко в карманы. зуб на зуб не попадает. Кошмарно хочется закурить. И только прошагав три квартала, я понимаю, что оставил у Ольги свою трубку. «Ну и черт с ней, с трубкой. Черт с ним, со всем на свете», – думаю я.

Пытаюсь в деталях припомнить все – каждое прикосновение, каждый запах и взгляд, засушить их гербарием между страниц памяти, которые буду перелистывать снова и снова.

* * *

– Сегодня сладкий день, – говорит Луиза, вытирая тыльной стороной ладони рот. Я ласково глажу ее по голове.

– Принести тебе воды? – спрашиваю я, и она повторяет:

– Сладкий день принес хорошие новости. У нас будет ребенок.

Я мешкаю буквально секунду, ровно столько, чтобы Лу успела бросить на меня встревоженный взгляд, а потом целую ее в соленые мокрые губы и валю на смятые простыни. Мы продолжаем.

...С тех пор как я последний раз видел Ольгу в ту злополучную ночь, прошло пять лет, и я не получил от нее ни одной весточки. Первое время она являлась ко мне во снах каждую ночь, затем – раз в неделю, а потом – раз в месяц. Спустя годы я стал сомневаться, что Ольга действительно существовала. Мои руки стали больше и сильнее, плечи расцвели узорами татуировок, а коса стала на пол-локтя длиннее.

Я писал портреты, но кто бы мне ни позировал, в конце концов с холста на меня смотрели глаза Ольги, ее большие зеленые глаза с яркими солнечными сполохами на самом дне.

Вокруг меня было немало женщин, и я кормил их со своих щедрых рук, как кормят белок в лесу. Наконец, я выбрал одну, по имени Луиза, и назвал ее своей женой, но от этого не стал менее одиноким. Прошлая жизнь вспоминалась мне, как книга, прочитанная в детстве.

Пока я писал, одержимый формой и цветом, я не помнил ни о чем другом, кроме формы и цвета, и был счастлив. Наконец, я решил, что смысл жизни – это найти такое занятие, которое будет достаточно долго отвлекать от боли, свившей гнездо в середине груди.

– Как мы назовем ребенка? – спрашивает меня Лу, широко зевая. За окнами светлеет небо.

– Ну, все же зависит от того, девочка или мальчик...

– Не будь занудой, есть же универсальные имена! Например, Женя. Или Саша. Или...

...Но я не слушаю. Я уже сплю, и мне снится белая птица, сидящая на подоконнике. Птица стучит клювом в стекло.

Когда я просыпаюсь, Луизы уже нет рядом. На подушке записка «На ужин приготовлю мясо в виноградных листьях. Подумай над именем!».

Я работаю по заказам, потому порой могу позволить себе поваляться подольше в постели с утра. Встаю, потягиваюсь, распахиваю окно, в которое тут же врывается весенний ветер.

– Назови мне имя, – прошу я ветер. И он, бродяга, что-то шепчет мне в ухо, но я никак не могу разобрать его наречия.

...Когда спускался, заметил в почтовом ящике белый уголок. Сердце вдруг стало биться часто-часто.

В письме была только одна строчка, которую я перечитал сотню раз.

«Мне не с кем раскурить буковой трубки.
Приезжай, твоя О»

«Приезжай. Твоя. О. Твоя...»

Моя. Навеки.

* * *

Я хотел бы скомкать, порвать это письмо, эту кость, брошенную умирающей собаке, но вместо этого держал его в руках, как величайшее сокровище. На конверте был указан приморский город, в котором мы были вместе с Ольгой, когда я был еще ребенком. Три дня я сопротивлялся яду, который проникал в меня все глубже. Я не мог спать, потому что в голове шумел прибой. «Никуда ты не поедешь, – говорил я себе. – У тебя жена, которая ждет ребенка, и целый ворох неоконченных дел».

На третий день я не выдержал и купил билеты на самолет.

– Всего на пару дней, – сказал я Лу. – Мне надо проветрить голову, иначе сойду с ума с этими заказами.

– Возьмешь меня с собой? – начала упрашивать жена, но я только покачал головой. Сказал, что хочу увидеть близкого человека, с которым вместе вырос.

– Ну и проваливай. Бери этюдник, краски и выметайся. И можешь не торопиться обратно, слышишь? Отдохни как следует, ты же устал. Ты же творческий человек.

...Позвонила перед самым самолетом. Голос был далекий, будто говорила со дна океана:

– Олег! Слышишь, Олег! Прости меня, дуру. Это все гормоны. Ты береги себя там, пожалуйста. У меня плохое предчувствие. Возвращайся скорее.

Мое сердце предательски екнуло и сморщилось, как гнилая картофелина. И все же, где-то на самом дне, разгоралось преступное, страстное желание увидеть Ольгу.

* * *

...234 ступени. Я открываю глаза и щурюсь от слепящего солнца. Вокруг гомонят люди, ветер треплет тент, официантка с прелестными круглыми плечами снует между столиками. Я потягиваю темное пиво и

сжимаю в руках бумажку с надписью «234 ступени». Мне нравятся такие фокусы – закрываешь глаза в самолете, и вот – осознаешь себя уже в другом городе, за столиком кафе. Разумеется, едва приехав, я бросился по указанному в письме адресу. Мне хотелось выждать, побродить по городу, сделать несколько зарисовок. Но адрес, указанный в письме, тянул меня, как рыбак тянет к себе рыбу, которая глубоко проглотила наживку. Это оказался небольшой домик, какие обычно сдают туристам. Хозяин сказал мне, что девушка съехала дней пять назад, и просила его передать записку мужчине, если он будет искать ее. В записке было написано «234 ступени». И ничего больше.

Я приглядывался к людям, которые шли мимо по улице, в тщетной надежде среди обгоревших лиц пляжников узнать Ольгу. И у меня не было никаких идей по поводу того, что могут значить эти «234 ступени». Наконец, я расплатился и пошел считать все ступени на всех лестницах в городе. Я был на набережной, в летнем амфитеатре и всюду тщательно пересчитывал ступени. К полудню я уже ощущал себя последним дураком. В конец вымотавшись, я зашел в магазин, чтобы купить вишневого табака. Едва я вышел, краем уха услышал беседу двух девушек. Одна говорила другой: «...И обязательно, поднимаясь, надо пересчитать ступени, иначе желание не сбудется!». Догнав их, я спросил, о чем идет речь.

– Скала желаний! – выпалила та, что была пониже ростом, с веснушками по всему лицу.

– Да не скала, а алтарь! И ступени наверх надо пересчитать обязательно, – дополнила ее подруга.

Как оказалось, речь идет о местной достопримечательности. Как я мог забыть об этом магните для туристов. Смутно припомнил, что в детстве сам считал эти ступени.

...Скала находилась метрах в пятидесяти от берега. По легенде, чтобы заветное желание сбылось, надо на закате добраться до нее вплавь и, поднимаясь, пересчитать ступени, а на верхней площадке зажечь свечу. Впрочем, плыть до скалы самому было вовсе не обязательно, поблизости кружили суденышки, хозяева которых готовы за деньги отвезти туристов, а заодно провести экскурсию по бухтам и заливам.

День клонился к вечеру, и я поспешил к местному «алтарю желаний», про себя усмехаясь и гадая, какую жертву придется принести мне. Я с детства с опаской относился к воде. Мне всегда казалось, что стоит мне оказаться в море, как оно тут же положит меня на свой соленый язык и прижмет к небу. Поэтому я арендовал лодку. Когда я, запыхавшись, поднялся на смотровую площадку, солнце уже закрыло огненный глаз.

Ступеней было ровно 234. Но я все еще не понимал, что это означает. Свечи с собой у меня не

нашлось, зато на телефоне был фонарик. Я включил его и осветил душистый мрак южной ночи. Вдалеке, как-то по-приятельски, мигнул маяк, и я счел это добрым знаком. Камни были испещрены надписями.

Фонарик выхватывал их из темноты: «Даша + Света = любовь», «Помни имя свое», «Горгона ждет под Деревом желаний: 83465-04-32».

Я едва не выронил телефон – когда-то, в шутку, я называл Ольгу Медузой Горгоной. Цифры были похожи на номер. Сердце принялось трепыхаться, как пойманный воробей, и холодными дубовыми пальцами я набрал цифры на дисплее. Мысли метались, как искры над побеспокоенной головней, и больше всего я боялся услышать, что номер не обслуживается. Или, что еще хуже, встретить на другом конце чужой заспанный голос.

– Да... – хрипловатый голос, будто под ногой хрустнула елочная игрушка. Я узнал его сразу, ментально, будто и не было этих безумных, отчаянных и голодных лет. – Да?

– Здравствуй, – только и смог вымолвить я, испугавшись, что вот сейчас она положит трубку, быстро проговорил: – Здравствуй, Ольга. Я приехал. Я здесь.

– Ты... пришел, – я представил, как она села в кровати. Я представил себе ее тело, ее родинку на щеке. Интересно, изменилась ли она за эти пять лет?

– Где мы можем увидаться? И когда? – я уже стал спокойнее, увереннее. Я представлял себе ее тонкие пальцы, которые были похожи на клавиши фортепиано в моих смуглых руках. Она зевнула и сказала уже почти весело:

– Через полчаса на набережной. Там есть кафе в виде большой кофейной мельницы, не перепутаешь. Если подойдешь раньше, возьми мне двойной эспрессо. Сегодня нам долго не спать.

Я завершил звонок. В моей голове словно шумел поезд, и каждое его колесо повторяло и повторяло: «Оль-га, Оль-га».

* * *

Когда я спустился вниз, перепрыгивая через две ступени и поминутно рискуя подвернуть ногу и покатиться по крутой лестнице, рыбак ждал меня у скалы. Он лениво курил папиросу и, увидев меня, кивком указал на место для пассажира. Я сел в лодку, сунул ему пятьсот рублей и подумал, что этот седой немногословный мужчина чем-то напоминает Харона. В груди томилось дурное предчувствие, словно эта встреча, которую я ждал так неистово, принесет мне много неприятностей.

...Кафе, о котором говорила Ольга, я нашел без труда, взял двойной эспрессо, два сэндвича и мятный чай. Я сел за небольшой столик и стал смотреть на бухту. Внутри было пусто и тихо, как в католическом

храме в будний день. Отдавшись этой тишине, я закрыл глаза.

– Кого ловил ты вечером во ржи? – узкие горячие ладони легли мне на лицо.

Я улыбнулся, будто камень рухнул с сердца и разбился, а за спиной вновь выросли сильные молодые крылья. Я улыбнулся всеми своими волчьими зубами.

– Одну негодницу, которая потерялась пять лет назад, – ответил я, потом открыл глаза и развернулся. Я увидел ее именно такой, какой запомнил – спутанная копна кудрей, насмешливый пухлый рот, глаза – как две бритвы. Я обнял ее со всей страстью и бережностью, точно она могла рассыпаться в моих грубых руках. Ольга в два глотка, обжигаясь, выпила кофе и схватила меня за руку:

– Пойдем!

...И мы ушли, оставив нетронутыми сэндвичи и чай. Она вела меня по набережной в самый ее конец, куда едва доносилась музыка, и плясали у пирса рыбацкие лодки. Остановившись, она прильнула ко мне, точно прося защиты, и я гладил ее щеки и шею. Стараясь унять дрожь в пальцах, я расстегнул две пуговицы на ее рубашке и осторожно ощупал ключицы. Откуда-то в небо со свистом ушла и разорвалась петарда, а следом еще одна. Начался фейерверк. Ольга расстегнула еще две пуговицы, взяла мои руки в свои, и я почувствовал ее упругие тяжелые груди.

– С тех пор, как мы виделись в последний раз, петля на твоей лодыжке стала туже, – шепнула она мне в ухо, – «висельник**».

Я с трудом разобрал ее слова сквозь шум фейерверка. Вдруг она озорно оглянулась, и я увидел в отдалении какого-то гуляку, который шел в нашем направлении. Мы побежали в ночь, смеясь, как дети. И мне было упоительно сладко дышать.

Я забыл о Луизе, о ребенке и даже имя свое мог вспомнить с трудом. Так был счастлив.

– Как давно ты здесь? – спросил я ее наконец, и Ольга ответила:

– Неделю. Сняла сначала комнату в нижнем городе, но потом решила перебраться повыше – чем дальше от набережной, тем дешевле.

– Я пересчитал почти все чертовы ступени в городе, – ласково сказал я.

– Как ты мог забыть про лестницу на скале? Неужели совсем повзрослел? – с упреком отозвалась Ольга.

Я все же нашел ее, все же добрался. И это до сих пор казалось мне абсолютно невозможным. Жить было так больно, будто с меня содрали всю кожу, и каждое дуновение я ловил оголенным нервом. Я шептал ей на ухо: «Ольга, Ольга, Ольга. Я безумный пастух облаков на просторах Вселенной...». Потом, конечно же, мы много пили. Останавливались у одного навеса, опрокидывали несколько стаканов горячего вина

и шли дальше. Поэтому когда мы добрались до бунгало в верхнем городе, то оба едва стояли на ногах.

– Я люблю тебя, как же я люблю тебя, – говорил ей я.

– Пьяная ты свинья, – ласково отвечала Ольга.

А потом я уже ничего не помнил. Мы рухнули в постель. Переплелись, как змеи, и с наслаждением вонзив друг в друга зубы, уснули.

* * *

...Проснулся от резкого «вжих-вжих» и запаха кофе. Ощупал небо языком. Во рту было сухо, но голова оставалась светлой. Перевернулся и обнаружил, что Ольги нет рядом. Зевая, прошел на мансарду, где была расположена кухня, и стал свидетелем потрясающей картины.

Ольга в одних трусиках сидела на табурете, зажав в уголке рта самокрутку, и методично затачивала большой кухонный нож. «Вжих-вжих», – говорил металл. На плите дымилась турка со свежесваренным кофе, и я протянул к ней руку. Стоило мне это сделать, и Ольга тут же отложила в сторону точильный камень и направила в мою сторону нож:

– Но-но, не так быстро. Этот кофе я варила для себя. Хочешь, чтобы я поделилась, – попрости.

Я заглянул в ее смеющиеся зеленые глаза и понял – игра началась.

– Что мне нужно сделать?

– Закрой глаза и встань на колени.

– Не слишком ли смело? Ты всерьез думаешь, что я это сделаю?

– Сделаешь. Кофе с остатками черного рома.

– Который вчера вечером пили? Убедила.

Я поднял руки в знак полной капитуляции и встал на колени. Ольга зашла сзади. Одной рукой она взяла меня за косу, другой прижала лезвие ножа к моему горлу.

Лезвие чертовски острое, наточила она его на славу. Мои ладони похолодели. Я понял, что за эти пять лет Ольга могла окончательно спятить.

– Испугался, барашек?

Я постарался выровнять дыхание.

– Нет, мне не страшно. Хочешь взять мою жизнь – бери.

– Как ее зовут?

– Кого?

– Не валяй дурака. Ту, которую ты трахаешь.

Нож крепко прижался в коже. Лезвие холодное. Будет порез. Я подумал, что Ольга все это могла затеять с единственной целью – прикончить меня.

– Имя! Назови ее имя!

– Луиза. Ее зовут Луиза. Прекрати этот спектакль, убери нож!

Ольга быстрым движением натянула косу и схватила ее ножом у самого основания. Как удар молнии. Вспышка света в глазах. Я вырвался. Передо мной стояла смеющаяся голая Ольга с ножом в правой руке и моей косой в левой.

– За что?

– Потому что пришла пора попрощаться с прошлым. Все, что было, не имеет значения. Иди ко мне.

Ольга взяла мое лицо и прижала к пышной груди. Я все еще стоял на коленях, и ей пришлось нагнуться.

– Можешь облизать соски. Если хочешь, конечно.

– Ну и сука же ты, – сказал я с невольным восхищением.

После обеда пошли на птичий рынок. Щебет, клеткот, чирикание. Вокруг невероятный гомон, сотни птиц в клетках переминаются на насестах и хлопают крыльями.

– Зачем ты привел меня сюда?

– Я хочу, чтобы ты увидела, что я чувствую по отношению к тебе.

На Ольге легкая цветастая туника и стеклянные бусы. Ее спина надменно пряма, глаза скрывают солнцезащитные очки. Ольга молчит.

– Ты знаешь, бывают корабли в бутылках, а бывают молнии, заключенные в бутылку. То, что я чувствую к тебе, – это молния в бутылке. Она жжет меня изнутри, и там уже все черно от копоти. Желудок,

сердце, легкие – все покрылось толстым черным слоем. И если вдруг выпустить эту молнию, этого изголодавшегося джинна – я боюсь, он убьет и меня, и тебя.

Ольга вздыхает:

– Ты знаешь правила. Именно поэтому я попыталась сбежать тогда.

Внутри меня закипает гнев.

– Зачем тогда все это? Могла бы просто не писать это дурацкое письмо!

Ольга молчит. Останавливается. Снимает солнцезащитные очки. Я вижу, что ее глаза на мокром месте. Ей-богу, вот-вот разревется, как девочка.

– Потому что я не смогла без тебя. Каждый день о тебе вспоминала. И потом однажды проснулась и поняла, что если не напишу тебе, то руки на себя наложу. Едва вызнала через общих знакомых твой новый адрес.

Я обнимаю ее. Ну а что еще я могу сделать. Вокруг шумят птицы. Ольга плачет на моем плече. На нас оглядываются люди.

* * *

– Ты, как конверт, который отправили путешествовать по миру. Взгляни на себя, ты сверху и донизу заклеен марками – привычками и жестами всех женщин, с которыми преломлял хлеб и делил постель. Но сколько бы ни было на конверте марок, значение имеет только одно. – Ольга сидит на

лавочке рядом, такая уставшая, будто сам Бог положил ей ладони на плечи. Я забиваю табак в трубку. Мы на аллее, обсаженной кипарисами.

– И что же тогда важно? Тот, кому адресовано письмо?

– Нет, вовсе нет. Ты же не веришь во всю эту чепуху. Важно то, что написано в письме.

Я смотрю на Ольгу, привычно запоминаю все ее черты, положение головы, разворот плеч. Достая планшет с чистыми листами и начинаю с эскиза. Спрашиваю:

– Что написано в твоём письме?

Ольга смотрит вдаль, туда, где между кипарисов блестит море.

– Одиночество синего цвета, – отвечает она.

Я пробую заглянуть в себя, чтобы прочесть внутреннее письмо. Но там написана какая-то абракадабра, недоступная моему пониманию.

* * *

...Мы проводили время, изучая друг друга. Принюхивались, как псы. Я сходил с ума от темной, звериной страсти, когда видел ее спину. Мне хотелось бежать и догнать, хотелось повалить и загрызть, как гепард загоняет лань. И тем больше я боялся своих неистовых желаний, чем лучше понимал, что она смотрит на меня теми же глазами хищника. Несколько раз звонила Луиза.

– Ты хоть любишь ее? Или каждый раз представляешь меня, когда раздвигаешь ей ноги? Ответь мне!
– вопрошала меня Ольга.

– Она хорошая. Она ждет от меня ребенка, – отвечал я, и в сердце моем прокладывал себе дорогу червь сомнения, а Ольга шептала мне на ухо:

– Бедный, бедный ты мой, несчастный гений.

...Однажды посреди ночи проснулся с фразой, которая засела в груди, где-то в области солнечного сплетения: «Пустота, которая остается в сердце мужчины после первой любви, со временем никуда не уходит и становится его смертью».

Я смотрел на Ольгу и отчетливо понимал, что нужно бежать. Прямо сейчас, бросив все вещи, схватив документы и бумажник, ехать в аэропорт. Я знал наверняка, что эта женщина убьет меня. Но потом снова уснул и обо всем забыл.

* * *

– Скажи, что любишь меня, – просит Ольга. Желтая бабочка пролетает совсем близко от лица. Их здесь сотни, этих бабочек. Вязко, словно пробиваясь сквозь дремотную пелену, звучит контрабас. Мы сидим за столиком уличного кафе, на сцене играет живая музыка, пот струится по вискам, и кажется, что невероятный жар от нагретой мостовой через ноги поднимается в голову.

– Скажи, что любишь меня, – капризно повторяет Ольга. Мы провели вместе уже три дня, и я понимаю, что рано или поздно придется сказать ей, что скоро нужно уезжать. Что дома меня ждет Лу, несколько крупных и не очень заказов: роспись стены и оформление сайта. Но вместо этого я говорю ей:

– Я люблю тебя.

Ольга особенно хороша в профиль, у нее нос с небольшой горбинкой и острые скулы. Куда бы мы ни шли сегодня, всюду нас сопровождают желтые бабочки. Она поворачивается и смотрит на меня исподлобья, как звереныш:

– А теперь скажи, что ты говоришь на самом деле.

– Я говорю, что люблю тебя.

– Неет, – Ольга наклоняется к самому моему уху, – на самом деле ты говоришь, что хочешь меня трахнуть.

Волна озноба пробегает по спине, дыхание перехватывает от сладкого желания, и, прежде чем я успеваю что-то ответить, Ольга взмахивает рукой:

– Официант, счет, пожалуйста!

* * *

– Город карнавала! Это город карнавала! – смеется Ольга, уже немного пьяная, с раскиданными по плечам волосами. Грудь ее вздымается и опадает, так как мы только что пробежали не меньше квартала, держась за руки.

– Завтра вечером я уеду, – говорю ей, замирая от страха. Потому что знаю, если Ольга прикажет мне остаться, я не смогу ей противиться.

– Я так и думала, – вздыхает она, – ничего удивительного. Я и сама намеревалась уехать на днях, не поверишь, но у меня тоже есть работа и неоконченные дела. Но сегодня будет карнавал!

...Город, истомившийся после трех дней палящей жары, жаждет дождя. И мы оба чувствуем, как чувствовали это всегда, что дождь придет ночью. И пропыленные обочины, и запах жареного мяса, и разноголосый гул на привокзальной площади – во всем этом есть ощущение грозы. Я машинально поправляю косу, которую обрезала Ольга, и дергаю плечом, не находя ее на месте.

– Давай напьемся сегодня, – говорит она мне, – напьемся, разденемся и будем гулять ночью под дождем совсем голые!

– Всю ночь напролет?

Вместо ответа Ольга начинает петь. Голос у нее глубокий и чистый, с перекатами, как на горной речке:

– Мы вышли из дома, когда во всех окнах погасли огни, один за одним. Мы видели, как уезжает последний трамвай***...

В это самое мгновение рядом с нами действительно останавливается старый красный трамвай. И, обрадовавшись такому совпадению, мы тут же запрыгиваем внутрь, не разобравшись даже, куда он едет.

...Когда уселись, Ольга долго смотрит прямо перед собой и потом говорит, наконец, с какой-то невероятной тоской в голосе:

– Ты был рожден, чтобы бежать. Но ты сам сломал себе ноги.****

* * *

– Сахарная вата, – говорит Ольга, – купи мне сахарной ваты!

В этом она вся, вечно ведет себя, как маленькая девочка. Страшно сказать, но именно это мне в ней нравится больше всего. Маленькая лисичка с окровавленной мордашкой.

Трамвай привез нас в городской парк развлечений, ветхий, заросший и потому особенно очаровательный.

Ветер трепал разноцветные флажки, поскрипывали карусели, смеялись дети, и посреди всего этого курортного великолепия стоял лоток с сахарной ватой.

– Вата! Вата! – я подхватил Ольгу на руки и закружил, а она хохотала: – Отпусти меня! Отпусти!

Пока мы дурачились, к лотку подошел отец с маленькой дочерью. Увидев нас, девочка начала приставать к папе и требовать, чтобы он тоже взял ее на ручки. Грузный мужчина в цветастой рубашке поднял пятилетнюю девочку и чмокнул в губы. Дочь рассмеялась и схватила отца за уши.

– Какая мерзость, – скривилась Ольга. Было похоже, что ее вот-вот стошнит, – что-то я больше не хочу сахарной ваты.

* * *

Город праздновал, будто чувствовал, что хорошая погода заканчивается. Беспокойство, щемящее, как скрип несмазанных петель, поселилось в моей груди ближе к вечеру. Улицы захлестнула волна карнавала, буйство праздника, в котором было довольно всего – и похоти, и волшебства. Грязь мешалась с золотом, по улицам бродили люди на ходулях, которые несли на длинных шестах масляные фонари, факиры выпускали вместе с огнем строки старинных стихов, давно позабытых, а женщины оголяли груди и рисовали глаза вокруг соска.

В городе творились чудеса, небо разрывалось салютом, словно простыня в любовной страсти, а страх внутри меня становился все острее. Он тонкой проволокой вонзался в сердце, и как тогда, пять лет назад, я следил за каждым движением Ольги, стремился запомнить каждый ее жест и каждое слово. Мы оба были взволнованы и ждали грозу.

– Рисуй меня, рисуй меня, мастер! – Ольга сняла блузку. Я взял ее за подбородок и заглянул в глаза. И увидел в них такое отчаяние и голод, что невольно закусил губу.

– Садись и не двигайся. Я буду рисовать тебя, – сказал я ей и сделал неторопливый, тягучий глоток вина из бутылки, что мы прихватили с собой.

...Художник, как шаман, который постоянно путешествует из одного мира в другой. Из мира, где нет смерти, мира его красок и линий, сюда, на землю. Это все равно, что ныряльщик, который выскакивает с глубины на поверхность, и кровь вскипает в его голове, и рвутся барабанные перепонки. Я рисовал Ольгу и был счастлив.

Когда я очнулся, небо за окнами прорвалось дождем. Не знаю, сколько времени прошло – полчаса, час или два. Мне нужно было закончить рисунок. Критически оглядев свою работу, я нашел, что в ней есть то же состояние, та же благодать, что в иконе. И это несмотря на то, что Ольга была изображена полностью нагой.

Вот только немного подправить линию бедра... Она встала, и подошла ко мне вплотную. Взяла мои заляпаные краской ладони и приложила к своему лицу, шее, груди. Сказала:

– Вымой меня. Я такая грязная. Очень грязная и меня нужно как следует потереть мочалкой.

...За окном раздался раскат грома.

* * *

Я был бессмертен в эту ночь. Молния, заточенная во мне, острым кинжалом била изнутри в ребра.

За окном ревел ветер, который стирал весь мир, как ластик. Мне хотелось обладать Ольгой больше, чем дышать. Я мечтал поглотить ее всю, я с наслаждением представлял, как хрустнуло бы ее тонкое запястье на моих зубах. Мои пальцы скользнули вниз ее живота, и я тут же почувствовал, как напряглись ее мышцы.

– Нет, нельзя, – мягко, но неотвратно сказала Ольга, – ты знаешь правила.

...Но я уже не мог остановиться. Я целовал ее шею, ее разгоряченные губы и мокрые волосы и тянулся пальцами к заветному лону. Так и не смог понять, когда наши ласки перешли в ожесточенную борьбу.

– Нельзя! Нельзя! Нет! Не трогай меня, тварь! Убери руки! – кричала Ольга в истерике. Я выволок ее из ванны за волосы и потащил на кровать.

– Сейчас ты за все ответишь! За все эти годы, что мучила меня! – в исступлении кричал я.

Моя молния билась в самом горле, на глаза навернулись злые слезы.

...Ольга извернулась и умудрилась укусить меня. От боли я взвыл и отшвырнул ее, как кошку. Ольга, ударившись о стену, так и осталась лежать. Я испугался и присел рядом.

– Как ты, милая? Ты в порядке? Прости, прости меня, умоляю, прости меня, – я гладил ее по волосам.

...Напрасно, это оказалось подлой уловкой – Ольга вскочила, как пружина, и вцепилась мне в лицо,

стремясь выцарапать глаза. Когда я упал, она кинулась на веранду и схватила нож.

– Только подойди, – сказала она, выставив его перед собой, – только тронь меня.

– Давай! – закричал я. – Лучше так! Да, лучше так!

Ольга улыбнулась. Криво, так, что левый уголок губ у нее постоянно подрагивал. А потом размахнулась и метнула нож.

...Все, что я успел сделать, – это инстинктивно прикрыть голову и сдвинуться немного в сторону. Это спасло меня, нож довольно глубоко вошел в дверной косяк как раз там, где еще секунду назад была моя шея. Ольга из веранды выбежала на улицу, под острые струи дождя.

Она бежала на удивление быстро, как молодая лань. Я видел далеко впереди ее белую спину, и больше всего на свете мне хотелось догнать ее и повалить на мокрый асфальт.

Мне хотелось растерзать ее, рвать зубами белую кожу, обладать ею прямо здесь, на холодной земле. Сам не заметил, как мы выскочили на набережную, неподалеку от Скалы желаний. Море ревело и кидало волны на гранит. Ольга обернулась, и я запомнил ее затравленный взгляд. Зверь во мне возликовал – ну вот, попалась! И в этот миг, бесконечно долгий, Ольга кинулась в бушующее море. Я колебался ровно секунду.

...Страшно умирать. Очень страшно. Нужно не паниковать, нужно двигаться. Я сумею. Главное не глотать слишком много соленой воды. Как же хочется жить, мамочка, как хочется жить! Дышать ровно. Волна захлестывает меня, и я, хрипя и отплеываясь, хватаю воздух. Барахтаюсь бестолково, как щенок, чудом запрыгиваю грудью на следующую волну. Я жив, я еще жив, я счастлив. У меня получится спастись. И тут меня накрывает новая волна. Смутно вижу впереди громаду скалы. Вокруг нее настоящий ад. Как же страшно умирать. Из последних сил плыву туда, где крутятся водовороты. Понимаю, что сейчас меня размажет о камни. «Лучше так. Пусть лучше так». Лелею крошечный шанс взобраться на скалу. 234 ступени. А ведь я так ничего и не загадал...

Как великан, море берет меня в ладонь и кидает на камни. Кровь смешивается с водой. Волна тащит меня назад, но потом снова подхватывает, как куклу, чтобы вновь кинуть на скалу.

Жить. Я не сдамся. Не сейчас! Кажется, я кричу. Цепляюсь за скользкий камень, за водоросли, за воздух. Должен!

...И внезапно тонкие, но необычайно сильные руки Ольги хватают меня за ворот рубашки, за волосы и тащат вверх. Туда, где жизнь. Она всегда плавала лучше, чем я.

Ее лицо совсем близко. Я отплеываюсь от соленой воды, по подбородку стекает кровь из разбитого носа. Я целую Ольгу окровавленным ртом, всего меня трясет.

– Почему?! – я стараюсь перекрыть рев бури. – Почему мы не можем просто жить, как нормальные люди?

Ольга облизывает губы, вымазанные моей кровью. Она отвечает негромко, но мне отчего-то слышно каждое слово:

– Потому что мы оба на всю голову ненормальные, – и, будто хочет меня добить, добавляет с усмешкой, – братец.

* * *

– Посиди пока с сестрой, – говорит мама русоволосому мальчику, который упрямо хмурит брови и роет сандалией песок.

– Ну, мама, я хочу купаться! Почему я должен сидеть с ней?

– Потому что ты старший, твоя обязанность – заботиться о сестре. Я скоро вернусь.

Мальчик, на вид ему лет десять, едва заметно кивает. Вокруг пляж, шумят люди, накатывает на берег прибой, грузная тетка зазывает отдыхающих на морскую экскурсию. На широком полотенце с изображением попугая сидит пятилетняя девочка.

Она раздевает куклу Барби, и делает вид, что ничего не услышала. Когда мама уходит, она обиженно спрашивает:

– Ты меня совсем не любишь, да?

– Ты глупая? Просто я хочу искупаться. Посмотри пока за вещами!

– Нет! Я хочу с тобой. Не оставляй меня!

– Ты еще слишком маленькая! Отпусти! – мальчик отталкивает сестру, которая пытается ухватиться за его ладонь, и убегает к морю.

– Папа бы меня никогда не бросил! – кричит девочка вслед.

... Девочка сидит и утирает кулачком слезы. Вдруг солнце заслоняет чья-то тень, она поднимает голову и видит огромную фигуру. Она кажется ей безликой и совсем черной. Позже она различает волосатую грудь, оттопыренные уши, сросшиеся на переносице брови. Но больше всего ее внимание привлекает красивый игрушечный вертолет в руках незнакомца.

– Ты почему такая красивая плачешь, а? Хочешь, поиграем?

– Хочу, – говорит девочка.

– Пойдем, поиграем.

– Но мне нельзя уходить, я должна сторожить вещи.

– А мы недолго поиграем, а потом вернемся. Хорошо?

Девочка смотрит в сторону моря, куда убежал ее старший брат. Потом на игрушечный вертолет.

– Нравится? Подарю тебе, – говорит ей незнакомец.

– Хорошо.

Мужчина уводит девочку в сторону ближайшей раздевалки, которых полно на пляже.

...Когда мальчик возвращается, он видит взволнованную мать, а рядом с ней коренастого смуглого мужчину и свою сестру. Он слышит обрывки разговора:

– Я думал, потерялась девочка. Где, спрашиваю, твоя мама, а она все молчит, – говорит незнакомец.

– Да, да, конечно... хорошо, что вы ее нашли. А вот и ты, олух! – мать бьет мальчика по уху. – Как ты мог бросить сестру? Отца на тебя не хватает!

Мальчику обидно от такой несправедливости. Глотая слезы, он отвечает:

– Но я ведь всего на десять минут!

Девочка молчит, мертвой хваткой сжимая в руках глупый пластиковый вертолет. У нее липкие губы, и в углу рта повисла небольшая белая бусина, которую она быстро сглатывает. Мать этого не замечает.

* * *

– Ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу! Урод, ублюдок, как ты мог бросить меня тогда?

– Как ты мог? – сестра бьется в истерике и беспорочно лупит меня кулаками. – Теперь ты все знаешь, теперь ты знаешь... он отвел меня прямо в раздевалку, а я... а потом... Ты же должен был присматривать за мной! Ненавижу, ненавижу тебя, все эти годы ненавидела. За что, за что ты так со мной поступил?

Я сижу под градом ее ударов, закрыв голову руками, глотая кровь из разбитого носа, и жалею, что не захлебнулся в море. Мы взобрались по лестнице на самый верх, и далеко внизу ярятся волны. Вся страсть, что была во мне к этой женщине, родной мне по крови, угасла под ледяной оплеухой стыда.

– Я не знал! Прости! Я не знал! – кричу я. Внезапно Ольга стихает. Ее все еще сотрясают рыдания.

– Теперь ты знаешь, – говорит она. Ей очень холодно, руки и ноги у нее дрожат, и подбородок ходит из стороны в сторону.

– Иди ко мне, – зову я, – ты совсем замерзла.

Ольга не двигается, и мне настолько страшно, что хочется головой вниз туда, где волны. Во всем белом свете не было и не будет человека ближе, чем она. Мне страшно прикоснуться к ней. Я боюсь, что она отстранится. Сбрав в кулак всю волю, я протягиваю руку и касаюсь ее плеча. И вдруг она, будто только этого и ждала, прижимается к моей груди. Я обнимаю ее, стараясь отдать ей все свое тепло.

– А помнишь... помнишь, как мы пошли охотиться на жуков? Это была жучиная война, помнишь? – Ольга начинает тихо и нервно смеяться. – Я тогда, дура, наступила на ржавый гвоздь. И ты тащил меня на руках до самого дома.

– А помнишь, как мальчишки из соседнего двора решили меня побить, а ты высунулась из окна с рогаткой и обстреляла их грецкими орехами? – спрашиваю я ее.

Она, конечно же, помнит. Я обнимаю ее и понимаю, что в моей груди больше нет ядовитой молнии. Я просто люблю свою сестру. Такой, какая она есть.

* * *

– Знаешь, у меня всегда что-нибудь болело, сколько себя помню. Или голова, или живот, или зуб. Бывает, проснусь с утра и уже чувствую боль. Страшно сказать, привыкла жить с этим, как ко всему привыкаешь. А вот сегодня я проснулась, и у меня ничего не болит! – говорит Ольга.

– Это очень хорошо, – отвечаю я, чувствуя, как свинцовый шарик понимания прокатывается в жестяной банке моего сердца.

...Мы дождались рассвета, с грехом пополам выбрались на берег и добрались до нашего съемного жилья. Потом выпалились в теплой и мягкой постели. С утра уже успели выпить по несколько убойных

кружок кофе и съесть здоровенный стейк с кровью. Я смотрю на Ольгу и улыбаюсь.

У меня куплены билеты на самолет на вечер. Пора возвращаться к семье.

– Ну, что будем делать дальше? – спрашивает меня сестра.

– Жить, конечно, по возможности – долго и счастливо. А если на самом деле, то как повезет.

– Сделаешь мне подарок? Если, конечно, несложно.

– Какой подарок? – спрашиваю я, зная, что сейчас готов отдать ей все, что она попросит.

– Если родится девочка, назови ее в мою честь, – отвечает Ольга.

Мы сидим на веранде, и тут я толкаю Ольгу в бок и указываю на небо. Там проплывает огромная связка разноцветных шаров. Мы смеемся и никак не можем остановиться. Смеемся до слез.

* отсылка к повести Д.Д. Сэллинджера «Над пропастью во ржи»

** висельник – карта таро, указывающая на перемены и жертвы. Символизирует крутой поворот в жизни

*** отсылка к песне группы «Кино» – «Видели ночь»

**** отсылка к песне группы «Чиж» – «Рожден, чтобы бежать»

Алина Зарипова

От автора:

Мне 26, и я пишу тексты. Одни – чтобы заработать, другие – чтобы примириться с реальностью. Когда я наблюдаю за происходящим вокруг, получают короткие рассказы. Когда заглядываю внутрь себя, получают стихи. Я с трудом себе представляю, что напишу что-то без «я, мое, мне».

Болячка

Однажды у меня на руке появилась ранка, которая никак не хотела заживать. Мокла и вечно отслаивалась. Костя считал, что ее нужно обеззаразить слюной, и тогда она обязательно пройдет. Мне это казалось детским садом, поэтому я отказывалась лизать ранку. И от его предложений лизнуть ее тоже отказывалась. Шли недели, болячка все так же мокла. Днем я заклеивала ее пластырем, чтобы не попадала грязь, ночью снимала повязку, чтобы кожа дышала. Однажды под утро я проснулась от какого-то неприятного холодного и, кажется, мокрого прикосновения к руке. Открыла глаза и увидела Костино лицо рядом со своей ладонью.

– Ты че делаешь?

– Да ничего.

– Ты ее лизнул, что ли?

Он возмущенно:

– Ну лизнул. А что мне было делать? Ты ее не лижешь, мне не даешь, так она никогда не заживет!

Я назвала его дураком и отвернулась спать.

Ранка, к слову, оказалась мокнущей экземой и вылечилась не слюнями, а мазью «Белодерм».

Бытовая химия

Просыпаюсь утром, или около того, на вписке, не сразу понимаю, где я, но Сашины сушняки на балконе напоминают, что я у нее в Ебурге. Нет у меня больше знакомых, которые бы развешивали пахучие веники в доме, расписывали бы камушки гуашью, окультуривали бы сметанные баночки и приспособивали бы половину всего мусора в быту. У Саши, так у Саши, хорошо. Иду на разведку на кухню.

– Чай будешь? Давай я тебе чай заварю.

– Ну давай. Спасибо.

– А может, колы тебе? Мне ее нужно куда-то деть.

– Не, колы не хочу.

Это Аня, она тоже здесь вписывается. Аня что-то варит. На вопрос: что за химия тут у тебя, обиженно отвечает: это все не химия, это барменство. У Ани дреды и картавость. Она загуглила, как извлечь из аптечного препарата нужное ей вещество. Поэтому с кухни тянет бензином.

– Чтобы выбить декстгамитгафан, мне нужен щпгиц без гезинки, у тебя случайно нет?

Шприц с резинкой, оказывается, не подходит, потому что резина вступает в реакцию со всем этим скипидаром, который булькает у Ани в стаканах.

«Меня, – говорит, – в Питеге это багменству научили, там это только так и называют».

– Добыча митрофана на кухне – это барменство?

– Это не митгофан, это декстгамитогфан. Сам митгофан – запгещенное вещество, а это у меня легальное.

Доливает к легально добытому веществу лимонного сока и предлагает мне.

– Не-не, спасибо, я че-та не готова экспериментировать.

– Я бы хотела тебя угостить, тут, смотги, на двоих как газ.

– Спасибо, в другой раз.

– Хогошо, я тогда часть выпью, часть с собой возьму.

– Конечно, тебе еще весь день на ярмарке работать.

– Да, детские книжки сами себя не погададут.

Вокзал

Возвращаюсь вчера домой, поднимаюсь из метро и слышу медленную грустную гитару. Из общего шума различаю Unforgiven. Metallica значит. Выхожу на площадь перед Курским вокзалом и вижу: стоит парень, весь в черном и желтых тимберлендах. Нежно перебирает струны, на лице – старательная, сосредоточенная тоска. Помятая вокзальная публика задумчиво покачивается из стороны в сторону, лениво делит сиську «Клинского». Всем нравится, но хочется чего-то поближе, попонятнее. На все заявки из зала музыкант отрицательно качает головой. Сыграл

компромиссного Цоя. Подпевали, что могли: «война-ааа, сооонце, маладыыым»

Под Nothing else matters народ снова заскучал. А народу собралось уже человек 30: алконавты, чоповцы, бабулька-святая простота со стаканчиком, мужички в кожанках с барсетками, парни в спортивках-поддевках и изящная долговязая леди-бомж. Музыкант оглядел свою паству и его осенило: Сектор Газа! Только я слов не помню.

В толпе быстро выискался человек-пюпитр со смартфоном.

*Я копаюсь на помойке, как червяк,
С детства жизнь мояааа нааперекосяааак,
Канализационный люк – мояаа дверь,
Но я счастлив по-своему, поверь.*

Вокзал возликовал. В полутьме искорками мерцали золотые зубы, воздух сотрясала распальцовка. Из охрипших ртов лилось теплое, дружеское, свое до боли:

*Я бычок подниму, горький дым затяну
Докурю и полезу домооооооой...*

Обитатели Курского пританцовывали, широко распахивая всему миру несвежие объятия, и продолжали:

*Не жалеите меня, я прекрасно живу
Только кушать охота порой.*

Все перемигивались, и казалось, вот-вот начнут брататься. Мне улыбнулась леди-бомж и с нежностью потянула руки. Отстранилась так вежливо, как могла.

– Исчезни на х.. тогда, – не меняясь в лице, сказала леди.

Потёмкин
Сергей

И
вряд ли
дождя

Спальные районы города напоминали лабиринт. Похожие высотки во всех направлениях и окружавшие их тополя лишали возможности сориентироваться. Можно было часами блуждать по улочкам, встречая здание очередной школы или детского сада. Только другая ли это школа? Не она ли осталась по правую руку, когда мы сорок минут назад прошли по той аллее? Вряд ли кто-то мог ответить...

В один из дворов, что десятками разбросаны вокруг, вошел мальчик. На вид обычный ребенок лет семи, одетый в серые шорты до колен и светло-синюю майку с белыми полосами на рукавах. Непослушный чуб подпрыгивал при каждом шаге. Потертые сандалии шлепали по горячему асфальту. Но это был необычный мальчик.

Вы когда-нибудь видели, как смешно и трогательно идет первоклассник на своих ножках-палочках? Он не смотрит по сторонам, упорно топает вперед, спеша на уроки или к своему другу, которому купили новую игрушку. Мальчишка-мечтатель, исследуя только ему ведомые миры, шагает, не разбирая дороги, пока его не остановит сердитый сигнал затормозившей машины. А этот мальчик шел медленно, оглядываясь по сторонам и жадно впитывая происходящее вокруг.

Его тело не было приспособлено для плавных движений, и они получались гротескными подергиваниями куклы на ниточках.

Казалось, что кто-то примерил костюмчик семилетнего мальчика, который оказался мал и стеснял движения. Мальчишка смотрел на детские игры с непониманием, не улавливая сути происходящего. Никто из детей, при виде странного мальчика, не решался позвать его вóдой в прятки, как не посмел бы окликнуть солидного дяденьку с кожаным дипломатом. А редкие взрослые, подходившие к мальчику, начинали мямлить на середине фразы, когда их приковывал к месту пронзительный взгляд голубых глаз. Они потом еще долго ежились, испуганно смотря вслед странному путешественнику.

Мальчику нравилось все новое, необычное. Как пронзительные голоса тех женщин, занявших две лавки у подъезда. Громче всех кричала дородная тетка в застиранном зеленом халате с белыми цветочками. За ее криками было почти не разобрать шума машин, летящих по дороге за домом.

– Думать нужно хорошенько этой Галке! Девке уже двадцать девятый год пошел, а она головой думать так и не научилась. Валерка ее только поматросит и бросит.

Женщины на лавках согласно закивали – точно бросит.

– А она – дура – верит, что женится. Сына, не лезь в воду!

Последняя фраза была адресована ребенку, который катался по двору на желто-синем пластмассовом велосипеде.

Он подъехал к луже, и переднее колесо замерло у кромки.

– Мам, я немножко проеду?

– Кому сказано, уйди от лужи!

Появившийся во дворе мальчик неслышно подошел к лавочкам.

– А мой-то тоже стал домой поздно возвращаться! – непонятно к чему вставила грустная женщина с короткими белыми волосами.

– Да, твой Павлик известный кобель. Его, если из дому выпускать, то только в наморднике и на поводке, – заметила ее соседка слева, развеселив всю компанию.

– Ой, о-о-ой, ты на своего-то посмотри. Трое детей, а твой только один! И че ты с этими двумя возишься? Делать тебе больше нечего?

– Ваши оба хороши! – авторитетно заметила громкоголосая тетка. – Я вам так скажу: у хорошей жены мужик гулять не будет. Вовка, вот же паразит! Быстро уйди от лужи, а то выпорю!

Вовка подъехал к луже сбоку и теперь примерялся к ней правым колесом. Услышав окрик матери, он быстро закрутил педали, и мутное море осталось далеко за кормой.

– Конечно, Клава, не будет гулять. После того как ты своего сковородкой по башке ударила, его на «скорой» увезли. Вот он теперь и не гуляет.

– Я тебе так скажу... – начала Клава, но не договорила. – Вовка, сил моих больше нет! Правильно говорят, что свинья везде грязь найдет. Щас же убирайся оттуда!

Услышав крик, который почти перешел в ультразвук, Вовка отъехал от свежевскопанной клумбы. На ней так интересно шевелились червяки! Но раз мама говорит нельзя, значит, нельзя.

– Вот посмотрите, весь в отца пошел! Как будто специально меня изводит. Ничего не могу для себя сделать, все только для него!

Мальчик оказался за спиной Клавы и спросил не свойственным ребенку бархатистым голосом:

– Хотите, чтобы Вовка вам не мешал?

Женщина подумала, что это спросила сидящая слева Тамара.

– Конечно, хочу! У всех дети, как дети – сидят тихонько, что-то делают, рисуют. А мой охламон постоянно приключений ищет.

– Да, Клава, – ответила Тамара, – лучше бы у тебя дочка была. С девчонками проще, они сами в грязь точно не полезут.

– Ладно бы только в грязь! Я же с ним постоянно вожусь. Сегодня вы все идете к Дашке из сто второго дома на девичник, а мне опять с Вовкой маяться. Не потащу же я его с собой! И в кино одной не сходить. Хотя бы денек спокойно на диване полежать. Как же я хочу от всего этого отдохнуть... Вовка, не лезь в песок, а то испачкаешься! Вон дорожка чистая – по ней катайся. До инфаркта мать хочешь довести?!

– Значит, вам нужно больше свободного времени, – задумчиво протянул мальчик, проходя мимо лавки.

Клава подумала, что это сказала закурившая сигарету Люба и, выпалив: «Разумеется, нужно!», начала жаловаться на свою нелегкую жизнь. Отъехавший от песочницы Вовка вырулил на асфальтированную дорожку, огибающую дом, и заехал за угол. Там дорожку с двух сторон обнимали чахлые кустики. Они сопровождали ее два десятка метров, в аккурат до широкого тротуара, за которым начиналась оживленная проезжая часть.

Вова в нерешительности остановился, как вдруг услышал голос мальчика, неожиданно оказавшегося рядом:

– Чего же ты остановился? Езжай дальше.

– Мама не разрешает мне там кататься, – робко ответил Вова.

– Она сказала кататься по дорожке. Это и есть дорожка. Или ты снова хочешь расстроить маму?

Вовка отчаянно замотал головой. Ему и самому хотелось доехать до тротуара, а потом вернуться. Тем более выдержать давящий взгляд незнакомого мальчика он не мог.

Весело закрутив педалями, Вовка помчался на пластмассовом коне между страшных кустов к спящей, залитой солнцем улице. Мальчик, оставшийся позади, вытянул перед собой руку и начал сопровождать удаляющийся велосипед кончиками пальцев.

Улица оказалась совсем близко, и Вовка, инстинктивно зажмурил глаза, начал тормозить. Но у него ничего не получилось: руль словно окаменел, а колеса стали вращать педали с такой силой, что они больно

били по ногам. Вовка с криком вылетел на тротуар, заставив прохожих вздрогнуть от неожиданности. Никто из них даже не успел сообразить, что происходит, а Вова уже очутился на проезжей части. В этот момент руль неожиданно поддался, и велосипед развернуло навстречу приближающемуся автобусу.

Его водитель не заметил, как что-то, в последний момент, метнулось под колеса. Он начал тормозить, когда автобус трянуло, как на «лежащем полицейском», а женщины на улице истошно завизжали.

Когда к месту аварии сбежались люди, а суматоха достигла своего пика, и крики стали слышны во дворах, из-за дома выбежала Клава. Ее лицо было перекошено от ужаса. Она смотрела только вперед, туда, где толпа обступила что-то на раскаленном асфальте. Запинаясь и обдирая руки о колючие кусты, она даже не услышала стоявшего на дорожке мальчика:

– Теперь у вас будет время отдохнуть! – сказал он, улыбнувшись по-детски искренне и открыто. Его даже не обидело, что женщина пробежала мимо, не сказав хотя бы простого: «Спасибо!». Мальчик уже привык, что люди никогда его не благодарили.

* * *

В другом дворе, куда не долетали звуки дорожной трагедии, на скамейке сидела девочка в красном платьице, с белыми бантами на голове, и плакала навзрыд. Рядом с ней лежала книжка из толстых картонных листов с яркими картинками. Она называлась «Маша и тигренок».

Недалеко от скамейки мужчина в охотничьем костюме защитного цвета складывал сумки с припасами в багажник забрызганного грязью внедорожника. Этого человека весь район знал как «дядю Гену». Так же охотника называл его племянник Рома. Он сдерживал заливающегося лаем и рвущегося к открытому гаражу ротвейлера по кличке Рэмбо. Его лай начисто заглушал слезливые просьбы девочки вернуть Барсика.

Когда она решила, что на нее никто так и не обратит внимания, то услышала участливый голос:

– Почему ты плачешь?

– Мой котенок испугался злой собаки и спрятался в гараж! – ответила девочка, продолжая всхлипывать.

– Его там сейчас закроют.

– А почему твоего котенка закроют в гараже?

Девочка, наконец, решилась поднять глаза на собеседника и очень удивилась, увидев перед собой мальчика, старше себя всего на пару лет. Слезы еще застилали глаза девочки, поэтому она толком не смогла его разглядеть. Мальчишка, как мальчишка, только с чудным голосом, как у взрослого.

– Дядя Гена и Рома со своей противной собакой уезжают на охоту, – ответила девочка. Она была рада, что может кому-то рассказать о своей горе. – А мой Барсик забежал в их гараж.

– Так чего же ты хочешь?

– Я...я хочу, чтобы мне вернули моего котенка. И чтобы он вырос, как в книжке, – девочка начала перелистывать картонные страницы. – Видишь? Меня

тоже зовут Маша и у меня есть Барсик. В книжке Маша играла с котенком, кормила его, и он вырос. Стал вот таким тигром.

Маша показала новому знакомому одну из последних картинок. Там маленькая девочка, ее точная копия, ехала на спине громадного тигра. Ей вслед махали счастливые родители и улыбались приветливые прохожие.

– Может быть, я неправильно кормлю Барсика? Здесь не написано, чем нужно кормить котенка, чтобы он стал большим и красивым. Если бы он вырос, больше бы ни одна собака его не испугала!

– Рома! – окликнул Гена племянника. – Закрывай гараж. Поехали.

– Не могу, дядя Гена, туда залез какой-то кот. По моему вон той девчонки, – он кивнул в сторону Маши.

– Тогда достань его оттуда. Мы теряем время!

– Сейчас я Рэмбо спущу, а то он уже давно рвется. Мигом его выкурит! Заодно разомнется перед охотой. Рэмбо, фас!

Рома перестал держать пса за ошейник, и тот сразу же рванулся в гараж. Он влетел внутрь, и Рома потерял Рэмбо из виду. Теперь лай, усиленный эхом гаража, приобрел металлический оттенок.

– Собака сейчас съест Барсика! – вскрикнула девочка и закрыла глаза руками.

Мальчик отвлекся от книги и вытянул руку в сторону гаража. Он не сводил глаз с красочной иллюстрации.

Заливистый лай собаки неожиданно смолк. Его сменило удивленное поскуливание, будто Рэмбо только что узнал, что его сучка спуталась с пуделем из соседнего двора. Потом последовал резкий визг, короткий, как удар плетки. И из гаража полетели звуки ударов, точно кто-то выбивал старый ковер. Но не как обычно, а ударяя его об пол, о стены гаража и составленный в нем хлам. Шум резко прекратился, и ему не смену пришла мертвая тишина.

– Рэмбо. Мальчик, ко мне, – неуверенно позвал Рома.

Пес не отзывался. Тогда его хозяин посвистел и, не дождавшись ответа, стал приближаться к гаражу. Когда темный зев железной коробки должен был вот-вот ему открыться, оттуда вылетел Рэмбо. Он шлепнулся к Роминым ногам.

Рэмбо был уже мертв, но еще продолжал конвульсивно дергаться. Рома хотел закричать, но лишился дара речи.

Он только беззвучно открывал и закрывал рот. А потом в освещенный летним солнцем двор вышел тигр.

Вышел просто, без пафосных вступлений, как будто сотни раз покидал душны́е гаражи. Рому парализовало. Он даже не пытался убежать, а тупо смотрел на тигра. Это событие разрушало все представления о реальности. Житель обычного сибирского города не знает, как себя вести, если встретит тигра в своем дворе. Хищники весом не меньше двух с половиной

центнеров вообще не должны там встречаться! Но у хищника было другое мнение на этот счет. Тигр лишь коротко рыкнул, словно говоря: «Нападаю».

Зверь оттолкнулся мягкими, но мускулистыми лапами, на мгновение поднявшись над Ромой, а потом вцепился ему в плечо. Со стороны это было похоже на игру щенка, который вступил в смертельную схватку со старым пожеванным носком. Мотал его из стороны в сторону и бил оземь. Все бы ничего, только вместо радостного визга щенка был слышен рык несокрушимого зверя и звук ломающихся костей.

Тигр что-то почувствовал и разжал челюсти. Безжизненное тело подростка шлепнулось к его лапам. Хищник встретился глазами с охотником. Дядя Гена стоял перед машиной, из которой только что вытащил двустволку.

В лучших традициях вестернов их разделяли около двадцати метров, а противники не шевелились, смотря друг на друга. Зверь обнажил окровавленные трехдюймовые клыки, пугая человека. Но тот многое повидал и не дрогнул.

– Барсик, это правда ты? – раздался робкий голосок Маши, которая встала со скамейки и приблизилась к полю боя.

Звук ее голоса дядя Гена воспринял, как сигнал к действию. Он сделал первый ход: переломил ружье и вставил в него первый патрон из патронташа на поясе. Противник ответил: амурский тигр е2-е4, парой прыжков сократив расстояние до человека вдвое.

Второй патрон занял свое место, и охотник привел ружье в боевую готовность, но до тигра уже было рукой подать. Будь это набитое опилками чучело, редкий человек удержался бы от того, чтобы не погладить величественного зверя. Гена не протянул руку, а выстрелил навскидку, держа ружье навесу, потому что счет шел на доли секунды.

Отдача от выстрела с двух стволов едва не раздробила прикладом правую ключицу, развернув тело боком. Хотя именно это спасло охотнику жизнь. Удар когтистой лапы должен был разорвать ему грудь, убив на месте, а так он пришелся по выставленному вперед левому плечу. Но это был удар боксера в супертяжелом весе. Дядя Гена превратился в торнадо цвета хаки и, сделав несколько поворотов вокруг своей оси, оторвал боковое зеркало у джипа. Падая, он с размаху ударился лицом о капот и растянулся на земле.

Рядом упал смертельно раненный тигр. Он хрипел, отказываясь умирать. Пытаясь подняться, чтобы добраться до врага. Когда силы оставили его до такой степени, что он больше не мог пошевелиться, рядом с ним опустилась пришедшая в себя после стрельбы Маша.

Дядя Гена не потерял сознание, а, как и тигр, пытался встать. Впрочем, тоже безуспешно. Тогда он пополз к телу своего племянника, которое тряпичной куклой валялось около гаража.

– Не умирай, Барсик, – снова заплакала Маша. Она обняла неподъемного кота за когда-то пушистую, но

сейчас заляпанную кровью, шею. Прислушалась к хриплому неровному дыханию. – Ведь в книжке совсем не так. Там все кончается хорошо. Маша катается по городу на своем тигре. Пожалуйста, не умирай...

* * *

Электричества в баре не было уже несколько часов. Вентилятор под потолком давно замер, как гигантский пропеллер музейного бомбардировщика, а кондиционеры висели на стенах безвкусным декором. В помещении стало душно. Посетители разделились на два лагеря: одни требовали, чтобы дверь открыли, и сквозняк проветрил зал, а другие кричали, что от воздуха с улицы будет еще жарче. Двери открывали и закрывали каждый пять минут, но становилось только хуже.

За стойкой у дверей сидели трое друзей. Они говорили о падении курса евро, извержении вулканов и женском футболе, между делом ругая предательски теплое пиво. Но это не помешало им выпить по кружке. А бармен уже наливал им по второй. Если бы посетители бара на секунду перестали жаловаться на жизнь своим собеседникам и материться на начальников, то услышали бы тихое шипение пузырьков.

– Ну, что? Еще раз за Павлика? – спросил бритый наголо мужчина в мокрой от пота белой футболке.

– Мы уже пили за него! – удивился его сосед слева, который, единственный из компании, был в дорогом костюме. – Пили за его здоровье, за успехи, за то, чтобы стал крутым бизнесменом.

– Но ты же хочешь, чтобы у твоего сына все было хорошо? – заплетающимся языком спросил третий мужчина, комплекцией напоминающий медведя. – Чтобы он вырос настоящим бойцом?

– Хочу, конечно.

– Тогда давайте выпьем. За Павлика!

– За Павлика. Чтоб у него все было! – сказал бритый и первым осушил кружку. – А пиво все-таки паршивое! Похоже на теплую мочу.

Бармен меланхолично пожал плечами и покосился на электрика, который ковырялся у распределительного щитка за стойкой. Тот приехал час назад и первым делом промочил горло халявным пивом. А потом попросил повторить, сказав: «Чтобы руки не дрожали!». Короче, его так развезло, что устранить поломку он не смог бы даже под страхом смертной казни.

– А откуда ты знаешь, что пиво похоже на теплую мочу? – спросил толстяк. – Неужто пробовал!?

Он загоготал на весь зал, заставив электрика вздрогнуть и выронить непослушный предохранитель.

– Если бы мы не были друзьями, Толян, ты бы сейчас получил в морду, – ответил поднявшийся со стула бритый, надевая черную кожаную куртку. Заплечная кобура и покоившийся в ней пистолет скрылись из виду. – Пора двигать отсюда.

– Куда? До нашего поезда еще три часа. А толкаться на душном перроне я не хочу.

– Действительно, пойдём, прогуляемся, – сказал отец Павлика и перекинул через руку отливающий синим

пиджак. – Когда мы шли сюда, я видел на другой стороне улицы казино. Давайте поставим на красное!

Трое друзей вышли на улицу малознакомого города, в котором завершили важные переговоры. Под открытым небом было не так душно, как в баре, но после двух кружек пива хотелось чего-то большего.

Например, зарыться в сугроб или окунуться в ледяную прорубь.

По дороге к казино лысый мужчина решил познакомиться с двумя девчонками, по виду которых нельзя было точно сказать, кто они: старшеклассницы или младшекурсницы. Толян остановился, чтобы напомнить другу, куда они шли. Но девчонкам льстило внимание взрослых людей, что осложнило дело. Когда человек с пиджаком в руках прошел два жилых дома, первые этажи которых оцетинились разнокалиберными магазинчиками, и оказался перед казино, его друзья еще топтались на другой стороне улицы.

Несмотря на большие буквы на крыше одноэтажного здания «Казино Голден Клуб», назвать это место «казино» нельзя было даже с натяжкой. Скорее, переоборудованное кафе, не выдержавшее близкого соседства с пивным баром. Хотя был солнечный день, буквы вспыхивали яркими лампочками, по силе не уступающим противотуманным фарам. Даже сейчас они привлекали внимание прохожих и приковали к себе взгляд маленького мальчика.

Он стоял посреди тротуара и, задрвав голову, глазел на яркие вспышки. Мужчину кольнуло чувство вины

– он вспомнил своего сына, который был так похож на этого ребенка. У Павлика сегодня день рождения, а его отец в другом городе отмечает с друзьями подписание крупного контракта.

Мужчина присел на корточки рядом с мальчиком:

– Привет, меня зовут дядя Женя. А тебя как?

Тот даже не шелохнулся. Их продолжали обходить прохожие, некоторые из них ворчали: «Встал тут, посреди дороги!», но ему было все равно.

– Тебе нравятся огни на вывеске? А хочешь пройти внутрь? Там еще интересней, чем снаружи. Мы с друзьями как раз туда собираемся.

Мальчик повернулся и посмотрел на Евгения недетским, пристальным взглядом. Но тот был слишком пьян, чтобы заподозрить неладное. Тогда мальчик кивнул: ему было интересно, что скрывается под этими мигающими буквами.

– Ты очень похож на моего сына, Павлика. У него сегодня день рождения. Ты не против, если я буду называть тебя Павликом?

Мальчик снова кивнул.

– Тогда пошли, – дядя Женя протянул мальчику руку. Тот бесстрашно взялся за нее. – А вот и мои друзья.

Он кивнул на подошедших мужчин, которые удивленно смотрели на его нового друга.

– Знакомься, это дядя Толик. Он такой здоровый не потому, что ест маленьких мальчиков, а потому что не вылезает из джипа. Человек с блестящей лысиной –

дядя Дима. Мы с ними со школы дружим. А это Павлик – он пойдет в казино с нами, – сказал Женя и повел мальчика к массивным дверям.

Когда к дяде Толику вернулся дар речи, он взревел:

– Один пристаёт к школьницам, другой – к маленьким мальчикам! Вы что, охренели!?

– Не ори и не пугай Павлика! – бросил через плечо Евгений.

Дима в два прыжка догнал их и придержал дверь, давая пройти.

– А если серьезно, зачем тебе этот парнишка?

– Детям всегда везет, – убежденно заявил Евгений.

– А моему Павлику сегодня исполняется семь, а этот мальчик так сильно на него похож. Тем более его тоже зовут Павлик. Так что мы сегодня точно выиграем!

Внутри царил полумрак. Окон не было, чтобы игроки забывали о времени, а вместе с ним – и обо всем, что осталось за стенами игорного дома. Свет давали тусклые лампочки под потолком и переливающиеся десятками огней игровые автоматы. Здесь не было рулеток или столов для карточных игр, только автоматы. Целый легион одноруких и многоруких бандитов, карауливших своих жертв вдоль стен большого зала и в его центре. Автоматы пищали, пиликали и завывали на все лады, выклянчивая: ЕЩЕ ДЕНЕГ!

Толян не переставал ворчать, что они тащат незнакомого ребенка в казино, но холодная волна от работающих на полную мощность кондиционеров остудила его пыл.

Он блаженно заулыбался и вызвался купить жетонов на всех у девушки в теплой куртке, которая вместе с кассой сидела в железной клетке. Вторая девушка в свитере, обмотанная шарфом, шмыгала носом за стойкой мини-бара. А двое охранников пили теплый кофе у стены, покрытой рисунками банкнот и покерных фишек.

Охранники попытались встать на пути Евгения, Димы и Павлика.

– В казино с детьми нельзя! – уверенно отрезал тот, что был повыше.

На это дядя Дима ответил своей коронной фразой:

– Вам что, не нужны наши деньги? – чем поставил охранников в тупик. – Нужны? Тогда не мешайте. Не оставит же мой друг своего сына на улице. Тем более это не мы пришли с ребенком, а он пришел с нами.

Дима первым пошел в глубь зала, оставив охранников стоять с открытыми ртами. Он остановился возле трех одинаковых автоматов у дальней стены зала. Выбрал те, что попроще: три барабана с десятком картинок на каждом и большая блестящая ручка, которая их раскручивала. Ненасытная пасть «бандита» с надписью: «опусти жетон», не переставая, мигала дьявольским огнем.

– Слушай внимательно, Павлик, – начал инструктаж дядя Женя. – Все, что тебе нужно делать, это бросать жетоны в автомат и дергать за ручку. Вот так.

Если что-то проиграешь – все в порядке. А когда выиграешь – половина твоя! Сможешь купить себе игрушек.

Он взял несколько жетонов у подоспевшего Толика и бросил один в автомат. Когда барабаны остановились, на них выпали вишенки, банан и надпись «Джек-пот».

– Просто бросать и дергать? – переспросил Павлик.

– Именно, – ответил дядя Женя и отдал ему жетоны.

Павлик внимательно их осмотрел, а потом бросил в щель первый, стараясь как можно точнее копировать движения Евгения. Встав на цыпочки, он с трудом дернул на себя рычаг, ожививший барабаны. Когда вращение прекратилось, на мальчика смотрели символ доллара, пара тузов и арбуз.

Дядя Толик и дядя Дима начали играть за соседними автоматами. Евгений поежился – в казино было слишком свежо. Он надел пиджак и посмотрел на Павлика:

– Тебе не холодно?

Тот помотал головой, не отрывая взгляда от автомата. На барабанах снова выпали три разные картинки.

– Не переживай! – подбодрил Павлика дядя Женя.

– В следующий раз обязательно получится.

– Получится? Я делаю что-то не так?

– Ты что, не рассказал парню, в чем смысл игры? – спросил Толян, поворачиваясь к Евгению. – Учитель, блин...

Дядя Толик подошел к автомату Павлика и показал на цветную наклейку под барабанами:

– Послушай, сынок. Смысл этой игры в том, чтобы на барабанах выпали три одинаковые картинки. Вот здесь все нарисовано. Например, три вишни.

– Вы хотите, чтобы выпало три вишни?

– Очень хочу!

Павлик улыбнулся, теперь он знал, что от него хотят. Он отправил очередной жетон в небытие, дернул за рычаг и положил руку на корпус автомата. На остановившихся барабанах красовались три красные вишни. Автомат запиликал приветственную мелодию и скупно выплюнул в лоток выдачи несколько железных кругляшков.

– Моя школа! – объявил Толян, победоносно глядя на друзей. – Так тренируют чемпионов!

– Теперь попробуй выбросить три банана, – вмешался Дима.

– Нет. Пусть попробует собрать три бакса – за это выигрыш больше.

Павлик вопросительно посмотрел на мужчин.

– Вот такие картинки, – дядя Женя показал на наклейке символ доллара.

Еще одна монетка, движение рычага, и на барабанах выпало три бакса. Это сопровождалось новой мелодией и ощутимым довеском из монет.

– Я теперь понимаю, почему в казино не пускают детей! – сказал Дима. – Трусы-владельцы боятся, что пара первоклассников обчистит их на счет «раз»!

– Раз так фортит, то нужно попробовать собрать «Джек-пот», – заметил дядя Женя. Он показал на белые картинки с черной надписью. – Попробуй загадать такие картинки.

Павлик кивнул. Ему нравилось делать что-то правильное. Только он ничего не загадывал – дело было совсем в другом. Тем более Павлик понятия не имел, как это можно объяснить людям, поэтому промолчал. Вместо этого он дернул за рычаг еще раз.

Когда на барабанах остановились три надписи «Джек-пот», на автомате ожила мигалка. Она стала переливаться красно-желтым цветом, под аккомпанемент завывания сирены и звона водопада жетонов, затопивших лоток выдачи.

– Да-да, вот так это делается! – закричал дядя Толик. – Молодец, Павлик. Спасибо тебе!

Мальчик заулыбался – в первый раз его поблагодарили. Это значит, он наверняка сделал что-то полезное. От радости он даже засветился невидимым для обычных глаз внутренним светом. И тут же «Джек-пот» выпал на автомате Димы, а потом и у Толяна, когда тот, хохоча, потянул за ручку. Все трое начали кричать на весь зал, рассовывая по карманам жетоны. А Павлик, никем не останавливаемый, пошел к выходу.

Игральные автоматы, рядом с которыми он проходил, теперь не обчищали своих клиентов, а старались всучить наибольший выигрыш. Когда Павлик дошел до выхода, весь зал наполнился оглушительной музыкой и победными воплями всех посетителей без

исключения. Выходивший покурить охранник открыл дверь казино, и мальчик, легко выскользнув наружу, растворился в городской суете.

Но с его уходом золотой дождь не закончился: игрокам потребовалось еще пять минут, чтобы выпотрошить автоматы. Жетоны оттягивали все карманы, заполнили сумки и высыпались из рук. Посетители казино хлопали друг друга по плечам, обменивались рукопожатиями и обнимались с людьми, которых видели первый раз в жизни. Новоиспеченные богачи, за несколько минут став ближе и роднее, чем кровные братья, стягивались к железной клетке с кассой. Здесь их ждал неприятный сюрприз.

Охранники встали перед кассой, отрезав от нее полторы дюжины клиентов казино. Когда зал наполнился недовольными возгласами собравшихся, один из охранников поднял руки над головой, привлекая к себе внимание:

– Пожалуйста, успокойтесь! Когда происходит столько крупных выигрышей подряд – это ненормально. Скорее всего, произошел сбой системы. Мы уже вызвали специалиста, который во всем разберется.

– Какой на хрен сбой системы?! – вырвалось у стоявшего справа от охранника Димы. – Ты нас за идиотов держишь? Эти автоматы не связаны между собой. У каждого своя плата управления. Мог выйти из строя один автомат, ну, два, но никак не вся техника в зале!

– Вот приедет специалист, он и разберется, в чем дело. Нужно только подождать.

– Мы не можем ждать, – вмешался Евгений, – у нас поезд через два часа. Могу билеты показать.

Толян подкрепил слова интеллигентного друга громким хрустом шеи, которую размял двумя мощными поворотами головы. Он уже начал понимать: чтобы получить выигрыш, нужно будет кому-то хорошенько врезать.

Охранник пропустил мимо ушей слова Жени и продолжил гнуть свое:

– Если выяснится, что произошел сбой системы, то ваши выигрыши будут недействительными...

Посетители недобро загудели и придвинулись на полшага ближе к вожденной кассе. Охранники сделали шаг назад и уперлись спинами в стальные прутья. Девушка-кассир, будь ее воля, давно бы уже выдала эти проклятые выигрыши, лишь бы выбраться отсюда. Она так съежилась, что куртка, казалось, стала ей велика на четыре размера. А барменша спряталась под стойку бара еще пять минут назад, сообразив, к чему все идет.

Клиент, стоявший ближе всех к кассе, сделал пару дирижерских движений руками, успокаивая толпу. Видно, он обладал здесь авторитетом, потому что местные игроки, пусть и не перестали возмущаться, но стали это делать значительно тише. Он, как и Дима, был обрит наголо, но худое лицо этого человека было похоже на череп с недобро двигающимися под кожей желваками. В общем, его фотография просилась в анатомический атлас или на стенд «Их разыскивает милиция».

– Вот что интересно, – театрально начал Череп, – когда мы все дружно сливаем здесь десятки тысяч – все нормально! Никакого сбоя чертовой системы нет! А когда начинаем выигрывать – это недействительно. Только мне это кажется странным?

Охранник, к которому обращался Череп, ничего не ответил, а только нервно сглотнул.

– Мы все честно выиграли. А вот те ребята вообще из другого города, – оратор кивнул в сторону Евгения с друзьями. – Нужно показать им наше гостеприимство. Они не могут ждать, поэтому выдайте им деньги и всем нам заодно, а потом разбирайтесь со своим специалистом, сколько хотите, или...

– Мы не можем вам отдать... – перебил его охранник, но его голос был заглушен перешедшим на крик Черепом.

–... или ты у меня эти жетоны жрать будешь!

Игроки, как по команде, начали сужать кольцо вокруг кассы. Переглянувшись, охранники потянули пистолеты из кобуры на поясе. Одновременно с ними к револьверу, спрятанному за спиной, метнулась рука Череп. Дима не ожидал, что события будут развиваться столь стремительно. Но он успел среагировать и тоже выхватил пистолет, другой рукой отталкивая заслонившего линию огня Толяна...

Когда в казино раздались хлопки, прохожие подумали, что удачливые игроки празднуют победу, распивая шампанское. Но когда истерически визжащая кассир приоткрыла мощные двери и первой оказалась

на улице, звуки пистолетных выстрелов, вырвавшихся наружу, нельзя было перепутать ни с чем.

Спасавшая свою жизнь девушка подвернула ногу на небольшой лестнице и упала на асфальт. Посыпавшиеся из дверей клиенты казино запинались об нее, врезались друг в друга или летели вперед, забыв про ступеньки. Отчаянно матерящаяся куча-мала щедро осыпала улицу потерявшими всякую ценность жетонами. Поднявшиеся с земли люди разбежались в разные стороны.

За вставшими на место дверями еще долго продолжало гулять беспокойное эхо. Или это только казалось зевакам, расположившимся на безопасном расстоянии от входа. Они жаждали зрелищ, а пока покусывали булки хлеба, которые несли домой. Приблизиться к казино никто не решался.

Несколько минут из здания не доносилось ни звука. Вдалеке послышалось завывание сирен. И вот нерешительно приоткрылась, а потом снова вернулась на место одна из дверей. Собравшись с силами, через двери все-таки протиснулся человек.

Ослепленный солнцем Евгений немного постоял на крыльце. Пошатываясь, спустился по ступенькам и привалился к стене злополучного казино. Его лицо словно старательно вымазали мелом, губы превратились в еле заметные линии, а круги под глазами проступили с невероятной четкостью. Евгений зажимал рукой рану в правом боку, из которой текла кровь. Она была темная, почти черная, как пиво, которое

продавалось в баре неподалеку. А сам мужчина превратился в стремительно пустеющий бочонок.

Свободной рукой Евгений медленно достал из кармана мобильный телефон и непослушными пальцами нажал на несколько кнопок. Ему что-то кричали собравшиеся около казино люди, но он их не слышал. Евгений сосредоточил все внимание на гудках, которые сменил веселый детский голос. Тогда на лице мужчины на мгновение появилась вымученная улыбка.

– Здравствуй, Павлик. Это папа... С днем рождения, сынок... – сказал Евгений тихим, едва слышным голосом и сполз на тротуар по окровавленной стене.

* * *

Сколько Михаил ни напрягал слух, вой сирен был уже не слышен. Он стих далеко за лесополосой, в направлении центра города. Оставалось только гадать, это пожарные машины были брошены на срочный вызов или врачи спешили на помощь бизнесмену-сердечнику. Но Михаил не стал тратить время на пустые размышления, а вернулся к своей работе.

Хотя работой он это не считал, а называл благородной миссией спасения невинных душ. Михаил стал заниматься этим, когда семь месяцев назад была спасена его собственная душа. А он получил новое кришнаитское имя – Хантша.

Теперь Хантша стоял около школы. Выход с ее территории вел на узкую улочку, перегороженную строительной техникой. Здесь Хантша ожидал детей,

чтобы рассказать им о мире Любви и Света, который находился совсем рядом, в их сердцах. Но дети не слушали, принимая его за очередного чудака. Хантша только и мог, что попытаться дать им брошюрку, повествующую о всемилостивом Кришне, надеясь, что она не отправится в первый попавшийся мусорный бак. Глупо было вести сражение за души детей какими-то брошюрами. Если каждый человек должен был сам выбрать, какую жизнь вести, что с этим мог поделаться Хантша? Ведь не он устанавливал правила игры...

Закончились занятия у второй смены, и дети высыпали из школы. Большая группа второклассников шарахнулась от проповедника в разные стороны, словно от прокаженного. Он не успел рассказать им о правильном Пути. Несколько девочек из средних классов пропустили мимо ушей большую часть божественной мудрости. Но это ничего, зато они пообещали подумать над тем, как спастись самим и сделать мир лучше.

Следующим за школьной оградой появился старшеклассник. Вообще, Хантша считал вот таких подростков с развязной походкой почти потерянными для вечной жизни, но все же решил попытаться:

– Хари Рама... – начал он, обращаясь к школьнику.

– Пошел ты! – процедил тот сквозь зубы и смачно сплюнул.

«Да простит его Кришна, потому что он не ведает, от чего отказывается», – подумал Хантша, провожая глазами подростка.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, он обернулся и увидел маленького мальчика. У него с собой не было ранца, и появился он не со стороны школы. Многие дети приходили, чтобы издали поглазеть на необычную одежду Хантши и посмеяться над ним. Но этот ребенок рассматривал его с любопытством, без тени иронии. Тогда Хантша приблизился к нему.

– Здравствуй, дитя. Правильно говорят, что в самых юных еще видна печать Кришны, которую он...

Мальчик посмотрел мужчине в глаза, заставив его потерять дар речи. Хантша еще никогда не видел такого неопишуемого взгляда. Сильного, пронзительного, которому невозможно сопротивляться. Сумка выпала у него из рук, и Хантша опустился на колени перед мальчиком, все равно оставаясь немного выше. Мысли экс-Михаила сменяли одна другую в бешеном темпе. Он думал о том, что воплощения Кришны должны иногда посещать Землю, а существо напротив может быть только одним из этих воплощений. Но почему никто из его учителей – Посвященных пятой ступени – не предупреждал об этом? И что Хантше делать сейчас?

В это время мальчик еще раз внимательно осмотрел растерявшегося человека и по-детски просто спросил:

– Чего ты хочешь?

– Я... я... – начал мямлить Хантша, не ожидая подобного вопроса. До этого момента он был уверен, что знает, чего хочет. Но когда необычный мальчик, скорее всего, даже не человек, спрашивает об этом,

ценности тут же меняются. Все желания, от детских и наивных, до таких грязных, что даже всемилостивый Кришна мог за них отвернуться от Хантши, всколыхнулись в нем. Ему потребовалось несколько минут, чтобы взять себя в руки, пока мальчик продолжал терпеливо стоять и наблюдать за Хантшой, склонив голову набок.

– Я хочу... – наконец выдавил тот, – знать то же, что знаешь ты. Хочу быть блаженным, как Посвященные девятой ступени. Хочу стать просвет...

Хантша не успел договорить, потому что мальчик положил руку ему на лоб, прогнав прочь все мысли...

Когда мальчик убрал руку, Хантша уже не обращал на него внимания. Его взор был устремлен в глубь себя. Лицо озарила блаженная улыбка.

– Так вот в чем причина... Теперь-то я знаю наверняка!

Он поднялся и, слегка пошатываясь, пошел по улице, не видя дороги и продолжая разговаривать сам с собой.

– Я и подумать не мог, что все именно так. Но ведь я никому не смогу рассказать... Нет слов... – в его голосе появилась горечь.

Через несколько метров Хантша ударился коленями о бетонный блок, который перегораживал дорогу, но даже не почувствовал боли.

– Нет слов... Но зачем это мне, если никто больше не узнает? Нет таких слов, – он опустился на асфальт и заплакал.

Мальчик прошел вперед, вдоль школьного забора, и остановился поодаль от Хантши, продолжая безучастно наблюдать за происходящим.

Мужчина вдруг встрепенулся, словно услышав что-то, на несколько мгновений превратившись в восковую фигуру. А потом зашелся новым приступом рыданий:

– Я не понимаю! Я не могу этого понять!

Упав навзничь и схватившись за голову, Хантша покатился по асфальту, пока его слова не сменились отчаянными воплями:

– Зачем все это?! Нет-нет-нет. Это невозможно! Я не понимаю!

Он стал яростно царапать виски, будто надеясь добраться до источника непонимания и вырвать его. Когда это не помогло, Хантша, не переставая вопить, впился ногтями себе в глаза. В окнах пятиэтажки, стоявшей напротив школы, начали появляться люди, привлеченные криками. Случайные прохожие ускоряли шаги или в нерешительности замирали вдалеке.

Ослепленный Хантша на ощупь добрался до бетонного блока и начал в исступлении биться головой о его острый край:

– Я не понимаю! Боже, я не могу понять!

...Когда человек, лежащий на асфальте, затих, к нему приблизился мальчик:

– Ну, что ты обо всем этом думаешь? – с интересом спросил он.

Вокруг изуродованной головы Хантши расплывался красный ореол.

– Я сделал, как ты и просил. Теперь ты знаешь о происходящем не меньше меня.

Кровь ленивым ручейком потекла вниз по улице, заполняя выбоины в дороге.

Запоздавшая школьница, вышедшая на улицу, истошно закричала: «Мама!» и убежала обратно. Мальчик надул губки и обиженно толкнул ногой тело Хантши:

– Вы всегда остаетесь чем-то недовольны! Почему ты молчишь? Ты же теперь можешь оценить все величие и красоту Замысла. Ты знаешь, зачем такие, как я, приходят в ваш мир. Знаешь и то, что надлежит делать тебе и таким, как ты. Скажи хоть что-нибудь!

– Он больше ничего тебе не скажет.

Рядом с мальчиком стоял седой мужчина в черном костюме. Несмотря на цвет его волос, бороды и усов, он не выглядел старым. При виде его мальчик почтительно склонил голову:

– Я думал, вы заняты поисками...

Повелительный жест мужчины заставил его замолчать.

– И мои поиски привели меня сюда. Но сейчас это не важно. А важно то, что этот человек ничего тебе не ответит. Ты убил его.

– Убил? – удивился мальчик. – Но я не сделал ему ничего плохого. Наоборот, я поступил так, как он попросил.

– В этом вся трагедия. Люди сами не знают, чего хотят, или не могут себе представить последствий своих желаний. Значит, и не могут нести ответственность за последствия.

– Разве так бывает? Я думал, что все развитые существа знают, чего хотят. Или люди – одни из самых примитивных?

– Сложный вопрос, – мужчина пригладил ухоженную бородку. – Скорее нет. Просто они не совсем обычные. Именно поэтому в этот мир так сложно попасть.

К месту их разговора начали стягиваться люди. Из школы на крики девочки прибежали несколько учителей. Из-за машин с песком, заблокировавших улицу, появились рабочие. А жители окрестных домов облепили окна, словно мухи.

– Люди поднимают много шума, когда погибает кто-то из них, – устало вздохнул мужчина. – Слишком много.

Он первым направился в ближайший двор, подальше от людских глаз. Следом засеменял мальчик.

– Эй, вон тот старикан стоял рядом с телом. Держите его! – закричал полный мужчина в строительном комбинезоне и оранжевой каске. Никто не откликнулся на его призыв, хотя он и сам не знал, к кому обращался. Тогда, поправив каску, он кинулся в погоню. Но, не пробежав и нескольких шагов, остановился, будто натолкнувшись на невидимую стену. Он не успел позвать на помощь, как у него закатились

глаза, и строитель рухнул на кучу щебня. А покинувшая улицу парочка затерялась среди домов. Попадавшиеся им люди не замечали ничего особенного: деловой дедушка повел внука на прогулку.

И умиленно улыбались, когда внук с благоговением ловил каждое слово седого мужчины:

– Запомни, что исполнять желания людей – самый верный способ прикончить их.

Мальчик покорно кивнул.

– В мире людей все перевернуто с ног на голову. Да, мы с тобой знаем, как лучше для них. Хотя не имеем права навязывать свою волю. Самое большое добро, которое мы можем сделать людям, это не исполнять их желания, нет! Но предоставить им полную свободу выбора и действий, что бы ни случилось. Мы можем лишь подсказать им, как поступить. Это должны быть очень тонкие намеки. Такие, что не каждый их заметит. Наши едва заметные советы люди называют знаками.

– Вроде этого? – мальчик показал на сине-белый знак пешеходного перехода.

– Еще более незаметные, – улыбнулся мужчина. – Но помни, независимо от твоих советов, выбор всегда остается за людьми. У тебя получится, стоит только попробовать.

* * *

Оранжевые лучи закатного солнца были почти осязаемыми. Они затапливали проезды между домами, создавая иллюзию, что где-то прорвало плотину

мягкого света. Все дворовое население, от детей в песочнице до бабушек на скамейках, любовалось этим зрелищем.

Только вот Руслану было не до того. Более дурацкую ситуацию было трудно представить. Он оказался в центре конфликта между давней знакомой, можно сказать, лучшим другом – Леной и своей девушкой Соней.

Вообще вопрос о том, могут ли парень и девушка быть просто друзьями – это покруче шекспировского: «Быть или не быть?». Но с Соней было бесполезно говорить о дружбе и доверии. Скажем так, если бы ревность была болезнью, то врачи обнаружили бы у Сони последнюю, неоперабельную стадию.

А Лена все прекрасно понимала. У нее были похожие трудности с молодыми людьми. Хотя на агрессивный настрой Сони это никак не влияло.

– Мы с Леной договорились встретиться с нашими одноклассниками. Ты же знаешь, что мы учились вместе и до сих пор дружим.

– Пойти на встречу выпускников. Конечно! – начала заводиться Соня. – Ты никогда не думал, что позоришь меня? Мы встречаемся, а ты ходишь вместе с другой девушкой!

– Но мы с тобой учились в разных школах! А мы собираемся компанией тех, кто выпустился из десятой.

– Это не причина. Ты идешь с ней, потому что стыдишься меня?

– Ну, с чего ты это взяла?!

– Послушай, Руслан, – пришла на помощь Лена, – по-моему, ребята будут не против, если ты возьмешь с собой Соню.

– Вот только тебя забыли спросить! – сверкнула та глазами.

– Послушай, милая, ты действительно можешь пойти с нами...

– Что, из жалости меня приглашаешь, да?! Нет, спасибо, мне такие подачки не нужны, – заявила Соня и, злобно цокая каблучками, пошла прочь.

Она была жгучей брюнеткой, одетой в черное платье. К тому же она направилась вдоль дома, где тень, в контрасте со светящимися переулками, превращалась в сумерки. Руслан едва удержался, чтобы не крикнуть, что Соня зря выбрала темную сторону Силы.

– Жаль, что так получилось, – сказала Лена, посмотрев на часы. – Я уже опаздываю, а ты иди, догони ее. Скажу всем, что у тебя появились неотложные дела. Уверена, никто не обидится!

Прежде, чем Руслан успел что-то ответить, она повернулась и пошла в противоположную сторону. Светлые волосы Лены ниспадали на фирменную желтую футболку «Евросети», где она работала. Длинная юбка была подобрана в тон.

Когда Лена вышла в переулок, солнце зажгло ее волосы, превратив их в сноп золотистого света.

Руслан хотел крикнуть: «Подожди!» – еще не решив, кого именно он собирается догнать. Он крутил

головой и топтался на месте, понимая, что девушки в это время уходят все дальше. Занервничав еще сильнее, он углубился в осмысление неминуемого выбора и не заметил, как ему в лицо что-то летит.

Когда нечто оказалось у него на лбу, он инстинктивно хватил его. Разжав кулак, Руслан увидел обычный лист желтого цвета. Подняв голову, Руслан посмотрел на тополя около дома. Но что толку смотреть на тополя в последние дни мая? Конечно же, листья на них были как на подбор насыщенного зеленого цвета.

«Тогда откуда мог взяться золотистый лист? Да еще и пахнувший осенью? – подумал Руслан. – Не об этом сейчас нужно думать! Соня или Лена? Лена или Соня?... Желтый лист...».

Руслан не знал, как ему поступить, поэтому он решил руководствоваться случайностью. Неожиданной подсказкой, которую он сам искал. Сжав спасительный листок в руке, Руслан побежал в золотистый переулок, где недавно скрылась Лена.

Когда Руслан скрылся за домом, из-за ствола большого раскидистого тополя показался мальчик в серых шортах и светло-синей майке. Радостно улыбнулся, потому что все получилось, как нельзя лучше. Он ничего не сделал, но все же исполнил чье-то желание.

Всеволод
Дребнев

Дизайнерский

Посетитель, щуплый мужичок лет под сорок с небольшим, смущенно и удивленно оглядывался по сторонам. Место, где он очутился, никак не вязалось с его ожиданиями. Да и что он ожидал увидеть – он и сам не понимал. Но обычное офисное здание, советской еще застройки, с косметическим ремонтом, люди на этажах, сидящие в бесконечных прозаичных очередях или бегающие с хрустящими, свежееотпечатанными бумажками. Он еще раз сверился с рекламным буклетом – все верно, улица такая-то, дом такой-то, этаж тоже верный... а вот и нужная дверь. Совершенно обычная табличка, на такой должно быть написано «Главный бухгалтер» или «Отдел кадров». Но на этой красовалась надпись «Биоэнергетик».

Посетитель протяжно вздохнул и постучал в дверь, про себя надеясь, что в кои-то веки ему на пользу там никого не будет. Однако из-за двери прозвучало: «Войдите!». Хорошо так прозвучало, зычно. Не так, как это бывает, когда человека отвлекают от работы, а будто заждались в гости, на чай. Это приободрило мужчину, и он вошел.

Внутри кабинет тоже оказался вполне обычным. Это мог бы быть кабинет управленца средней руки. Шкафы с документами, компьютер, стул для посетителей и стены, увешанные застекленными рамками с дипломами и сертификатами.

– Проходите, присаживайтесь, – дружелюбно пригласил его хозяин кабинета, крепкий круглолицый мужчина средних лет, – какая проблема привела вас ко мне?

Посетитель осторожно оглядывал кабинет, то ли в поисках колб с зельями, то ли спецтехники, как в кабинетах физиотерапии. Он мялся, не зная, как подойти к его несчастью. И решил спросить:

– А как это работает? Ну, то, чем вы занимаетесь? Вы экстрасенс?

– О, понимаете, – охотно начал рассказывать хозяин кабинета, его мутные глаза тут же прояснились и живо забегали, – все эти вещи работают на одном принципе. Мы имеем дело с энергетическими полями человека и разными способами воздействуем на них.

Тем временем он встал, подошёл к стене и указал на пару рамок. В них были сертификаты, подтверждающие, что его обладатель – биоэнергетик-профессионал и экстрасенс высшего класса. На сертификатах стояли печати разного размера и сложности и витиеватые подписи.

– А... Какими, например, способами? – решил уточнить чуть осмелевший мужчина.

– Самыми разными, самыми разными. Для каждого конкретного случая я стараюсь подобрать свою методику. Где-то лучше всего применять старые методы, как еще в средневековье, – биоэнергетик указал

на еще одну рамку, свидетельствующую о том, что он – колдун, допущенный к древнему тайному знанию.

Посетитель заметил и другую рамку. В ней красовался документ официального вида с глазом в треугольнике и отметкой о том, что человек, имеющий данный диплом, прошел проверку на ясновидение со способностью предсказывать будущее на «достаточный для первого разряда срок».

– Скажите... Вы ведь знали, что я приду, и с какой проблемой?

– Само собой, Николай Викторович. Но вы должны понимать, если я буду действовать с оглядкой на это знание, то будущее, которым я его увидел, не сможет случиться.

У посетителя екнуло где-то под сердцем оттого, что его имя уже известно. В то же время он окончательно то ли поверил этому человеку, то ли решил, что терять нечего. И выдал свои переживания.

– Понимаете... я немолод, и мне всегда было трудно общаться с противоположным полом.... Но есть одна женщина, она хорошо ко мне относится, мы иногда гуляем...

– И вы боитесь сделать следующий шаг, – кивнул колдун и экстрасенс, – боитесь, что ничего не получится, а это, может быть, ваш последний шанс.

Посетитель нервно сглотнул и смог только кивнуть.

– Что же, я вас понял. И даже знаю методику, идеально подходящую для этого случая. Пожалуйста, не уходите, мне нужно подготовиться.

Он оставил посетителя одного перебирать свои мысли, скрывшись за неприметной дверью.

Николай Викторович стал нервничать еще больше, пересчитывал пальцы, вытирал ладони о брюки, разглаживал складки пиджака. Прошедшие несколько минут растянулись для него в вечность страшного ожидания.

Хозяин кабинета вернулся со стеклянным флаконом в руках, наполненным бордово-красной жидкостью.

– Вам повезло, у меня остались запасы снадобья с нужными качествами! Итак – вам необходимо выпить это со своей дамой сердца, – он передал флакон, и посетитель тут же чуть его не выронил, – обязательно наедине, потому что даже пары снадобья могут подействовать на окружающих. А вам, конечно же, совсем не нужно, чтобы в ваши отношения влез кто-нибудь еще. – Он задумчиво почесал подбородок. – И, наверное, вам это лучше сделать в домашней обстановке, у вас или у нее, чтобы усилить действие. Чтобы снадобье, как бы это сказать... Больше привязалось к вашим личностным качествам.

Посетитель смутно представлял, как это будет действовать, но поверил – его дом был как бы его

частью, а значит, и действие снадобья должно быть сильнее. Он снова кивнул.

– Вот ваш чек. Понимаю, сумма кажется большой, но это одно из правил. Вы отдаете материальные ценности, а мы их замещаем ценностями, которые нельзя ни купить, ни потрогать.

Когда посетитель ушел, колдун, экстрасенс и биоэнергетик снова заглянул за неприметную дверь и вернулся с початой бутылкой ликера бордово-красного цвета, привезенной им когда-то из теплой Болгарии. Он тяжело опустился на стул, отхлебнул ликер из горла и достал из запирающегося ящика еще одну рамку с дипломом.

– И кто же знал, что придется привлекать посетителей таким способом...

На дипломе гордо значилось: «Психотерапевт».

Алексей
Крутов

и U

В полутьме каюты, несмотря на адский зной за деревянными стенами, царила приятная легкая прохлада. Крупный кусок льда, лежавший на столе, уже порядком оплыл и часто ронял капли талой воды на пол, но все равно продолжал свой неравный бой с летней ночью. Капитан сидел на полу, прислонившись к койке, в левой руке у него была едва начатая бутылка рома. Ему казалось, что ром придаст храбрости в разговоре с пленницей, который он все время откладывал, а голос обретет былую твердость и наконец перестанет дрожать.

– Здравствуй, мой нежный цветок... Я не видел тебя с прошлой луны, и сердце мое истосковалось... Твою кожу цвета молодого клена, так пряно пахнущую дымом и лесной прохладой, пятнают темно-бурые полосы от задубевшей в морской соли веревки. Жемчужины пота покрывают твоё прекрасное лицо, и если я откину прядь твоих угольных волос, то увижу в твоих карих глазах отражение свечи... и звериную ненависть, что жрет тебя изнутри. Но моя душа все равно рвется к тебе сквозь упругую плоть и алый камзол... А помнишь наши ночи, Ли? Полные томной любви и робкого тепла, которое мы дарили друг другу? – Голова капитана откинулась на койку, тонкое бледное лицо почти сливалось с простыней.

Синие глаза, полные сожаления, блеснули в полумраке и мечтательно уставились в потолок.

– Разве ты уже не помнишь, как звезды отражались в зеркале моря и мы не могли понять, где водная гладь, а где небесный свод? Пойми, моя дикая кошка, мне невыносимо больно видеть тебя в таком положении, но я держу тебя здесь исключительно ради твоей же безопасности.

Обнаженная пленница рванулась в путах, но лишь впустую потратила скудные остатки сил.

– Да, ради безопасности! Ты жертвуешь собой ради него. Я еще могу понять, зачем он это делает, но ты... Ты, о моя драгоценная Ли, зачем ты прокралась в ночи на корабль? Я не смел и надеяться на такой визит, знаешь, как я был счастлив! Но нож, зажатый у тебя в зубах... Все ради него? Чтобы он сказал тебе спасибо и погладил по головке? О, Вседержитель... Его безрассудные выходки и безграничная, немотивированная жестокость в конечном итоге приведут к катастрофе. Многие из его окружения рано или поздно понимают это. А ты думала, мое пополнение лепится из чешуи и прибрежного песка? Ты не замечаешь опасности, потому что ослеплена его мнимой смелостью. Но знаешь ли ты, что это всего лишь непроходимое ослиное упрямство, преувеличенное самомнение и безумный эгоизм?

Капитан вдруг забыл про ром, в один рывок он поднялся и приблизился к связанной девушке. Остро отточенная сталь с нежностью прошла по плечу. Кожа пленницы тотчас покрылась «мурашками». Губы мучителя растянулись в довольной улыбке, но в глазах по-прежнему стояла грусть.

– Я помню, как твое тело млело и таяло под моими руками... Не то что сейчас, да? – Каждое слово было пропитано горечью и скорбью. Капитан с трудом совладал с собой и поспешно отошел к окну. – Ты гостишь у меня уже неделю, а он так и не удосужился отправиться на твои поиски. Знаешь, почему? Он нашел тебе замену. Эта Уэнди... она не такая, как ты, совсем. Этим и берет. – Капитан тяжело вздохнул.

– Вместе они наслаждаются забвением, что приносит этот дьявольский порошок! Что? Ты не веришь мне, Ли? Каждый в его проклятой своре хоть раз, но пробовал эту дрянь. А он научил тебя летать? Нет? Ты у меня гордая скромница – сама не просила, а он все время «забывал» или у него находился миллион других важных дел. Например, еще одна бесполезная стычка со мной. А три дня назад явилась его «подруга», та, что снабжает его лунной пылью. Она обещала мне настоящие горы этого яда, только бы я скормил тебя рыбам. Если я отпущу тебя, они затопчут пламя твоей жизни. Я просто пытаюсь спасти тебя, Лили...

– К оружию! – По палубе загрохотали сапоги, слышались гомон команды и бряцание оружия.

– Да когда же он угомонится! – Капитан подхватил шпагу, на ходу надел шляпу и распахнул дверь. В мертвенном свете луны хищно блеснул крюк на месте правого запястья. – Сми! Всех брать живьем, это все-таки чертовы дети!

Алексей
Кротов

Урник
чина

Я жадно вдыхал свежий стылый воздух, обжигавший ноздри. Бесчисленные звезды озорно перемигивались из глубины ночного неба. Клубы выдыхаемого пара тут же запутывались кристалликами льда в густой бороде, еще больше добавляя в нее седины, и оседали на меховом ворота длинного овечьего полушубка. Снег сухо скрипел под ногами, обутыми в добротные валенки. Каждого прихода зимы я ждал с нетерпением и благоговейным трепетом. Проведя все свое детство в южной провинции, практически в султанате, я просто грезил о снеге. С тех самых пор, как узнал от своего учителя, что бывает такая белая штука, жгущая руки ледяным холодом, а не опаляющим жаром. Как только мне исполнилось двенадцать, получив грамоту об окончании углубленного курса классического рыцарства (мой учитель был немного чудаковатым), я нанялся на корабль к первому попавшемуся торговцу, идущему в диковинные северные страны. И вот уже встречаю здесь свою шестьдесят вторую зиму, и еще ни разу мне не хотелось вернуться. К тому же здесь у меня появились настоящие друзья, которые устроили меня на весьма интересную и не пыльную работенку.

Я осмотрелся. На ближайшем доме виднелась табличка с адресом. До нужного нам дома идти оставалось немного, и я предвкушал приятный вечер в теплой дружеской компании.

– Два дома осталось, Ро, давай поторопимся! – Обернувшись, я подбодрил отстающего спутника.

Ромуальдо – мой ученик и спутник – был молод. Уроженец здешних мест, он почему-то зябко кутался в свой полушубок, почти скрыв лицо под толстым шарфом и глубоко натянутой шапкой-ушанкой.

Мы почти бегом подошли к подъезду серой панельной пятиэтажки. Вход преградил здоровенный страж в черной панцирной броне. На плече у него покоился не менее устрашающий клеймор.

– Ваше приглашение, милорды. – Густой бас, слегка приглушенно доносился из доспехов. Голос был под стать виду закованного в броню охранника – внушительный, густой и обещающий муки адовы непрошеным гостям.

– А он себе ничего не отморозит? – Кивнул на стража подошедший Ромуальдо.

– Нееет, – с видом знатока протянул я, запуская руку под полушубок и нащупывая плотную бумагу. – Доспехи герметичны, изнутри напичканы электроникой плюс прослойка из возобновляемых термоэлементов.

– О как! – Мой ученик с интересом пригляделся к стражу.

Вдруг ночные звезды заслонила вереница теней. Гудя, словно бомбардировщики, они пикировали прямо на нас. Перед самой землей, залихватски

взметнув в воздух небольшой снежный вихрь, остановились три ступы. Из них, заразительно и звонко хохоча, высыпались шесть разруганных девчушек в подбитых ватой штанах и утепленных летных куртках. Весело щебечущей стайкой они резво проскочили мимо вытянувшегося по струнке стража. Я разглядел мелькнувшую нашивку – стилизованный котел на костре, а под ним скрещенные метлы. На праздник пожаловали ведьмы, значит, скучать на корпоративе не придется.

Я, улыбнувшись, протянул пригласительный на две персоны стражу. Тот смог ухватить бумагу только с третьего раза – беднягу била мелкая дрожь, из-за чего доспехи издавали тихое дребезжание и позвякивание. Вернув пригласительный назад, нас впустили в подъезд. Поднимаясь по лестнице, мы отряхивали снег с полушубков. Я был немного раздосадован – прибыли на празднование Окончания Года позже ведьм, вот позорище-то!

– Чего это он так занервничал?

Ромуальдо был новичком, поэтому многих тонкостей не знал и спрашивать не стеснялся. Полезное для моего ученика качество.

– Так ведь элита! Их магическое шоу всех детей у экрана собирает! А костюмы – всех пап. И у кого глаза горят ярче – сказать точно, не ручаюсь. К тому же характер у ведьм взрывной и горячий – издержки

профессии, сам понимаешь. Не проявишь должного почтения – и в жигу превратит еще ненароком. Ей взыскание, а тебя на кладбище. Так, мы пришли. Ты тут человек новый, так что головой верти чаще, но будь начеку!

Мы остановились на третьем этаже перед дверью с номером двадцать четыре. Обыкновенная входная дверь, обитая вытертым темным дерматином, призывно манила в полутьме подъезда кружком дверного глазка, светящегося ровным желтым светом. Я нажал на кнопку звонка. Вместо раздражающего жуткого зуммера и душераздирающих трелей стандартных звонков раздался нежный перезвон колокольчиков. Ромуальдо бросил на меня изумленный взгляд.

– Погоди, – я был крайне доволен его удивлением и не скрывал этого, – вот сейчас с хозяевами познакомлю.

Дверь открылась, пахнув аппетитными ароматами, легкой музыкой, смехом. Изрисованные стены подъезда и онемевшие спутники озарились ярким солнечным светом. В золотистых лучах, словно в упругих струях лесного ручья, купалась хозяйка. Изящная, среднего роста шатенка, в темно-зеленом обтягивающем платье. Высокие скулы, точеная фигура и изумрудные миндалевидные глаза с поволокой выдавали предков явно Высшей крови.

– Саша! – Хозяйка всплеснула руками и отодвинулась, приглашая гостей пройти. – А мы уже заждались, проходите быстрее.

– Добрый вечер, Анастасия Семеновна! – Я, проходя в квартиру, снова запустил руку под полушубок и достал небольшой букетик цветов. Тем самым я отвлек хозяйку, и, втянув Ромуальдо за собой, незаметно захлопнул ему рот. – Как Ваше здоровье? Как Иннокентий Поликарпович?

– Спасибо, все хорошо! – Анастасия Семеновна бережно приняла букетик. – Кеша в библиотеке. Да вы проходите, он уже заждался.

Скинув полушубки в прихожей, мы оправдали лазурные парадные мундиры и отправились на поиски хозяина квартиры. Изнутри жилище было гораздо больше, чем казалось на первый взгляд, и вмещало немаленьких размеров луг, щедро залитый теплым летним солнцем, и рощицу деревьев на холме. Библиотека располагалась именно в ней, так что пройтись нам пришлось порядочно. Миновав шумную компанию, веселившуюся на лугу, мы вышли на тропинку. По пути я тайком поглядывал на Ромуальдо, в изумлении крутившего головой. Тот был у Быстрокрылых впервые, поэтому для него все было сказочным: и светившийся ровным солнечным светом высокий потолок, и нежная зеленая трава, ковром устилавшая пол, и тонкие ажурные

стены, издававшие еле слышимый хрустальный звон. Хотя и натаскивал я его почти два года, но такое количество качественных чудес за один вечер кого угодно впечатлит. Но все это быстро отойдет на второй план – ему еще предстоит встреча с хозяином волшебной квартиры.

Иннокентий Поликарпович Быстрокрылый был драконом. Самым настоящим, с огромными кожаными крыльями, с пастью, полной острых зубов не менее локтя в длину, кривыми ятаганами когтей и всем остальным, что положено приличному и ужасному дракону. Иннокентий Поликарпович был приличным и ужасным драконом, но только на работе, в домашней же обстановке он предпочитал облик скромного интеллигентного профессора, в полукруглых очках для чтения, словно бы прилипших к кончику носа, и сером свитере с замшевыми вставками на локтях. Он сидел в кресле-качалке, вдохновенно покачиваясь, с потрепанным томиком стихов, укрывшись от солнца в легкой тени исполинского дуба, тихо шелестевшего кроной.

– Дружище! Как хорошо, что ты заглянул к нам!
– Увидев гостей, Иннокентий Поликарпович суетливо встал и, широко улыбаясь, по-отечески обнял обоих.

– Так ведь сами пригласили, Иннокентий Поликарпович.

– Ну сколько можно, Саша! – Он картинно скривился. – Мы знакомы уже сорок лет с гаком, а ты все «выкаешь»!

– Что поделать, – я беспомощно развел руками – воспитание...

– А кто сей юноша бледный, со взором горящим? – Дракон ухмыльнулся и оценивающе оглядел моего ученика.

– А это, Иннокентий Поликарпович, Ромуальдо, мой ученик. Нет, не так – Ученик.

– Тот самый? – Уголки рта Иннокентия Поликарповича растянулись в ехидной масляной улыбке, глаза за очками хитро прищурились. – Приятно познакомиться... Рооооомаааааа.

Мой ученик судорожно вздохнул и сделал порывистый шаг вперед. Я не успел его остановить. Иннокентий Поликарпович сдавленно зашипел, его рот стал вытягиваться, зубы удлинялись, меж ними мелькнул острый раздвоенный язык, а сквозь кожу явственно проступила золотисто-зеленая чешуя. Ромуальдо побледнел и инстинктивно попытался нащупать эфес меча у бедра, напрочь забыв, что оружие на праздник Окончания Года проносить строжайше запрещено, и мы заблаговременно оставили его дома. В глазах Иннокентия Поликарповича загорелись золотые искорки, которые двигались в карей радужке и медленно

смещались в угольный зрачок, затягивая собеседника в черную бездну.

– Именно, – я заслонил обмякшую жертву собой, прекращая гипнотическое влияние дракона. – Прошу извинить моего ученика, он еще молод, и кровь горяча.

– Я сам спровоцировал, прости старика, – лукаво улыбнулся, вернувшийся в свое человеческое обличие Иннокентий Поликарпович. – Всегда забавляло, как вы, рыцари, болезненно реагируете на, эмммм, неточности произношения своих имен. Ну, раз уж мы так бойко начали, то я бы с удовольствием посмотрел, на что способен твой ученик в настоящем бою, Александр.

Я посмотрел на Ромуальдо. Особой уверенности на его лице я не увидел, но он все же решительно и отрывисто кивнул. Похвально, похвально! Быстрокрылый обожает храбрецов. Все равно парню рано или поздно придется пройти проверку, так лучше пусть это случится под присмотром. Прикинув в уме шансы, я тоже кивнул. Дракон аж подскочил от удовольствия и засуетился, забегал вокруг дуба, бормоча под нос что-то неразборчивое.

– Все помнишь, Ро? – Я оглядел своего ученика, втайне переживая за исход экзамена.

– Конечно, – спокойно ответил Ромуальдо. – Мастер, мне бы мою скъявону*...

– Рыцарь с далмацким” клинком?! – Иннокентий Поликарпович выскочил из сплетения могучих дубовых корней, словно черт из табакерки. Его руки заметно подрагивали в предвкушении забавы. – Саша, ты меня сегодня просто заваливаешь подарками. Ученик, да еще такой необычный, что же ты раньше-то его не привел...

Не давая вставить слово, он выпалил скороговорку, и прямо из воздуха появилась огромная волосатая рука свекольного цвета с оранжевыми пятнышками, когтистые пальцы нежно удерживали стэнд с полным доспехом моего ученика. Его любимая скъявона и короткий меч свисали с мизинца, тихонько покачиваясь на перевязи. Поставив все на землю, рука исчезла. Я стал помогать Ромуальдо облачаться в доспехи. Иннокентий Поликарпович с еле сдерживаемым нетерпением прохаживался около нас. Наконец, я затянул последний ремешок, и Ромуальдо пару раз взмахнул клинками, привыкая к ощущениям.

– Наконец-то! Готов? – Дракон, не дожидаясь ответа, витиевато взмахнул рукой, и посреди рощицы возник портал. Иннокентий Поликарпович резво нырнул в него.

– На арене любая магия запрещена, рассчитывать можно только на свои силы. Это хоть как-то уравнивает шансы. – Я ухватил ученика за забрало

и давал последние инструкции. Тот внимательно слушал, но в его глазах я видел нетерпение и азарт. Черт, как же он хорош! – С богом!

Ромуальдо шагнул в портал, который тут же захлопнулся.

Я взял с кресла томик стихов и сел. Шарль Бодлер... хм, а дракон-то у нас эстет. Прошло минут пятнадцать, я зачитался Бодлером и не заметил, как подошла хозяйка.

– Саша... – Анастасия Семеновна стояла, облокотившись на ствол дуба, и с грустной нежностью смотрела на меня. – Когда ты решил уйти? Кеша хоть в курсе?

– Да, он сразу догадался. Мы условились, что сначала я найду себе достойную замену. – Я не видел смысла отпираться и, закрыв книгу, решил все рассказать. – Ушел бы раньше, но стоящего рыцаря сегодня найти очень тяжело...

– У тебя все в порядке? Может быть, тебе чего-то не хватает? Мы можем поговорить с продюсером, выторговать тебе новые условия...

– Нет, нет! Все прекрасно, не поймите неправильно. Но мне уже семьдесят четыре года, а выгляжу я на сорок, не больше – мой глубокий поклон магам. Я понимаю, что Иннокентий изо всех сил старается внести разнообразие в шоу, но в итоге все сводится к одному: кого-то из нас уносят на носилках. Магия,

конечно, все восстановит за секунды, но боль никуда не денешь. Мою технику боя зрители знают наизусть. Со дня на день им надоест глазеть, как очередной бой идет по накатанной. Ведьмы уже нас по рейтингу догоняют, а начали всего полгода назад. Вот я и решил, так сказать, провести частичный ребрендинг.

– Благородный рыцарь, всегда думающий о ближнем своем. – Анастасия Семеновна горько улыбнулась. – Очень жаль, что ты уходишь. Мы с Кешей очень к тебе привязались. Разве ты не будешь скучать?

– Анастасия Семеновна, вы мне давно стали словно семья...

Договорить я не успел. Посреди рощи снова открылся портал. Натужно померцав, он с трудом стабилизировался. Из портала тут же повалил жирный черный дым. Ромуальдо в изрядно помятых, обугленных и местами рваных доспехах, прихрамывая и опираясь одной рукой на скъявону, тащил на себе бледного Иннокентия Поликарповича. Осторожно передав пострадавшего нам на руки и удостоверившись, что мы уложили его в кресло, Ромуальдо отбросил меч, сорвал с плеч тлеющие остатки лазурного плаща и, затушив искры, подложил под голову дракону. Хозяйка, махнув рукой, выхватила из воздуха пузырек и принялась отпаивать стонущего мужа.

– Рассказывай, – я отвел ученика от пары и дал ему стимулирующий заживление фруктовый батончик. – Как все прошло?

– Думал, он меня угробит. – Ромуальдо оторвал болтающееся на одном креплении забрало, с сожалением отбросил его. Не глядя, взял батончик и, не жуя, проглотил большую часть угощения. – Сначала все было стандартно, обменялись парой ударов, я заблокировал, атаковал, перехватил инициативу, а потом он как с цепи сорвался...

Я с недоверием смотрел на ученика. Что-то он не договаривал. Со стороны кресла стоны перешли в оханье. Что ж, для полноты картины послушаем версию другой стороны.

– Этот паршивец оседлал меня! – Дракон негодуяще сопел, картинно приложив руку ко лбу. – Меня, самого Быстрокрылого! Пришлось потрепать его маленько, так ведь и не достал же с первого раза! Башню вот развалили... что товарищ Несмертный скажет?!

Анастасия Семеновна едва сдерживала смех. Я просто остолбенел. Такой наглости от своего ученика я не ожидал. Тот с совершенно невинным видом подъедал крошки, шурша оберткой.

– Но, черт побери, как же было весело! – Иннокентий Поликарпович резко сел в скрипнувшем кресле и ощупал небольшую шишку. – Молодой

человек, чем это вы меня так? Никак «Парящим благословением»?

– Им самым, – Ромуальдо подошел к креслу, хромать он уже перестал, да и выглядел не таким помятым. – Только с небольшими личными изменениями.

– Вы долго еще? – Ласково прервала нас хозяйка, и, видя, что умирать никто не собирается, стала постепенно таять в воздухе. – Гости заждались, без вас не начнем! Давайте закругляйтесь, а я пока всех соберу.

– Изумительно! – Иннокентий Поликарпович нетерпеливо помахал рукой, что в его случае означало: «Еще пять минут!». – Атаки чистые, эффективные и безумно зрелищные! Вот что значит старая школа! Саша, запись сегодняшнего, эммм, боя будет у Несмертного на столе сразу же после праздников. Я лично ее занесу! Примите мои поздравления, молодой человек, а это редкость, уж поверьте!

Ну, слава богу, обошлось! А парень дракону понравился, давненько я таким увлеченным своего друга не видел. Иннокентий Поликарпович пожал руку Ромуальдо и с деловым видом осмотрел его доспехи.

– В оружейной выдам новые, поинтереснее. Довольствие оформим тебе чуть позже. На первое время денег я тебе дам. – Дракон протестующе

поднял руку и, получив в ответ смиренную улыбку, азартно потер руки. – Давайте-ка мы с вами присоединимся к гостям, и наконец-то поужинаем. По запаху чую – Настенька сегодня расстаралась на славу!

Приведя себя в порядок, мы спустились с холма на луг, на котором уже был накрыт длинный стол. В вечерних сумерках целый рой светляков вылетел из роши и равномерно распределился, освещая богато сервированный стол. Мы весь вечер наслаждались вкуснейшими блюдами, отдавая должное таланту и красоте хозяйки практически через каждый тост, а Иннокентий с таинственным видом подмигивал ничего не понимавшим ведьмам.

Два месяца спустя я сидел в небольшом кафетерии, потягивая кофе. Быстрокрылые взяли в оборот товарища Несмертного, и продюсер скрепя сердце выделил мне настолько нескромную пенсию, что я мог, в пределах разумного, конечно, делать все, что душе угодно. За соседним столиком сидела пара мальчишек. Они, задрав головы, уставились в телевизор, висевший прямо над ними. На экране мелькали драконы, пламя, сундуки с золотом, части обычного рыцарского доспеха.

– Так и знал, что они что-то готовят! В новом сезоне рыцарь новый будет! – Сидевший слева мальчик торжествующе посмотрел на друга. – А дракона

старого оставили и декорации сменили – вон северной башни нету...

* скьявона – «Славянский меч», разновидность меча, имеет прямой, обоюдоострый клинок, с тремя долами, идущими параллельно, рука воина защищена надежной «корзинкой» из переплетенных между собой стальных полос. Рукоятка заканчивалась навершием, приближенным к форме квадрата. Использовались такие мечи в основном наемниками из Далмации

** далмация – страна, реально существовавшая на Балканах до 1945 года, когда ее территорию разделили между Хорватией и Черногорией

Филиппов
Владимир

Вендита
ос енв

Левель была величайшей из волшебниц подводного народа. Она жила в высокой башне, стоящей на самом дне моря, куда к ней приходили просить чудес. И она давала чудеса всем, кто в этом нуждался и кто их заслуживал. Бесконечно красивая в своем одеянии, сотканном из нитей чистого золота, величавая, но нежная и добрая, Левель была любима всеми, и отовсюду, из каждой подводной страны, к ней приходили в поисках волшебства.

И вот однажды к Левели в башню явился морской король. Он пришел наравне со всеми, так же, как и все, поклонился ей и молвил:

– О великая, я знаю, что прошу о многом, но все же умоляю тебя исполнить мою просьбу. Я никогда не видел неба и солнца, ведь их ясный свет не может проникнуть сквозь морскую толщу. Все, о чем я мечтаю: посмотреть на них хоть один раз за свою жизнь. Мне ведомо, что только тебе подвластно плыть так высоко, чтобы увидеть их. Лишь об одном прошу: возьми меня с собой.

Левель знала, что это добрый и честный король. Он много сделал для ее народа, и волшебница решила, что исполнит его заветную мечту.

Она сама очень редко подплывала к поверхности моря, потому что предки научили ее: там, за гранью воды, живет что-то ужасное, опасное, неизведанное и непостижимое.

Но все же изредка Левель позволяла себе издалека посмотреть на небо, ведь не видела она ничего красивее этого голубого света за поверхностью моря.

И они с королем поплыли. Когда они поднялись уже высоко, заклятие, удерживавшее всех глубинных жителей на дне, стало давить на них, не давая двигаться дальше. Волшебница заставила воду вспыхнуть ярким светом, образовавшим коридор, сквозь который они проплыли, преодолев барьер.

Путь был долог. Три дня и три ночи они поднимались вверх, и наконец вдалеке показался тот самый голубой свет, пронизывавший водную толщу, и сияющий великолепными чистыми лучами горящий солнечный диск. Они долго плавали вдалеке, но этот свет был так прекрасен и так манил их...

Король уговорил волшебницу подплыть чуть ближе, и они поднялись почти к самой поверхности воды. Вдали показалось что-то странное. Они сначала не поняли, что, но оно было большое, быстро приближалось, так что они бросились уплывать. Левель, понимая, что сбежать не удастся, использовала все свои силы, чтобы вернуть короля домой, но на себя ей не хватило энергии. Он растворился в облаке света, а ее подхватило, потащило куда-то вверх, она не могла вырваться – и тут...

Левель увидела море, но увидела не с привычной стороны – сверху.

Волшебница, спутанная чем-то, висящая в воздухе, повернула голову и увидела перед собой поражающего воображение гиганта. Он возвышался над ней, словно высеченная из камня фигура древнего бога.

– Прошу, отпусти меня! – закричала Левель. – Я сделаю все, что пожелаешь, только верни меня обратно!

– Есть кое-что, в чем ты можешь мне помочь, – сказал ей великан. – Понимаешь, у моей старухи недавно разбилось корыто.

Евстигнеева
Юлия

Учителем
становилась
Юлия

Шурика называли по имени только домашние и учительница Марина Андреевна. В школе же, среди начальных классов, его знали как Лунатика. И не потому, что фамилия его была Лунатов или Лунин. Когда мальчик пришёл в первый класс, он называл себя Шашкой. Однако это прозвище не прижилось, его попросту забыли после того, как услышали историю о том, как Шашке на голову летом свалилась Луна. «И что? Ты стал лунатиком?» – наивно округлил глаза Петька Ершов. А Клим Егоркин по-дурацки захохотал и запрыгал на одной ноге по классу, показывая на Шашку пальцем и на разные голоса повторяя: «Лунатик! Лунатик! Луна-а-атик!!!»

Так и повелось. И Шурик перешёл во второй класс с накрепко прилепившимся прозвищем, которое ему не нравилось. Но что поделаешь, если ребята не хотели называть его иначе? В итоге привык. Но прозвище отдалило его от одноклассников. Шурик часто сидел и смотрел в окно, тогда как кто-нибудь из всех сил старался привлечь его внимание, крича: «Лунатик, Лунатик! Эй!», а порою подсаживался и резко пихал в бок. Эта особенность не отвечать на ненавистную кличку закрепляла прозвище ещё больше: мол, еще и ведёт себя как Лунатик!

Ко второму классу Шурик не то чтобы свыкся с насмешками. Он придумал себе новое увлечение. Мальчик стал сочинять рассказы про лунатиков и рисовать их героев в альбоме.

А ещё Шурик раздобыл у старшего брата Васи учебник «Астрономия» и стал его изучать, а потом попросил у мамы купить книги про луну. Книги про луну и другие планеты он читал исключительно дома, но вот альбом с карандашами носил с собой в школу каждый день, рисуя на переменах комиксы.

Лунатики у Шурки были разные: белые, красные, зелёные; с рогами-антеннами и без них; толстые и тонкие; добрые и не очень. Некоторые походили на людей, другие – на животных. У лунатиков были мамы и старшие братья. Иногда лунатики ходили на голове, как антиподы из сказки про Алису.

Со второй четверти во второй «А» пришла новенькая со смешными белыми косичками, веснушками и редкими зубами. Её звали странным именем Лёлька. Только на уроках Марина Андреевна называла её Оля, отчего девочка строго поджимала нижнюю губу.

В первый же день новенькая заинтересовалась Шуркой. Подошла и, смущаясь, спросила:

– А почему ты – лунатик? Во сне ходишь?

Мальчишка сразу насупился:

– Вот ещё!

– Ему луна на голову упала в детстве, – ответил за него Петя Ершов, который по-прежнему верил в Шуркину историю.

– Как она его не убила?! – подколот из другого угла вредный Егоркин, пытавшийся достать с книжного шкафа пылившиеся там портреты Пушкина, Гоголя

и других писателей, но слишком сильно потянув за края, чуть не свалился вместе со стулом, шкафом и всем тем, что на шкафу лежало.

– Смотри, сам не убейся! – сказал Юрка, закадычный дружок Клима, с которым они договорились, пока нет в классе Марины Андреевны, разрисовать портреты писателей фломастерами.

А тем временем в альбоме мальчишка рисовал очередного лунатика. Тот спал, свернувшись клубочком, как котёнок. Вместо носа у него была зелёная присоска, вместо ушей – лопушки-локаторы, а рот расплылся улыбкой на симпатичном зелёном лице.

Лёлька заглянула через плечо.

– Ой, какой миленький! А это кто?

Шурка помолчал, серьёзно глядя на девочку, но после паузы ответил:

– Это житель Луны, и он спит!

– А что ему снится?

Мальчик задумался: а действительно, что может сниться лунатикам?

Самому Лунатику часто снились руки. Большие, тёплые, сильные и надёжные. Они были знакомые и связаны с его детством. Он не помнил, чьи они, но порой, просыпаясь в слезах, неосознанно шептал: «Папа, папочка! Только не уходи!»

Марина Андреевна вернулась в класс, и начался урок пения.

Потом была продлёнка, во время которой вечно суматошные Клим и Юрка что-то тихо делали в углу.

За Лёлькой чуть раньше пришла бабушка, и Шурка, узнав, что им в одну сторону, пошёл домой вместе с ними. По пути Лёлька рассказала, что так забавно её прозвал отец, лётчик-космонавт. Шурка очень захотел познакомиться с ним, поговорить о звёздах и планетах.

Дома мальчик застал старшего брата, которому было уже почти шестнадцать, и ту, которую брат называл «моейдевушка». Шурка побаивался «моейдевушку». Она обводила глаза чёрным и слишком ярко красила губы. Один раз Шурик видел её в школе с совершенно синими губами, отчего стал бояться ещё больше. Брат и «моейдевушка» называли Шурку малявкой или горошиной.

А раньше. Раньше... Ещё два года назад Вася был не таким. Он оберегал младшего брата, играл с ним в шашки и рассказывал удивительные истории. Особенно нравились Шурке рассказы про Архимеда, который залез в ванну, полную воды, и про Ньютона, на которого упало яблоко.

Сейчас Вася в кожаной косухе и «моейдевушка» в чёрной джинсовке собирались идти на пустырь кататься на мопеде, что очень не понравилось бы маме. Отец мальчишек погиб в автомобильной аварии, и она боялась любых машин. Её радовало, что хоть младший не рвётся к автомобилям. А за Васю она беспокоилась.

И особенно переживала мама, когда однажды старший сын пришёл домой поздно на почти не слушающихся ногах, и от него пахло какой-то гадостью. Мама заплакала, а Шурка спрятался под одеяло и тихо поскуливал. В ту ночь ему опять снились добрые руки.

Утром в школе разгорелся скандал. Готовясь к уроку чтения по сказкам Пушкина, Марина Андреевна не нашла портрет Александра Сергеевича на привычном месте. Все портреты почему-то оказались в углу за шкафом. А когда нужный был извлечён и рассмотрен, Марина Андреевна произнесла: «Катастрофа!» и не знала, плакать ей или смеяться. У Пушкина были зелёные кошачьи усы и красные круги вокруг глаз.

На немой вопрос учительницы: кто это сделал? – Юрка, указывая пальцем на Шурика, заверещал: «Это Лунатик нарисовал!» И, хотя Саша рисовал исключительно карандашами и не переносил скрип фломастеров по бумаге, он даже не стал отпираться. И тут вдруг встала Лёлька и заявила:

– Это мы сделали... Оба.

Из школы Лёлька и Лунатик возвращались грустные: родителей вызвали на беседу.

Дома у Шурки было беспокойно. Вася стоял посреди комнаты в позе воинственного индюка и кричал на маму:

– Какой ещё Игнат Васильевич? Зачем он нам тут?

Мама покраснела, и из глаз выступили слёзы. Через несколько минут она набрала номер и сказала:

– Игнат, прости, не смогу, – и добавила: – никогда не смогу.

Вася ушёл раздражённый, и мама боялась, что он будет гонять на мопеде, а ещё хуже – придёт домой пьяным. Шурик хлюпнул носом. Вечером на рисунке со спящим лунатиком добавилась картинка: в большой перевернутой капле над головой лунного человека был изображён другой лунатик, держащий сына на руках. Это был сон лунатика, и Шурка подписал внизу: «Лунатикам снятся папы».

Что маму вызывают в школу, Шурик вспомнил только утром, за завтраком, и виновато сообщил ей об этом.

Мама тяжело вздохнула и позвонила по телефону на работу, чтоб отпроситься на пару часов. Работала она в столовой, и отпроситься утром было вполне возможно, но, как и везде, нежелательно. И Шурка это знал. Поэтому по дороге в школу шёл рядом с мамой молча и боялся взять её за руку, хоть очень этого хотел. Он знал, что мама сердится на него.

Когда пришли в школу, в холле мама замешкалась, покраснела и смущённо опустила глаза. Она стала похожа на провинившуюся девочку, как будто это её родителей вызвали в школу.

Немного подождав, мама с Шуркой двинулись к классу, отворили дверь. И мама вновь смутилась и опустила голову.

В классе, напротив Марины Андреевны сидел тот самый Игнат Васильевич, с которым она говорила по

телефону накануне вечером. По правде говоря, мама заметила его ещё при входе и задержалась, чтобы он прошёл, не узнав её. Но волей случая Игнат Васильевич был также вызван сегодня Мариной Андреевной, потому что оказался Лёлькиным папой. И, похоже, его успели ввести в курс дела, так как на столе учительницы лежал украшенный усами цвета травы Пушкин. Игнат Васильевич что-то говорил, но на полуслове обернулся к дверям и тоже смутился.

Они познакомились не так давно и очень понравились друг другу. У неё двое пацанов, которых приходится поднимать на ноги одной, у него – мама, дочь и собака сенбернар по кличке Бетховен, прямо как в фильме, который так любит его Лёлька. Игнат приходил обедать в столовую каждый день, и они могли перемолвиться парой слов, особенно если очередь была небольшая. Потом он стал встречать её после работы и провожать домой, неторопливо рассказывая о своей жизни. А жизнь была у него интересная и напряженная.

Лёлька с бабушкой оставались в другом городе, и только около недели назад Игнат перевёз их к себе. Она не спросила, в какую школу пойдёт девочка, и только сейчас выяснилось, что Шурка и Лёля – одноклассники.

Марина Андреевна сделала рукой приглашающий жест, и мама вошла и присела рядом с Игнатом Васильевичем за первую парту. Шурку с остальными ребятами попросили подождать в коридоре.

– Познакомьтесь, – сказала учительница. – Это Игнат Васильевич – папа нашей новенькой девочки, которая, кажется, так подружилась с вашим Сашей (Здесь Марина Андреевна сделала выразительную паузу и строго посмотрела на маму), – что готова идти за ним в огонь и в воду! Он нахулиганил, испортил школьный реквизит, а она сказала, что сделала это вместе с ним. Пока я в это не верю. Но что будет дальше? Вдруг она действительно начнёт участвовать в его проделках? (Теперь пронзительного взгляда удостоился папа девочки.) Полюбуйтесь!

И Марина Андреевна продемонстрировала усатого Пушкина.

Мама, подавив улыбку, сказала нарочито серьёзным тоном:

– Извините, конечно, Марина Андреевна, но это мог сделать кто угодно, кроме моего Саши. Он никогда не рисует фломастерами, а исключительно карандашами. Фломастеры скрипят, и от этого Саше кажется, что ему одновременно сверлят и выдирают зуб. Такой вот необычный феномен. А то, что он подружился с Лёлей, так это хорошо! У него же почти нет друзей.

Считая, что вопрос исчерпан, она произнесла:

– Всего доброго! – встала и двинулась к выходу.

Учительница пожала плечами и обратилась к Лёлиному отцу:

– Ну, в таком случае Вас я тоже не задерживаю! Постараюсь выяснить, кто это безобразие учинил, хотя и странно всё...

Пока она говорила, Игнат встал, раскланялся и заторопился к дверям, в которые уже засовывали головы любопытные второклашки, так как прозвенел звонок к первому уроку, а их всё ещё не пригласили.

Игнат нагнал её только в школьном дворе и пошёл рядом. Молча. Она заговорила первая. Знала, о чём он хочет спросить. Объяснила, что дети для неё на первом месте, и раз уж не хотят с Игнатом знакомиться, то, значит, судьба такая.

И тут он улыбнулся, остановил её и посмотрел в глаза. Она попыталась отвести взгляд, но Игнат взял её осторожно рукой за подбородок и не дал этого сделать. У неё выступили слёзы.

– Всё? – спросил он, смахивая слезинку с любимых ресниц. Потом, крепко обняв за талию, снова пошёл с ней рядом, рассказывая свою историю.

Отец Игната был лётчиком. Маленький Игнат обожал его, самолёты, истории, которые папа рассказывал перед сном. Однажды отец не пришёл вечером. Зато пришёл его сослуживец, хмурый и тихий, и что-то сказал маме, а та разрыдалась и заперлась в ванной, чтоб десятилетний Игнат не заметил её слёз. Но сын заметил и решил, что «плохой мужик» обидел её.

Наступила ночь, а отец всё не приходил, и Игнат чувствовал себя одиноким и незащищённым.

Мама только лишь крепко обняла его перед сном, поцеловала и пожелала спокойной ночи.

Игнат почувствовал, что ресницы её были влажными. Он поклялся отомстить обидчику.

Дальнейшую историю Игнат рассказывал Шуркиной маме уже вечером, когда встретил её после работы.

На следующий день всё пошло не так. Игнат не мог понять, что происходит. Ему ничего не объяснили. Приходили и уходили какие-то знакомые и незнакомые люди. Мама отправила его в школу вместе со своей подругой тётёй Любой. Тётя Люба всю дорогу молчала, грустно поглядывая на мальчика, а потом переговорила о чём-то с его учительницей и ушла.

Вечером отец снова не вернулся. Игнат спросил, где он. Мама сказала, что отцу пришлось уехать надолго.

Странности продолжались ещё несколько дней. К ним домой зачастил тот самый папин сослуживец, которого Игнат тихо ненавидел. Все смотрели на мальчика странно грустно и отводили глаза. Все молчали.

Некоторое время Игнат находился в неведении. Но в маленьком военном городке слухи распространяются быстро, и всегда найдётся словоохотливый доброхот.

Через неделю рыжий дылда из седьмого класса, который вечно цеплялся к Игнату, выдал ему с усмешкой:

– Теперь ты мне уж точно ничего не сделаешь! У тебя даже папы нет! Сирота!

Мальчик не поверил, кинулся с кулаками. Однако парень увернулся, и Игнат упал, но боли не почувствовал.

Пока летел, понял: правда! Боль была другая, душащая слезами, стоящая комом в горле. Игнат встал и поплёлся на третий этаж, где можно было побыть одному. Он плакал, пока его не начало тошнить. Потом его разыскала классная и, увидев, в каком он состоянии, позвонила его матери и отправила домой. Хотела дать провожатого, но Игнат отказался.

Он бежал всю дорогу до дому. Бежал, потому что так было легче. Влетел в комнату. Мамы не было, но сидел тот самый сослуживец отца. Он быстро встал и обнял Игната за плечи, сильно прижал к себе, хотя тот попытался вырваться. «Поплачь, мальчик, поплачь. Это надо», – сказал, неловко утешая. И Игнат плакал, уткнувшись в живот большого чужого человека.

А потом был разговор. Дядя Коля сказал, что если Игнат не хочет, то его отец не умрёт никогда. Он будет далеко, но не умрёт. Пусть он смотрит на Игната с другой планеты или с луны, где занимается важным делом – строит садики и школы для лунных ребятишек.

Игнат должен понять, отпустить и жить дальше, хорошо жить, счастливо ради мамы, ради себя.

Мальчик постепенно успокаивался, но ему было грустно. Дядя Коля смотрел на него светлыми глазами, и Игнат понял, что ненависть к нему постепенно проходит.

Прошло года три, прежде чем дядя Коля решил сделать предложение маме Игната и стал его отчимом. К тому времени мальчик привязался к нему.

Они часто смотрели вместе в звёздное небо, надеясь найти звезду, на которой храбрый лётчик, отец Игната, выполнял очередное задание: строил садики, школы, больницы для инопланетных детей.

Дядя Коля тоже летал и, как прежде отец, брал с собой иногда приёмного сына посмотреть на самолёты. С тех пор Игнат мечтал пойти в космические войска, а позже стать космонавтом, чтоб, возможно, когда-то среди звёзд встретиться с папой.

– Позволь мне теперь попробовать поговорить с твоими ребятами, – закончил свое повествование Игнат. – Подумай!

Он поцеловал любимую и собирался идти домой.

В этот момент откуда-то появилась заплаканная девчонка, размазывая слёзы по лицу.

– Помогите! – через силу сказала она. Это была «моядевушка».

– Лена, что случилось? – мама узнала Васину подружку.

– Ва-Вася! – прорыдала та, показывая рукой в сторону.

– Где? – Игнат тихонько потряс её за плечи. – Говори!

– Там. На пустыре.

Игнат, не теряя времени, бросился в ту сторону. На грязном пустыре было скользко и темно. Игнат чуть не споткнулся о камень и вытащил фонарик, который всегда носил с собой. Нагнавшая его девчонка

в неровном свете фонаря указывала путь. Следом шла мама, бледная от страха.

Вася лежал в холодной грязи рядом с мопедом. Он был без сознания.

– Звони в «скорую»! – крикнул Игнат, прощупывая пульс. – Жив! – выдохнул он. Пока Игнат пытался привести Васю в чувство, мама с Леной ждали прибытия врачей.

Вася не помнил, как оказался в больничной палате. Очнувшись, он только знал, что кто-то на сильных и добрых руках принёс его сюда. Как отец. Мальчик лежал и думал до вечера. Думал много о папе, о маме, о младшем брате, о своей девушке.

Они пришли вечером все вместе. Врач сказал, что сейчас уже можно навестить пациента, опасность миновала. Впереди шли Шурка с Лёлей. Шурка нёс брату в подарок свой рисунок «Лунатикам снятся папы», а девочка улыбалась щербатой улыбкой. Следом вошли мама с Леной, которая смущённо смотрела на Васю и была не похожа на себя без прежней «боевой раскраски». Затем тихо вошла бабушка с пакетом фруктов. Последним неловко в палату протиснулся Игнат Васильевич с небольшой моделью самолёта в руках.

Вася улыбнулся, стараясь не показать набежавшие на глаза слезы, и протянул руки к игрушечному самолетику.

Хозяинова
Екатерина

Вечерняя
сказка

– Мам, ты обещала почитать! – капризничал шестилетний Валерка, демонстративно ворочаясь на тахте. Дескать, без тебя не усну.

Алиса устало вздохнула. И конец-то квартала для бухгалтера был кошмаром, а уж конец финансового года – тем более. С работы она пришла обессиленной, а ведь пришлось ещё забрать сынишку из садика и накормить ужином. Она надеялась, что после еды он займётся чем-нибудь в своей комнате и даст ей отдохнуть, да не получилось. Валерка постоянно приставал к маме с вопросами, буквально выжимая досуха. А ей так хотелось скорее устроиться в постели с дамским романом в мягкой обложке! Безразлично, какой там сюжет, лишь бы как можно больше красивых рыцарей и меньше реальности. И ни одного главбуха, и ни одного директора, ни одного упоминания об ИС. Вот оно, счастье. Но, чуяло её сердце, сначала придётся читать сыну.

Как маленькая девочка, Алиса попробовала отвертеться от нежеланного занятия:

– Да, но мы с тобой договорились, что ты кашу доешь. Только тогда почитаю.

Сынишка неуверенно парировал:

– А я её доел, почти-почти. Там только крошечки остались...

Да, действительно, сегодня Валерка был очень старательным едоком. Для его-то капризного аппетита, совершил настоящий подвиг.

А обещания следует выполнять. И вот Алиса с печальным вздохом раскрыла недавно купленную в магазине книжку с яркими и аляповатыми, зато позитивными картинками. Она ничего не понимала в литературе для детей. Знала только, что малышам нужна радость. Иначе вырастут этикие обиженные на мир, травмированные нытики, которые станут клиентами психотерапевтов. Ей именно психотерапевт об этом и рассказал. Поэтому книжки для сына Алиса выбирала, как романы для себя – с красочными обложками. На этой улыбались все: парень, девушка и старик, даже рыба в их руках.

– Ладно. Что ж с тобой поделать. Слушай.

Алиса устроилась у сына в ногах и подтянула диванную подушку себе под спину так, чтобы расслабилась поясница, до боли уставшая от целого дня за компьютером. И начала читать, едва вникая в то, какие именно слова произносит:

– «Вечером приходит время сказок. Мать садится у постели мальчика. Поправляет на светце лучину, гладит ребятёнка по щеке, в лоб целует. Сколько историй рассказано вот в такой полусонный час – и про котика-баюна, и про рыбу-кита, и про говорящий дом. Но сегодня время для истории о живых, настоящих людях. Бабушка рассказывала маме. Мама рассказала это мне. А теперь, сын, ты слушай. Давным-давно, так давно, что даже моей бабушки, твоей прабабушки, не

было на земле, жил в пещере у самого моря мудрый слепой старец. И ходила молва, что явись к нему за советом, он любую проблему решит и ссору замирит. Народ у него обычно бывал простой, небогатый, платил за подмогу, чем боже пошлёт. Чаше пищей, реже одеждой. Да старцу ничего другого и не требовалось».

Валерка прямо подскочил в своей кровати:

– А как он там жил один, без телевизора? И без интернета, без приставки?

Алиса, умученная детскими «как» и «почему», вяло отмахнулась:

– В книжке написано – старец слепой. Как он телевизор посмотрит?

– Ах, да. – Валерка поёрзал и грустно вздохнул: – Скучно ему там было, наверное. Поэтому он всем и помогал. Для развлечения.

– Ну, может быть. Слушай, давай, дальше: «Однажды пришли к нему двое. Муж и жена. В совете нуждались. Делали лодки на продажу, да не покупал их никто. Не принял их старец на первый раз. Сказал: «А сделайте мне лодочку, такую, словно игрушка. В ладонь размером. Но точно как ваша на вид, что вы продаёте. Она мне про всё нашепчет и про ваши беды, и как одолеть их». Сделал муж лодочку. Всю ночь возился с нею.

Старец её в руки забрал и давай гладить пальцами. Коротка, говорит, лодочка, мало вместительна. И узором другим сейчас всё, что плавает, украшают.

Обережный узор быть должен, а не простой. Ну, да не узор-таки в лодке важен. А важно, что холодна она вам, безрадостна. Вы делаете лодки на продажу, чтоб деньги заработать. А душа-то просит чего-то совсем иного...»

– А как это душа чего-то просит? – выпучил Валерка глаза.

– Не знаю, – прямо ответила Алиса, мысленно ругая себя за то, что купила книгу, не удосужившись даже заглянуть под обложку. – Честно говорю – не знаю.

И продолжила чтение. Конечно, странная история. Но не бросать же на полпути.

– «Приуныли муж и жена. Что делать теперь, не знают. О душе частенько слышали, но им брюхо бы прокормить. Не до души пока. Вспомнили о желудке, тут жена и достала из плетёного туюска отдарок для старца – копчёную рыбу. Был то угорь, только называли его о ту пору морским гвоздём. И не ели. Уж больно на змею ядовитую походил. Старец ноздрями повёл, спрашивает: что у вас так аппетитно пахнет? А муж оживился, говорит, а отведай, дедушка, до чего рыбка вкусная. Мы как-то сварили с голоду, понравилось – не оттянешь. Теперь «гвоздей» впрок коптим. Откусил угря старик, пожевал-посмаковал да улыбнулся неторопливо: «Этим, парень, и зарабатывай».

– Мама, а ты кушала угрей? – заинтересовался Валерка. – Их правда так зовут? Ну, морскими гвоздями?

Для Алисы в тот момент уже стало очевидным, что книжку она зря купила, потому как понаписали в ней ерунды. Разумеется, угрей никто и никогда не называл морскими гвоздями. Они больше на ремень похожи. Но что же сказать сыну: «Книжка глупая»? А как тогда получится привить ему любовь к чтению? Ведь все детские психологи только об этом и говорят. «Мультфильмы – зло, компьютерные игры – зло, книга вас спасёт». Нет, лучше сейчас смолчать – вот вырастет, сам разберётся.

– Не представляю, – мама выбрала ответить полуправду, ведь она действительно не могла отвечать за всё человечество. Вдруг где-то было выражение «морские гвозди»? – И угрей я не ела. Вообще никогда. Вот осьминогов да, кушала. Очень давно. Щупальца у них смешные, а на вкус пустые, как вата.

Когда Алиса смущалась, она начинала слишком много говорить, чтобы скрыть своё замешательство. Вот и привлекла на свою голову ещё один детский вопрос:

– А змею ядовитую если съешь, можешь отравиться?

– Может быть, – последовал глубокий и долгий зевок. – Завтра в садик пойдёшь и спроси

воспитательницу. А пока давай книжку дочитаем, там немного осталось.

Конечно, мама знала, что ядовитых змей не просто готовят – их подают в дорогих ресторанах. Но затевать дискуссию о яде, живущем в зубах, а не в мясе змей, было уже выше её сил.

– «Через год прапрадед, разбогатевший на копчёных «морских гвоздях», снова к старцу вернулся, на сей раз с дарами щедрыми. Но мудреца в живых уже не оказалось. С тех пор в нашем роду и говорят: «Если от дела холодно душе, бросай его. Ищи другое, по сердцу». Так и живём. Потому твой отец дома строит, а твой дедушка шкуры дубит».

И ещё раз зевнула.

– Всё. Конец!

– До чего грустная сказка, – разочаровался Валерка. – Они все потом умирают?

Алиса встала, осторожно распрямляя спину, чтобы не разбудить в ней боль. Взяла диванную подушку и положила на стол возле постели сына. Затем наклонилась для очень короткого, но неизменного поцелуя в щёчку.

– Там не сказано. Наверное, они жили долго и счастливо, и умерли в один день. Но это было очень и очень не скоро. Ложись на бочок, подоткни тебе одеяло.

Валерка наконец-то успокоился. Угомонился. Он пожелал маме спокойной ночи, отвернулся к стене и готов был задремать.

«А чего просит моя душа?» – невольно задала себе вопрос Алиса, моясь под душем. Она вспомнила, как увлечённо, пока сын ещё был совсем маленьким, рисовала множество иллюстраций. В любую свободную минутку бралась за карандаши. Кое-кто из знакомых даже хвалил. Конечно, рисовать было гораздо интересней, чем корпеть в бухгалтерии. Но всегда было страшно показать своих рыцарей и коней, турниры и парады кому-нибудь, кроме пары приятельниц. Хотя говорить о рисунках Алиса могла даже более страстно, чем тот парень из книжки – про свою копчёную рыбу.

От усталости даже любовный роман читать расхотелось. Тянуло лечь в постель и провалиться в сон. Но, пока оставалась решимость, Алиса включила компьютер и нашла папку с названием «Сканы – Дон Кихот».

Она отправила свои рисунки во все крупные издательства, которые только смогла вспомнить. И написала, что хочет быть художником-иллюстратором.

Когда на следующий вечер она открыла свою почту и прочитала ответы... одним бухгалтером стало меньше.

Некрасова
Юлия

двояк
и чюд

П

Когда я была маленькой, я любила воображать себе что-нибудь волшебное. А воображала я много. Например, мне очень нравилось вглядываться в темные пятна на потолке, которые появлялись в сумерки. Лежа в кровати, я рассматривала эти пятна. Это похоже на хвост дракона, а вон то напоминает профиль Бабы Яги с крючковатым носом. А то, которое рядом, смахивает на чайник без ручки. Или нет, скорее на кошку, умывающую нос. Да, определенно кошку.

Моим любимым занятием вечером было улечься на пол посреди детской комнаты и фантазировать. Мне казалось, что пушистый ковер – это большая равнина с реками и озерами, диван и книжные шкафы – высокие горы, а круглая желтая лампа на потолке – луна. Я же – Гулливер, которого связали лилипуты. Сейчас они шумно решают, что будут со мной делать, а я на удивление спокойна и не предпринимаю никаких попыток высвободиться из плена.

А еще мне нравилось примерять старую мамину шляпу и представлять, что с ее помощью я могу стать кем угодно, даже превратиться в невидимку и шпионить за соседским мальчишкой. Я тайно буду ходить за ним по улице, а он даже не узнает об этом!

...В определенный момент жизни понимаешь, что диван – это не горы, а шляпа – просто шляпа. И вообще

надо бы выбросить ее, а то только место в шкафу занимает. В определенный момент жизни принцы перестают спасать принцесс, дракон на потолке превращается в простое тёмное пятно. Ты уже знаешь, что в Новый год Дедом Морозом будет мамин брат, фальшивая игра которого вызывает только грустную улыбку.

Куда исчезает та по-детски наивная вера в чудо, вера в то, что все твои самые грандиозные мечты обязательно осуществляются? А мечты словно растворяются в голове, наполненной взрослыми проблемами, и напоминают о себе редко, выливаясь в протяжный вздох, пробегая в памяти смутными картинками. Прекрасные принцессы томятся в книге сказок, которую уже давно никто не открывал. А старая мамина шляпа по-прежнему воображает себя волшебной и старается попасть на глаза всякому, кто открывает шкаф...

...В комнате мягко светит ночная лампа. Мы лежим рядышком, и я перебираю пальчики на его пухлой ручонке. Он смотрит на меня большими карими глазами, его рот расплывается в улыбке. Клянусь, нет ничего дороже улыбки собственного ребенка! В сотый раз он тянет меня за руку, а я в сто первый раз целую его в макушку. Вдруг он замирает, и его взгляд устремляется в потолок.

– Мама, там бегемот на потолке!

– Где? – я смотрю вверх, а сын показывает пальцем на темное пятно.

– Бегемот, видишь? Мама, смотри, какие у него ноги большие!

Мне почти тридцать лет. Но без машины времени и волшебной палочки мой сын каким-то чудесным, понятным только ему способом превратил меня обратно в девятилетнюю девочку. Воспоминания старым теплым пледом кутают мою душу. Внутри становится уютно. Я делаю глубокий вдох и широко улыбаюсь. Наверное, так и должно быть, чтобы в определенный момент жизни четырехлетний мальчик сказал тебе, что пятно на потолке похоже на бегемота.

– А почему ты решил, что это бегемот? Может, это дракон? Смотри, у него хвост сбоку...

– Пусть будет бегемот.

Пусть.

Рената
Рай

Игра

Когда я проходил мимо старого парка, я видел, как за столом, выцветшим от проливных дождей и палящего солнца, сидел старик, всегда печальный и одинокий. Даже вороны избегали его, не летая и не садясь возле.

Мне казалось, что старик смиренно доживает последние годы жизни; точно склонив голову перед временем, он не подгонял его ни вперед, ни назад, а просто покорно дожидался своего часа. Мне было жаль его.

Пару раз мне даже хотелось подойти, но его одиночество казалось столь явным и гармоничным, что мне было неловко нарушать его; ореол одиночества, словно вырастающий из его души, охватывал каждого, кто приближался к нему.

Но однажды я увидел, как что-то изменилось в моем одиноким знакомом. Остановившись, я всматривался внимательно в него, надеясь понять, что нарушило привычную картину: он был все в том же поношенном пиджаке орехового цвета, из-под которого выглядывал воротник белой рубашки, на ногах его были такие же старые ботинки, как и всегда. Убедившись, что не внешность старика смутила меня, я перевел взгляд на стол, стоящий перед ним, и понял, что привлекло мое внимание.

На столе стояла абсолютно новая шахматная доска; и старик, отперевшись подбородком на ладонь, задумчиво смотрел на белые фигуры. Он играл сам с собой.

Даже издали я видел, как напряглось его лицо перед очередным ходом, как глубокие морщины прорезали лоб, и именно в эти секунды старик оживал. Цвет его выцветших глаз вновь становился насыщенным, черты лица больше не таили в себе покорность и неизбежность – устремление и надежда возрождались в них. Эта игра точно стала для него тем мостом, перейти который он не мог решиться, мостом между жизнью и смертью.

Занеся руку над доской, он, покусывая ссохшиеся губы, передвинул белую пешку вперед. Жалость вновь проснулась во мне, ибо его старость представлялась мне печальным зрелищем. Дабы не видеть его одиночество, я отвернулся и сделал шаг назад, но что-то заставило меня вновь взглянуть на старика, точно мой мозг желал удостовериться, что картина, которой я стыдился, была реальной. Обернувшись, я увидел, как черная ладья в сухих пальцах старика сделала свой ход.

От осознания того, что когда-нибудь и я окажусь в подобном мире слабости и одиночества, мне захотелось заранее пожалеть себя. Я уже не мог оторвать взгляд от игры: наблюдал, как он ходит белыми, и зажмурился, когда старик брал в руки черные фигуры.

С того дня, проходя мимо парка, я дольше обычного наблюдал за ним и видел, как раз за разом он то выигрывает, то проигрывает сам себе. Я видел, как широко он улыбается беззубым ртом, когда ему

удается взять реванш, и какой досадой наполняются его глаза, когда проигрывают белые фигуры.

Однажды я не стал закрывать глаза, когда старик сделал ход черным ферзем. Я смотрел на него, силясь понять, какие мысли бродили в тот момент в его голове.

И я увидел лицо человека знакомого и незнакомого мне, те же черты: нос и губы той же формы, тот же разрез глаз. Но я более не узнавал его лица. Словно кто-то посторонний сидел внутри старца, не знакомый ни мне, ни ему; словно все его чувства и противоречия, вся обида на мир и на людей, обратившись в его «второе я», получили свободу лишь на короткие мгновения игры, и старик, сражаясь сам с собой, сражался с несовершенством мира, где нет уважения к старости, и старость более не уважает юность.

Сделав ход, старик тряхнул головой и передвинул белого слона. Отвернувшись, я продолжил путь, но глаза незнакомца не отпускали меня; пустые и бездонные глаза были лишены чувств и эмоций, лишены надежд и ожиданий и, может быть, даже лишены души.

Впоследствии этот взгляд, преследуя меня во снах, заставлял сердце сжиматься от страха и омерзения. Я осознал, что старость стала ассоциироваться для меня с пустотой, одиночеством и безразличием.

На следующий день я не увидел старика на привычном месте; беспокойство, смешанное с удивлением, всколыхнулось во мне. Досада едкой дымкой

опутывала глаза, пока мозг подбирал десятки различных вариантов его отсутствия.

Первой и самой вероятной мне показалась причина, что ему просто надоела игра. Приняв данный вывод за истину, я даже обрадовался, так как счел подобное поведение выздоровлением, пусть и не физическим, но душевным выздоровлением от одиночества.

И это выздоровление всего лишь одного пожилого человека давало шанс миллиону других людей не сойти с ума от осознания неизбежного увядания жизни; его выздоровление давало шанс и мне. Остаток дня и всю ночь мое настроение, впервые за долгое время, было светлым и безоблачным, словно очищенное ветром небо; и вид других стариков и старушек больше не вызывал во мне жалость и отвращение. Я снова радовался жизни, каждому прожитому часу, каждой утерянной безвозвратно минуте; я не боялся будущего.

На следующее утро, проходя мимо парка, я увидел, что обе скамейки по бокам стола были пусты, как и вчера. Удовлетворенно кивнув, я уже было собрался уйти, когда мой взгляд упал на выцветший стол и заметил на нем все те же шахматы.

Был тот же парк, те же стулья и деревья, но в этой картине больше не было жизни. Предметы, безжизненные и невозмутимые, лишились света, что одушевлял их и не давал этому почти забытому месту прийти в запустение. Будто старик раньше оживлял своим присутствием это место.

Обогнув ограду, я впервые не стоял с внешней стороны, а был внутри. Медленно, точно во сне, я приближался к столу. Краска почти полностью слезла с досок, обнажив куски прогнившего дерева. Но я не обращал на это внимание; мой взгляд и все мое существо было приковано к одной-единственной вещи.

Я смотрел на шахматную доску. Редкие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь раскидистую листву, отражались от ее лакированной поверхности. Кто-то положил на поле между двумя сторонами, черной и белой, алую розу.

Каждый раз, проходя мимо парка, я поворачивал голову в бессмысленной надежде увидеть старика, но он так и не пришел; и когда спустя неделю роза высохла и почернела, я забрал шахматы себе.

Каждый вечер я доставал эти шахматы из шкафа и любовался искусной работой неизвестного мастера. И однажды пришел тот день, когда я перестал узнавать себя в зеркале. Я осознал, что незаметно моя зрелость сменилась вторгшейся без приглашения старостью. Взяв шахматную доску, я отправился в тот же парк, сел за тот же стол и, расставив фигуры по местам, сделал первый ход.

Я чувствовал кислую жалость случайных прохожих. Но мне уже было все равно, ибо игра полностью захватила меня. И я, играя сам с собой, чувствовал, как напротив меня возникает вечный спорщик, мое «второе я», противник, с которым я встретился лицом к лицу только в старости.

Косполова
Марина

и
и
и

Иногда в тишине услышишь песенку, вспомнишь слова, словно сказанные на забытом языке...

– Пробку для этого вина делают тоже фирменную, – сказал Тоньо, вертя что-то в руках.

– Однажды из-за такой пробки чуть было не пошел ко дну один корабль.

– ?

– Очень просто: ты тут, за столиком, вертишь пробку в руках, а если при этом еще и зол на кого-нибудь, – не миновать вдалеке шторма. Верни пробку на место – и все утихнет.

Тоньо и незнакомец еще очень долго спорили, затем незнакомец расплатился и вышел в ночь.

Тоньо отправился домой позже, когда пересчитал оставшиеся монеты. В пути его застал неожиданный ливень.

«Как войско в тысячу мечей», – подумал он, заворачиваясь в плащ.

Ливень усиливался, и тогда он вспомнил.

Вино имело вкус детских слез, оно было фантастически знакомым и... грустным. Оно волновало и мучило неузнанной песней, неизвестными словами. Он различил в нем три совершенно отдельные струи. Они сплелись в одну, разъединить их было уже нельзя.

Три женщины, которые прошли мимо. Три женщины, которые прочно забыты. Три песни.

Их слезы вернулись к нему в воспоминаниях. нет, похоже, именно с этим дождем. Проклятым ливнем, который уничтожил его шляпу. Новую шляпу.

Он стал наигрывать на гитаре. Неровный огонь камина вел свою партию.

Анита, Мария, Сперанца...

Вы созданы были для танца

Сперанца, Анита, Мария...

Вы солнце и счастье дарили.

Мария, Сперанца, Анита...

Вы стали другими, поймите.

Мелодия свивалась в змейки, она вызывала на фламенко. Тоньо перестал играть и долго смотрел на огонь.

В это время Дичо, мальчишка, слышавший разговор Тоньо и незнакомца, спотыкаясь, падая и задевая мокрые ветви деревьев, летел по каменистой и скользкой от ливня тропинке к дому Тоньо, которого все знали в округе. Оборвав колокольчик, мальчишка толкнул дверь. На пороге он стоял минуты две, остолбенев.

При ярком свете камина можно было видеть вихрь, поднимаемый костюмами трех танцовщиц: одна была в черном, другая – в белом, третья – в красном. Они то кружились, то шли на Тоньо, повторяя одинаковые движения. У мальчишки дух захватило, и он,

придя в себя, сказал, обращаясь к сидящему в глубоком кресле с трубкой в руке Тоньо:

– Вы забыли это, дон Антонио!

Он протянул что-то в руке уставшему Тоньо, и тот машинально положил на столик маленький предмет. Это была пробка, которую он забыл.

Ливень стих резко, и все заметили это. Наступила долгая пауза.

Тоньо сказал, не поворачиваясь к мальчишке:

– Садись ближе к камину. Я расскажу тебе одну историю...

Танцовщицы между тем исчезли, словно их тоже унес ливень.

Мальчишка слушал невнимательно: ему хотелось спать, но когда Тоньо, поворачивая дрова в камине, взглянул на него недовольно, мальчишка задал вопрос:

– Дон Антонио, неужели эта пробка та самая?

– Да, – вздохнул дон Антонио. – Давай-ка вернем ее на место.

И он закрыл пробкой бутылку старого вина.

– Это все молнии, тебе показалось, – угадал он мысли мальчишки.

Наступил рассвет.

Он спрятал бутылку и никогда уже больше не открывал ее. Лишь иногда песня приходила ему на память во сне:

*Анита, Мария, Сперанца,
Вы созданы были для танца...*

Но потом снова бешено гудел за окном ливень, и
песня пропадала где-то высоко среди других звуков
природы.

40,00

Антология завтрашнего дня

